
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ВЫХОДИТ ОДНОВРЕМЕННО НА РУССКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ, НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.

□ □ Журнал издается под редакцией Г. Зиновьева □ □
В вышедших номерах, между прочим, были помещены статьи
следующих авторов: М. Альберта, А. Балабановой, В. Бы-
стрянского, Н. Бухарина, Анри Гильбо, М. Горького, Г. Гор-
тера, К. Грубера, Г. Зиновьева, А. Луначарского, Н. Ленина,
Дж. Маклина, Ю. Мархлевского (Карского), Е. Мюнха,
Э. Панкхерст, Ф. Платтена, А. Руднянского, Ж. Садуля, Сирола,
□ К. Тимирязева, Л. Троцкого, Э. Хеглунда, К. Цеткиной □

 № 5
СЕНТЯБРЬ 1919 г.

КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА:
ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КОМНАТА 32-33
Телефон 161-20 и 1-19.

РЕДАКЦИЯ:
ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ,
Каб. Г. ЗИНОВЬЕВА

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ.

Роза Люксембург, была человеком воли, исключительно сильной воли. Строгое самообладание отесняло во внутрь пламенность ее натуры, скрывая ее под обликом наружной сдержанности и спокойствия. Владея собою, она умела воспитывать и направлять других. Ее чуткая восприимчивость нуждалась в защите от влияний внешнего мира. За ее кажущейся холодностью и замкнутой обособленностью таилась нежное, глубокое и в высшей степени содержательное чувство, которое, не останавливаясь на одних лишь людях, распространялось на все живое, охватывало все существующее в мире, как единое целое. Случалось, что „кровавая Роза“, усталая, заваленная работой, останавливалась на дороге для того, чтобы поднять заблудившуюся гусеницу и перенести ее на спасительный листок. Ее сочувствие человеческому страданию никогда не ослабевало; у нее всегда хватало времени и терпения выслушивать всех, кто нуждался в совете и помощи, и она с радостью отказывала себе во всем, лишь бы только помочь другим. Строгая к самой себе, она относилась с чуткой снисходительностью к друзьям; их заботы и печали больше удручали ее, чем собственные страдания. В дружбе она была воплощенная верность и преданность, самоотверженность и нежная заботливость. А какой обаятельной бывала эта „неприступная фанатичка“ в кругу друзей, сколько жизни и ума искрилось в ее разговоре! Выдержка и благородная гордость научили ее страдать, не жалуясь. Все низменное не существовало для нее. Маленькая хрупкая Роза была воплощением беспример-

ной энергии. Она предъявляла беспощадные требования к своей работоспособности и достигала поразительных результатов. Когда казалось, что она вот-вот свалится от переутомления, она „для отдыха“ бралась за что-нибудь еще более трудное. Работа и борьба окрыляли ее силу. От нее редко приходилось слышать: „я не могу“, но тем чаще она говорила: „я должна“. Болезненность и неблагоприятные внешние обстоятельства не имели над нею никакой власти. Страдая от физических недугов, окруженная трудностями и опасностями, она всегда оставалась самой собой. Внутренняя свобода поднимала ее над всеми преградами.

Товарищ Меринг справедливо утверждал, что Роза Люксембург — самый светлый ум среди учеников Маркса. Проницательная, глубокая и вполне самостоятельная в своем мышлении, она не принимала на веру ни одной традиционной формулы, но всегда сама перерабатывала все понятия и явления, приобретавшие таким образом особую лично для нее ценность. Точная логика соединялась у нее с ясным пониманием текучести жизни, ее диалектики. Ее парящему, смелому уму недостаточно было знать Маркса, понимать и толковать его. Она шла дальше по пути исследования и продолжала сама творить в духе Маркса. Она обладала даром блестящего изложения и умела выражать свои мысли во всей их полноте, со всеми оттенками. Роза Люксембург никогда не ограничивалась сухим и бесцветным изложением теории, свойственным обыкновенно ученым специалистам. Язык ее работ сверкает умом, остроумием, язвительной насмешкой, словно дрожа от сдерживаемого возбуждения, и обнаруживает широкое общее образование и богатство внутренней жизни. Она была выдающимся теоретиком научного социализма,

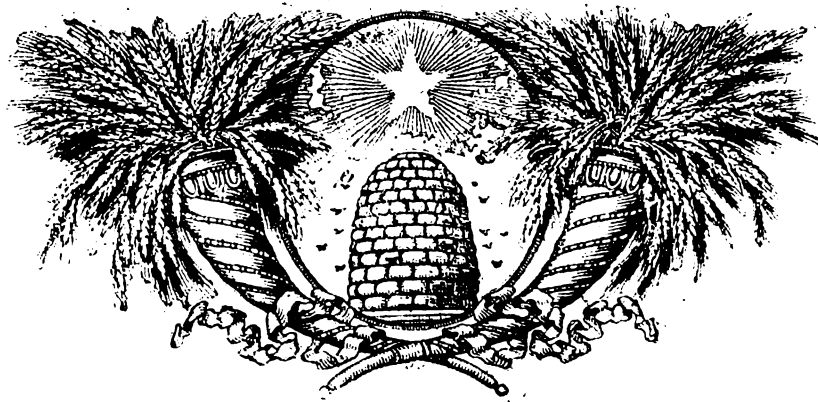
а отнюдь не жалким педантом, черпающим всю свою мудрость из нескольких научных книг. Ее жажда знания не знала пределов, и при своем открытом уме и чутком понимании она находила в природе и искусстве вечно новые живительные источники наслаждения и духовного совершенствования.

Идея социализма была всепоглощающей, мощной страстью Розы Люксембург, страстью умственной и душевной. Страсть эта поглощала ее и претворялась в творчество. Подготавливать революцию, расчищающую путь к социализму, было всей задачей жизни и единственной целью, которую знало честолюбие этой редкой женщины. Дожить до революции, принять участие в ее битвах

было высшим счастьем, о котором мечтала она. Роза Люксембург отдала социализму, все, что у нее было — и невозможно передать словами ту силу воли, ту бескорыстность и преданность, с которыми она служила своему делу. Она принесла себя в жертву социализму не только своей смертью, — она отдавала ему весь свой труд, каждый день, каждый час в течение многих лет беззаветной борьбы. Поэтому она имела право требовать и от других, чтобы они отдавали все во имя социализма, — все вплоть до жизни. Она была мечом, она была пламенем революции. Роза Люксембург — это один из самых выдающихся, самых великих образов в истории международного социализма.

Август 1919 г.

КЛАРА ЦЕТКИНА.

КАК БУРЖУАЗИЯ ИСПОЛЬЗУЕТ РЕНЕГАТОВ.

Наши радио-станции перехватывают радиотелеграммы Карнарвона (Англия), Парижа и других европейских центров. Париж теперь — центр всемирного союза империалистов, и его радио поэтому часто бывают особенно интересны. На днях, 13 сентября, правительственное радио из этого центра всемирного империализма сообщило всем странам о выходе новой книги известного ренегата, вождя II-го Интернационала, Карла Каутского, против большевизма.

Миллионеры и миллиардеры даром не пускают в ход свое правительственное радио. Им показалось необходимым оповестить всех о новом походе Каутского. Им приходится хвататься за все для борьбы с надвигающимся большевизмом, — за все, даже за соломинку, даже за книгу Каутского. От души благодарим господ французских миллионеров: они так хорошо помогают пропагандировать большевизм! Они так помогают нам, выставляя на посмешище обывательские и филистерские громы Каутского против большевиков!

Сегодня, 18 сентября, мне доставили номер газеты германских социал-шовинистов, убийц Карла Либкнехта и Розы Люксембург, „Vorwärts“ от 7/ix, со статьей Фридриха Штампфера об этой новой книге Каутского („Терроризм и Коммунизм“) и с рядом цитат из этой книги. Сопоставляя статью Штампфера с парижским радио, мы видим, что последнее, по всей вероятности, составлено на основании первой. Господа Шейдеман и Носке, телохранители германской буржуазии и палачи германских коммунистов, расхваливают книгу Каутского и объединяются с империалистами Антанты в борьбе с международным коммунизмом. Зрелище чрезвычайно поучительное! А наши меньшевики, эти типичнейшие представители Бернского, желтого Интернационала, не находили слов для возмущения

по поводу того, что я назвал Каутского (в своей книге: „Пролетарская революция и ренегат Каутский“) лакеем буржуазии.

Это факт, господа, как бы вы ни сердились. Не по заговору же со мной шейдемановцы из „Vorwärts'a“ и миллионеры Антанты принялись хвалить Каутского и выдвигать его, как орудие борьбы с мировым большевизмом. Каутский оказался фактически, хотя бы он этого не сознавал и не желал, как раз тем, — по отношению к буржуазии, — о чем я говорил.

Чтобы показать, до какой степени дошло это, прикрывающееся именем марксизма, отречение от социализма и революции, приведем несколько наиболее „грозных“ обвинений большевиков Каутским.

... „Каутский показывает подробно, — пишет Штампфер, — как большевики всегда приходят в конце концов к противоположности того, что было их целью: они были противниками смертной казни и работают массовыми расстрелами“...

Во первых, это — прямая ложь, что большевики были противниками смертной казни для эпохи революции. На втором съезде нашей партии, в 1903 году, когда возник большевизм, составлялась программа партии, и в протоколах съезда значится, что мысль вставить в программу отмену смертной казни вызвала только насмешливые возгласы: „и для Николая II?“ Даже меньшевики в 1903 году, не посмели поставить на голосование предложение об отмене смертной казни для царя. А в 1917 году во время Керенщины, я писал в „Правде“, что ни одно революционное правительство без смертной казни не обойдется и что весь вопрос только в том, против какого класса направляется данным правительством оружие смертной казни. Каутский до такой степени разучился мыслить революционно, до такой степени погряз в обывательском оппор-

тунизме, что он и представить себе не может, как могла революционная пролетарская партия задолго до своей победы открыто признавать необходимость смертной казни для контр-революционеров! „Честный“ Каутский, будучи честным человеком и честным оппортунистом, не стесняясь пишет поэтому ложь про своих противников.

Во-вторых. Если бы у этого человека была хоть капелька понимания революции, он не мог бы забыть, что речь идет теперь не о революции вообще, а о революции, вырастающей из великой империалистской бойни народов. Мыслима ли пролетарская революция, вырастающая из такой войны, без заговоров и контр-революционных покушений со стороны десятков и сотен тысяч офицеров, принадлежащих к классу помещиков и капиталистов? Мыслима ли революционная партия рабочего класса, которая бы не карала за такие выступления смертью в эпоху самой ожесточенной гражданской войны и заговоров буржуазии о вторжении иноземных войск для свержения рабочего правительства? Ни один человек, кроме безнадежных и смешных педантов, не мог бы ответить на эти вопросы иначе, как отрицательно. Но Каутский, прежде умевший ставить вопросы в их конкретной исторической обстановке, разучился этому.

В-третьих. Если Каутский не умеет изучать своего предмета и пишет о большевиках ложь, если Каутский не умеет мыслить и не в состоянии даже поставить вопроса об особенностях революции, вырастающей из четырехлетней войны, то Каутский мог бы хоть наблюдать вокруг себя. Что доказывает убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург офицерами в демократической республике германской? Что доказывает побег приговоренных потом за убийство, к издевательски мягкому наказанию офицеров? Господин Каутский и вся его „независимая“ (от пролетариата, но очень зависимая от мелкобуржуазных предрассудков) партия отделяется хныканьем, осуждениями, филистерскими lamentациями от таких вопросов. Но именно поэтому все революционные рабочие во всем мире все больше отворачиваются от Каутских, Лонгэ, Макдональдов, Турати и переходят на сторону коммунистов, ибо революционному пролетариату нужна победа над контр-революцией, а не бессильное „осуждение“ ее.

В четвертых. Вопрос о „терроризме“ есть, видимо, основной вопрос в книге Каутского. Это видно из ее заглавия. Это видно также из слов Штампфера: ...„Каутский, несомненно, прав, утверждая, что основным принципом Коммуны был не терроризм, а всеобщее избирательное право“. Я привел в своей книге „Пролетарская революция и ренегат Каутский“ достаточно материала для доказательства того, какой издевкой над марксизмом

Таким образом, всякий аргумент, который Союзники выдвигали против признания Советов, может быть применен с большей силой и честностью против Маннергейма и Колчака. Однако, эти последние признания, и блокада становится все строже вокруг умирающей с голода России.

Стюарт Чэйс (Stuart Chase).

Вашингтон.

Эта маленькая статейка буржуазного либрала превосходно разоблачает всю подлость и измену социализму господ Каутских, Мартовых, Черновых, Брантингов и прочих героев желтого Бернского Интернационала.

Каутский и все эти герои, во-первых, лгут про Советскую Россию по вопросу о терроризме и демократии. Во-вторых, они оценивают события не с точки зрения фактически идущей, в мировом масштабе и в самой острой форме, классовой борьбы, а с точки зрения мещанских, филистерских воздыханий о том, что могло бы быть, если бы не было связи буржуазной демократии с капитализмом, если бы не было на свете белогвардейцев, если бы их не поддерживала всемирная буржуазия и т. д., и т. п. В третьих, сопоставляя американскую статейку с рассуждениями Каутского и Ко., мы ясно видим, что его объективная роль есть лакейство перед буржуазией.

Всемирная буржуазия поддерживает Маннергеймов и Колчаков, стремясь задушить Советскую власть, облыжно выставляя ее террористической и недемократической. Таковы факты. И только подпевалами буржуазии являются Каутский, Мартов, Чернов и Ко, когда они тянут свою песенку о терроризме и демократизме. Всемирная буржуазия именно под звуки этой песенки, именно ею обманывая рабочих, душит рабочую революцию. Личная честность „социалистов“, которые поют эту песенку „искренно“, т. е. по крайнему тупоумию, несколько не меняет об'ективной роли этой песенки. „Честные оппортунисты“, — Каутские, Мартовы, Лонгэ и Ко стали „честными“ (по беспредельной своей бесхарактерности) контр-революционерами.

Таков факт.

Американский либерал понял — не в силу своей теоретической подготовленности, а просто внимательно наблюдая события в достаточно широком т. е. именно в мировом масштабе, — понял, что буржуазия всего мира организует и ведет гражданскую войну против революционного пролетариата, поддерживая для этого Колчака и Деникина в России, Маннергейма в Финляндии, лакеев буржуазии, грузинских меньшевиков на Кавказе, польских империалистов и польских Керенских в Польше, немецких шейдемановцев в Германии, контр-революционеров (меньшевиков и капиталистов) в Венгрии и так далее, и так далее.

А Каутский, как настоящий реакционный мещанин, продолжает хныкать по поводу страхов и ужасов гражданской войны! Тут не только исчезает всякая тень революционного сознания, всякая тень исторического реализма (ибо не грех, наконец, понять неизбежность превращения империалистской войны в войну гражданскую), тут получается прямо подпевание буржуазии, помощь ей, тут Каутский фактически оказывается на стороне буржуазии в той гражданской войне, которая во всем мире либо уже идет, либо готовится с полной ясностью.

Как теоретик, Каутский прикрывает шумом, криком, плачем, истерикой по поводу гражданской войны то обстоятельство, что он провалился. Правы оказались именно большевики, которые осенью 1914 года заявили всему миру о превращении империалистской войны в войну гражданскую. Реакционеры всех оттенков негодовали или смеялись, но большевики оказались правы. Чтобы прикрыть свое полное поражение, свое недомыслие свою близорукость, надо стараться запугать мелких буржуа ужасами гражданской войны. Это и делает Каутский, как политик.

До каких смехотворных нелепостей он договаривается при этом, видно из следующего. Надежды на всемирную революцию неосновательны, утверждает Каутский,—и как бы вы думали, в чем его аргумент?—Революция в Европе по типу России была бы, дескать, „разжиганием“ (Entfessellung), развязыванием гражданских войн во всем мире на целое поколение и притом не развязыванием, настоящей классовой борьбы, а „братоубийственной борьбы среди пролетариев“. Эти курсивом набранные цитаты приводит, именно как слова Каутского, Штаммфер, разумеется восторгаясь ими.

Еще бы негодяям и палачам Шейдемана не восторгаться этими словами! „Вождь социалистов“ запугивает народ революцией и отпугивает от революции! Но Каутский забавно не заметил при этом одного: вот уже почти два года воюет всемирно могущественная Антанта с Россией и разжигает этим революцию у себя. Если бы революция хотя бы только началась теперь, хотя бы только в своей соглашательской стадии, хотя бы только в одной-двух из великих держав Антанты, это сразу прекращало бы гражданскую войну в России, это сразу бы освобождало сотни миллионов народа в колониях, ибо там, негодование и возмущение кипит, сдерживает его только насилие Европы.

У Каутского, кроме того, что он в течение всей империалистической войны обнаружил прелести своей подло-лакейской души, действует теперь явно такой мотив: он испугался затяжного характера гражданской войны в России. С испугу он не подумал, что против России воюет буржу-

азия всего мира. Революция в 1—2 великих державах Европы подорвала бы окончательно силы буржуазии вообще, ее господство сломлено было бы в корне, у ней не осталось бы прибежища нигде на земле.

В действительности двухлетняя война всемирной буржуазии против революционного пролетариата России **обнадеживает** революционеров всего мира, **доказывает** чрезвычайную близость и легкость победы во **всемирном** масштабе.

Что касается до гражданской войны „среди пролетариев“, то эти доводы мы тоже слышали от Черновых и Мартовых. Чтобы оценить всю бездонную подлость этого довода, возьмем наглядный пример. Во время великой французской революции часть крестьян, именно вандейцы, воевали за короля против республики. В июне 1849 года и в мае 1871 года часть рабочих находилась в войсках Кавеньяка и Галлифе, душивших революцию. Что сказали бы вы о человеке, который бы заявил: я оплакиваю „гражданскую войну среди крестьян во Франции 1792 года“, — среди рабочих 1849 и 1871 годов? Вы сказали бы, что это лицемернейший защитник реакции, монархии, Кавеньяков.

И вы были бы правы.

Не понять даже теперь, что в России идет (и во всем мире начинается или зреет) гражданская война пролетариата с **буржуазией**, мог бы лишь круглый идиот. Никогда не бывало и никогда не может быть такой классовой борьбы, когда бы часть передового класса не оставалась на стороне реакции. То же относится и к гражданской войне. Часть отсталых рабочих неизбежно помогает — на более или менее короткое время — буржуазии. **Этим** защищать свой переход на сторону буржуазии могут только мерзавцы.

Теоретически мы видим здесь нежелание понять то, о чем с 1914 года кричат, вопиют все факты всей истории всего рабочего движения во всем мире. Раскол между **верхушниками** рабочего класса, испорченными мещанством, оппортунизмом, **подкупленными „доходными местечками“** и иными подачками буржуазии, наметился осенью 1914 года в мировом масштабе, развился в 1915—1918 годах окончательно. Не видя этого исторического факта, обвиняя коммунистов в расколе, Каутский только в тысячный раз доказывает свою роль лакея буржуазии.

Маркс и Энгельс 40 лет, с 1852 по 1892 г. говорили об **обуржуазении** части (именно верхушек, вождей, „аристократии“) рабочих в Англии в связи с ее колониальными преимуществами, монополиями. Ясно, как день, что империалистские монополии для целого ряда стран в 20-м веке должны были создать такое же явление, как в Англии. Во всех передовых странах видим мы раз-

вращение, подкупность, переход на сторону буржуазии **вождей рабочего класса и верхушек** его — в связи с подачками буржуазии, которая дает этим вождям „доходные местечки“, дает крохи своих прибылей этим верхушкам, **перекладывает** тяжесть наихудшим образом оплачиваемой и самой черной работы на ввозимых отсталых рабочих, усиливает привилегии „аристократии рабочего класса“ по сравнению с массой.

Война 1914—1918 гг. окончательно доказала предательство социализма, переход на сторону буржуазии **вождей и верхушек** пролетариата, всех социал-шовинистов, Гомперсов, Брантингов, Реноделей, Макдональдов, Шейдеманов и т. д., причем, разумеется, по косности часть рабочей массы идет некоторое время за этой буржуазной сволочью.

Бернский Интернационал Гюисмансов, Вандервельдов, Шейдеманов вполне конституировался теперь, как желтый Интернационал этих изменников социализма. Без борьбы с ними, без раскола с ними не может быть и речи ни о каком **действительном** социализме, ни о какой искренней работе на пользу социальной революции.

Пусть немецкие независимцы пробуют сидеть между двух стульев, такова уже их судьба. Каутского целуют и обнимают шейдемановцы, как „своего“ человека; Штампфер вопит об этом, и действительно, Каутский настоящий товарищ Шейдеманам. А Гильфердинг, тоже независимец и друг Каутского, предлагает в Люцерне исключить из Интернационала Шейдеманов. Конечно, над Гильфердингом только посмеялись настоящие вожди желтого Интернационала. Предложение Гильфердинга было либо крайней глупостью, либо крайним лицемерием: прослыть „левым“ среди рабочей массы и в то же время сохранить за собой местечко в Интернационале слуг буржуазии! Но как бы ни объяснять поведение одного из вождей, Гильфердинга, несомненно одно: среди массы пролетариата и бесхарактерность „независимцев“, и подлость Шейдеманов, Брантингов, Вандервельдов неминуемо будет вызывать все более сильный отход от **вождей-изменников**. Империализм может довольно долго раскалывать рабочих в некоторых странах, пример Англии доказал это, но **объединение** масс с нами, изгнание желтых идет в мировом масштабе неуклонно вперед. Громадные успехи Коммунистического Интернационала доказывают это: в Америке образовалась уже коммунистическая партия, в Париже комитет восстановления интернациональных связей и комитет синдикальной защиты встали на сторону III-го Интернационала. В Париже две газеты перешли на сторону III-го Интернационала: „Интернационал“ Раймонда Перика и „Запрещенное Название“ (Большевик?) Жоржа Анкетилля. В Англии мы стоим накануне образо-

вания коммунистической партии, с которой солидарны и лучшие люди из Брит. Соц. Партии, из „Комитетов фабричных старост“ (Shop Stewards Committees), из революционных индустриалистов и т. д. Шведские левые, норвежские с. д., голландские коммунисты, швейцарская и итальянская социалистические партии стоят уже в одном ряду с немецкими спартаковцами и русскими большевиками.

Коммунистический Интернационал за несколько месяцев 1919 года стал всемирным Интернационалом, ведущим массы, и безоговорочно враждебным по отношению к изменникам социализма в „желтом“ Интернационале бернской и люцернской братии.

В заключение остановимся на одном особенно поучительном сообщении, проливающим свет на роль оппортунистических вождей. В Люцерне, во время заседания там в августе текущего года конференции желтых социалистов выходило особое издание женеvской газеты „La Feuille“ („Листок“) с отчетами и сообщениями на разных языках. В английском издании (№ 4, Wednesday, August 6-th) помещено интервью с Трульстра, известным вождем оппортунистической партии в Голландии.

Вот что рассказал Трульстра:

Германская революция 9-го ноября вызвала сильное возбуждение среди наших (голландских) политических и профессиональных вождей. Правящие группы в Голландии несколько дней были в панике, тем более, что в то же самое время почти всеобщее возмущение вспыхнуло в армии.

Бургомистры в Роттердаме и в Гааге постарались собрать свои собственные организации, как подсобные силы контр-революции. Комитет, образованный из бывших генералов, среди коих был один старый офицер, гордившийся подавлением восстания в Китае, попытался сбить с толку нескольких товарищей и вооружить их против революции. Их усилия имели, разумеется, обратное действие, и в Роттердаме один момент казалось, что будет создан Совет Рабочих. Но вожди политической и профессиональных организаций были того мнения, что не пришло еще время для таких методов, и ограничились выдвиганием программы-минимум рабочих требований и публикацией пламенного воззвания к массам.

Так говорил Трульстра. Он добавил еще много хвастливых заявлений: как он держал революционные речи, как он был даже за захват власти, как он понимает недостаточность парламентов и чисто политической демократии, как он признает для переходного времени и „нелегальные способы“ борьбы и „диктатуру пролетариата“ и прочее и т. п.

Трульстра — образец продажного, оппортунистического вождя, служащего буржуазии и обманывающего рабочих. На словах он вам все признает, как видите, и Советы, и диктатуру пролетариата, и что хотите. На деле Трульстра — подлейший предатель рабочих, агент буржуазии. На деле он — вождь тех самых „вождей политических и профессиональных рабочих организаций“ в Голландии, которые спасли буржуазию в Голландии, перейдя на сторону буржуазии в решающий момент.

Ибо факты, сообщенные Трульстрой, вполне ясны и определены. В Голландии была мобилизована армия. Пролетариат был вооружен и объединен в армии с беднейшими слоями всего народа. Германская революция вызвала подъем рабочих и „почти всеобщее возмущение в армии“. Ясно, что обязанность революционных вождей была вести массы к революции, не упускать момента, когда вооружение рабочих и влияние германской революции могли сразу решить дело.

Предатели-вожди, с Трульстрой во главе, перешли на сторону буржуазии. Рабочих накормили реформами и еще больше обещаниями реформ; „пламенными воззваниями“ и революционными фразами успокоили рабочих, — и надули их. Помогли буржуазии демобилизовать армию, спасли капиталистов именно господина Трульстра и подобные ему „вожди“, составляющие II-ой Интернационал Берна и Люцерна.

Рабочее движение пойдет вперед, выкидывая вон предателей и изменников, — Трульстра и Каутских, избавляясь от той обуржуазившейся верхушки, которая надувает массы, ведя на самом деле политику капиталистов.

Н. ЛЕНИН.

20 сент. 1919 г.

Р. С. Судя по изложению Штамппфера, Каутский насчет советской системы государства замолчал. Не сдал ли он в этом главном вопросе свою позицию? Не отказался ли от защиты тех пошлостей, которые писал об этом в своей брошюре против диктатуры пролетариата? Не предпочел ли от главного перейти к второстепенному? На эти вопросы мы увидим ответ, когда можно будет ознакомиться с самой брошюрой Каутского.

От редакции. В Гельсингфорсе под крылышком генерала Маннергейма русские белогвардейцы издадут газету „Русская Жизнь“ — орган, обслуживающий армию генерала Юденича.

В этой газете (в № 168 от 23 сентября 1919 г.) в передовой статье, читаем следующую похвалу новой книге Каутского:

В вышедшей на днях книге Карла Каутского (одного из левых представителей социализма) — „Терроризм и коммунизм“ — вскрывается со всей присущей автору эрудицией истинная сущность „разрушителей социалистического рабочего движения“.

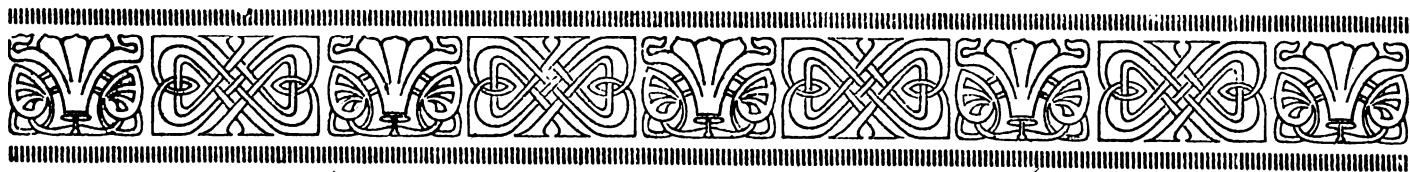
„Большевики, говорит Каутский, переняли из истории парижской коммуны ее неистовый терроризм, но не восприняли основ демократии и человечности. Террор заставляет потухнуть революционную энергию масс и подготавливает почву для грядущей реакции, ведет к гибели демократической власти, опирающейся на волю народной.“

„Так было с Робеспьером, — так будет и с большевиками“, говорит Каутский.

Советская система опирается на разгром демократии со всеми ее принципами: народовластия, свободы, самостоятельности.

Большевизм достигает только обратных целей тем, которая он себе якобы ставит.

Теоретик второго „Интернационала“, поставляющий идеологию для контр-революционных русских генералов! Дальше некуда идти.

ПИСЬМО К ФРАНЦУЗСКИМ ТОВАРИЩАМ.

Товарищам Лорио, Росмеру, Монату, Перика.

Дорогие друзья!

Пишу каждому из вас в отдельности, ибо с каждым из вас связан личной дружеской связью, и пишу всем вместе, ибо со всеми вами нас соединяют общая идея, общее знамя. Несмотря на блокаду, при помощи которой господа Клемансо, Ллойд Джордж и другие пытаются отбросить Европу в средневековое варварство, мы внимательно следим отсюда за вашей работой, за ростом идей революционного коммунизма во Франции. И я лично с радостью узнаю каждый раз, что вы, дорогие друзья, стоите в первом ряду того движения, которое должно возродить Европу и все человечество.

Сейчас наша советская республика переживает момент наивысшего напряжения своих сил для того, чтобы окончательно ликвидировать военные покушения на пролетарскую революцию. Мы имели за последние два месяца значительные неудачи на нашем южном фронте, особенно на Украине. Но позвольте сказать вам, дорогие друзья, что в настоящий момент советская республика крепче, чем когда бы то ни было.

Мы разбили Колчака. Русская и иностранная буржуазия, в том числе и ваша французская, надеялась короновать Колчака в Кремле короной самодержцев. Войска Колчака подходили к Волге. Сейчас армии Колчака разбиты и рассеяны. С начала мая до сегодня (1-е сентября) красные войска на восточном фронте с боем прошли пространство свыше тысячи километров. Мы вернули советской революции Урал с его промышленностью и пролетарским населением. Мы создали таким образом вторую базу для дела коммунистической революции.

Разгром армий Колчака дал нам возможность сосредоточить наши силы и наши резервы на южном фронте против генерала Деникина. В течение последних дней мы перешли в наступление на всем южном фронте. Это наступление уже дало результаты. На некоторых крайне важных направлениях враг отброшен на сто километров и болес. Наши силы и наше вооружение совершенно достаточны для того, чтобы победу над Деникиным довести до конца, т. е. до полного искоренения южной контр-революции.

Остается западный фронт, имеющий сейчас

на карте нашей революционной стратегии лишь третьестепенное значение. Польская шляхта может иметь здесь временные мародерские успехи. Мы смотрим без большой тревоги на временное продвижение слабых польских войск. Когда справимся с Деникиным,—а этот день близок,—мы навалимся тяжелыми резервами на западный фронт.

Лорд Черчилль, как сообщают газеты, хвалился, что против России им мобилизовано 14 государств. Но это 14 географических названий, а не 14 армий. Деникин и Колчак предпочли бы вместо 14 союзников получить 14 хороших корпусов. Но, к счастью, ни Клемансо, ни Ллойд Джордж уже не в силах этого сделать. И в этом ваша несомненная заслуга.

Я вспоминаю первый период войны, когда господа Ренодель, Жуо и компания предсказывали, что победа Англии и Франции будет победой западной демократии, торжеством принципа национальности и пр. и пр. Мы с вами с презрением отметили эти мелко-буржуазные иллюзии, отравленные империалистическим шарлатанством.

Группа Жана Лонге считала, что можно исправить ход мировой истории, проделывая политику Реноделя с примечаниями, оговорками и экивоками. Отвратительная ложь социал-патриотизма Реноделя и других обнаружилась до конца. Империалистическая Франция является стержнем мировой контр-революции. Традиции великой французской революции, обрывки демократической идеологии, республиканской фразеологии—все это в сочетании с опьянением победой используется для поддержания и укрепления позиций капитала против бушующих волн социальной революции.

Если Франция стала оплотом капиталистической контр-революции, то течение Реноделя является сейчас более реакционной, силой во Франции, чем французский клерикализм. Ренодель же немыслим без Лонге. Ренодель слишком откровенен, слишком прямолинеен, слишком циничен в своей социальной реакционности. Жан Лонге, который по всем основным вопросам поддерживает неприкосновенность капиталистического порядка, тратит главную свою силу и изобретательность на то, чтобы эту работу прикрыть обрядами и словесием социалистического и даже интернационалистического культа.

Переход Мергейма на сторону наших врагов не показался мне неожиданным: и в первый период войны Мергейм не шел с нами, а ковылял за нами. Мы живем в такую эпоху, когда лучше иметь открытых противников, чем сомнительных друзей.

Люди этого типа оказались у нас в решающую минуту почти все по ту сторону баррикады. Свою измену делу рабочего класса они прикрывали фразами о „демократии“. Мы уяснили себе и другим, что в эпоху социальной революции формы и обрядность буржуазной демократии являются такой же ложью, как международное право в эпоху империалистической войны. Там, где два непримиримых класса вступили друг с другом в последний бой, нет третейского судьи, который мог бы разрешить их тяжбу. Отбросив условную фальшь демократического парламентаризма, мы создали подлинную демократию рабочего класса в виде его Советов. В строительство новой жизни советская Россия вовлекла миллионы рабочих и крестьян. Среди неслыханных трудностей трудовые массы России создали свою красную армию. Вожжами ее на всех полях сражения являются пролетарии Петрограда и Москвы. Крестьяне Урала, Сибири, Дона, Украины встречают эту армию, как избавительницу. Комиссары наших батальонов и полков являются в то же время носителями коммунистической культуры, строителями новой жизни в освобожденных местах.

Экономический продовольственный кризис нами не преодолен только потому, что главные

силы и средства страны поглощаются войной, которую зверски навязывает нам английский и французский капитал. Мы надеемся в ближайшие месяцы справиться с нашими врагами,—тогда все силы и все средства страны, весь энтузиазм и пыл передового пролетариата будут направлены на пути нового хозяйственного строительства.

Мы справимся с хозяйственной разрухой и недостатком продовольственных средств, как мы справились с Колчаком, как справимся с Деникиным. Наши победоносные батальоны в степях Сибири и на путях к Туркестану порождают взрыв революционного энтузиазма в среде угнетенных народов Азии. И в то же время мы ни на минуту не сомневаемся, что близок час решительной помощи с Запада, близок час социальной революции во всех странах Европы.

Чем грубее торжество милитаризма, вандализма и социал-предательства буржуазной Франции, тем суровее будет восстание пролетариата, тем решительнее его тактика, тем полнее его победа.

В наших временных неудачах и в наших решающих успехах мы ни на минуту не забываем о вас, дорогие друзья. Мы знаем, что дело коммунизма во Франции находится в честных и твердых руках.

Да здравствует революционная пролетарская Франция!

Да здравствует мировая социальная революция!

Л. ТРОЦКИЙ.

Петроград.
1 сентября 1919 г.

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА В РОССИИ И МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

(Окончание *).

В первой половине статьи мы разбирали два вопроса: вопрос об „издержках революции“ и о мировом характере революции. Выяснилось, что всякая революция (а в особенности пролетарская революция, которая в корне изменяет общественные отношения) неизбежно связана с временным понижением производительных сил („разрушительная работа революции“), и что только такой ценой может быть куплено их дальнейшее развитие. Революция всегда имеет свои издержки. С другой стороны, период подъема производительных сил может наступить лишь с победой пролетариата в нескольких крупных странах. Именно поэтому в России, где иностранный капитал и отечественная контр-революция захватили источники топлива и сырья, пролетариату не удалось поднять производительные силы, несмотря на крупные организационные успехи. Отсюда вывод: необходимо всемерное развитие мировой революции и образование крепкого хозяйственного блока индустриальных стран с Советской Россией.

III. Производительный и потребительный коммунизм.

Очень часто наши критики из лагеря „социалистов“ упрекают советскую власть в том, что „казенный коммунизм“ большевиков есть исключительно коммунизм потребления. Нам говорят, что Советская власть производит попросту универсальную дележку: дележку квартир, мебели,

одежды, пищи и т. д. В то время, как главная задача действительного коммунизма состоит, мол, в организации производства, большевики выдвигают на первый план организацию потребления. Они мало-по-малу превращают пролетариат, как производительный класс, в неработающих (из-за отсутствия сырья и топлива) государственных пенсио-

*) См. „Коммунист. Интерн.“ № 4.

неров, в слой, напоминающий собою античный
лumpен-пролетариат.

Что здесь правда и что здесь неправда? И какое соотношение должно существовать с точки зрения марксизма между производительным и потребительным коммунизмом?

Что Советская власть предпринимала целый ряд мер по экспроприации не только средств производства, но и средств потребления (характерным в этом отношении является вселение рабочих и их организаций в буржуазные квартиры, классовый паек, т. е. большая порция пищевого довольствия пролетариату и т. д.), отрицать нельзя. Но что эти мероприятия неправильны, может говорить лишь человек, абсолютно не понимающий тех специфических условий, в которых развивается международная революция.

Марксизм исходит из соображений о росте производительных сил человеческого общества. Но из этого вовсе не следует, как мы видели в предыдущей статье, что надо бояться всякого временного их понижения, которое в ходе революции абсолютно неизбежно. Точно также наша главная цель — организация производства — может предполагать, как свое условие, тот потребительный коммунизм, о котором говорят наши противники.

Революция, как она сейчас развивается, выросла на фоне страшнейших опустошений, произведенных империалистской войной. Эти опустошения выразились в уничтожении громадного запаса производительных сил — всем это прекрасно известно. Но что представляют из себя производительные силы — основа всякого прогресса — в их конкретно-вещественной форме? Это — средства производства — с одной стороны, рабочая сила — с другой. Не только машины, но и совокупность рабочих, рабочий класс — вот что такое производительные силы. Маркс неоднократно указывал на то, что пролетариат — самая важная производительная сила современного общества. И не трудно сообразить, что, если революция сопровождается на первых порах дальнейшим падением производительных сил, то нужно сделать все человечески-возможное, что уберечь, сохранить, обезопасить от окончательного распада именно эту производительную силу. Сохранение рабочего класса есть условие для реконструкции производственного аппарата общества.

Буржуазия стремится взвалить все издержки войны на рабочий класс. С этой точки зрения она ведет хищническое хозяйство (Raubwirtschaft) по отношению к рабочей силе. Само собой разумеется, что пролетарское правительство должно, наоборот, делать все возможное, чтобы рабочую силу поддержать. В момент страшного обнищания и оскудения этого нельзя сделать иначе, как ставя пролетариат в экономически привилегированное положение или, по крайней мере, давая ему возможность жить не хуже голодающего обывателя. Все, что может компенсировать недостаток в пище (жилище, одежда и т. д.), должно быть предоставлено пролетариату. И если втечение короткого срока нельзя этих средств произвести заново (а этого заведомо нельзя), то остается одно: перераспределение средств потребления между классами, принудительная экспроприация средств потребле-

ния и передача их организованным путем пролетариату, т. е. „потребительный коммунизм.“

Значит, практикуя этот потребительный коммунизм, мы исходим из интересов развития производительных сил. Иными словами, так называемый потребительный коммунизм составляет одно из условий — в нашу эпоху обнищания и голода — необходимых для строительства „истинного“, то есть производственного коммунизма.

Само собой разумеется, что при этом экспроприация не должна касаться мелкой буржуазии. Само собой разумеется также, что при гигантском размахе революции можно насчитать тысячи случаев, когда это правило не соблюдалось. Но только тупой филистер будет „отрицать революцию“ лишь потому, что она идет не совсем так гладко, как нам бы этого хотелось.

Итак: конкретные условия нашей эпохи обнищания требуют от нас не только экспроприации средств производства, но и экспроприации средств потребления. Последнее необходимо с точки зрения сохранения основной производительной силы, рабочего класса.

IV. Военно - пролетарский характер диктатуры и мировая революция.

Наконец, мы должны разобрать еще один вопрос, или вернее, ряд вопросов, которые имеют одно общее объяснение. Нас упрекают в целом ряде грехов: у нас, мол, власть партии, „олигархия“, террор, „казарменный социализм“ (это последнее в особенности пикантно звучит в устах у „kaiserlich - königliche“ Sozialisten!) и проч. и т. д.

Клички и эпитеты, которые расточают наши противники, конечно, пустяки. Но мы отнюдь не собираемся ни в малейшей степени отрицать ни чрезвычайной централизации нашего аппарата, ни репрессивной политики по отношению к буржуазным и социал-соглашательским партиям, ни военного строения нашей собственной партии, как партии правящей и реализующей, через органы советской власти, свою диктатуру. Все это, что кажется филистеру чудовищным преступлением, на самом деле должно быть священной заповедью революционера, работающего в таких условиях, в каких работает наша партия.

Русский пролетариат подвергается сейчас, говоря словами Черчилля, концентрическому нападению 14 государств. Если подсчитать все государства, ведущие прямо или косвенно борьбу против нас, то число этих разбойничьих организаций увеличится еще более. Если присоединить сюда открытую „домашнюю“ контр-революцию, то мы получим громадную силу. При таких условиях советская республика должна быть военным лагерем, а пролетарская диктатура должна быть военно-пролетарской диктатурой. Мы не можем допустить никакого разложения наших сил: военная дисциплина должна соблюдаться у нас повсюду, во всех областях управления.

Этой особенностью объясняется все. Сантиментально-глупые интеллигенты, которым самая суровость великой борьбы вгоняет страх во все поры души, страх, смешанный с отвращением, изливаются в бесконечных напаках на пролетарский

режим как раз в силу своей абсолютной неспособности ни к пониманию условий борьбы, ни к активной роли, которой требует сейчас история.

Лучше всего можно иллюстрировать необходимость такого режима на организации самой нашей партии. Фактически все ее члены считаются как бы мобилизованными. По первому приказу нашего центрального комитета любой член партии обязан идти туда, куда ему скажут: бросить семью и отправляться на фронт с винтовкой в руке, или лететь на аэроплане через вражеский фронт, или пробираться в стан врагов, или дни и ночи сидеть над определенной работой. Точно так же, как в области военной, так и в области хозяйственной. Для поднятия производительности труда, например, члены нашей партии работают в нерабочие часы или в праздники, как особые коммунистические команды: грузят дрова, разгружают вагоны, работают по фабрикам и заводам, подавая пример новой товарищеской дисциплины. Это вещь необычая и немислимая нигде. У нас она абсолютно необходима. И за нарушение этой партийной дисциплины устанавливаются кары, очень резкие и очень „неприятные“.

Но если сама наша партия (правящая партия, распиливающая дрова!) построена на военный лад, то, конечно, она создает и советские учреждения по своему образу и подобию. По крайней мере, пытается создать. Ибо только при таких условиях можно выдержать тот бешеный натиск, которому мы подвергаемся со всех сторон.

Отсюда нетрудно вывести многое. Ясно, что мы не можем допустить игру в „оппозицию“, которая, при нашем положении, в двадцать четыре часа переходит в контр-революцию. Мы ее должны беспощадно подавлять. Всякие компромиссы здесь приводят только к внутренней дезорганизации аппарата. Из спора в таких условиях рождается не „истина“, а победа контр-революции. Точно также,

как недопустимо на фронте, где требуется немедленное выполнение определенного плана и быстрота действий, никакое парламентское „обсуждение“, так — *mutatis mutandis* — и во многих отраслях нашей работы: ибо советская республика есть вооруженный лагерь.

Всегда ли необходим такой тип диктатуры? Конечно, нет. Острота ее форм есть функция внешнего положения советской республики. Точно также, как террористическая политика монтаньяров находила себе достаточное оправдание во внешнем и внутреннем положении французской республики (это не мешает вспомнить „историку“ Каутскому), русская советская власть была бы оппортунистическим теленком, которого давно зарезал бы империалистский волк, если бы она не вводила режима, кажущегося невыносимым для слабонервных интеллигентских нытиков.

В старину было принято сравнивать боевые ряды пролетариата с армией („пролетарская армия“, „солдаты революции“ и проч.). Но когда дело дошло до того, чтобы действительно, в жизни, а не на бумаге быть солдатами революции, господа бывшие „солдаты“ часто переходят на положение дезертиров и штрейкбрехеров, а в иных случаях (в большинстве, если речь идет о социал-демократах) перебегают на сторону противника...

Совершенно очевидно, что, как только давление извне будет прекращено (а это может и должна сделать международная революция), станут „мягче“ и формы диктатуры. В будущем, когда наши враги окончательно обессилеют и ассимилируются более или менее с трудящимися массами, они превратятся в полноправных граждан отмирающего пролетарского государства, которое незаметными шагами будет заменяться безгосударственным и бесклассовым коммунистическим обществом.

Н. БУХАРИН.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ ПРОТИВ ВТОРОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА *).

Предлагаемая книга начала печататься поне-
мещки еще в 1915 г. Еще находясь в Швейцарии
на эмигрантском положении, я заручился согласием
составителя книги, профессора Грюнберга, на из-
дание ее на русском языке. Только сейчас мы
имеем возможность выполнить это свое намерение.

Вся книга состоит из документов. Профессор Грюнберг только дал себе труд собрать и систематизировать эти важнейшие документы. И, тем не менее, работа проф. Грюнберга получит первоклассное историческое значение.

Грюнберг, насколько мы знаем, не коммунист. До войны он принадлежал к социалистам-пацифистам. Но проф. Грюнберг — честный человек и добросовестный историк. Он задался целью собрать все важнейшие документы второго Интернационала по вопросу о войне. Он собрал все

манифесты, резолюции, декларации, программные статьи, речи крупнейших лидеров социалистических партий Германии, Франции, Австрии, Италии, Англии и ряда других стран. Он выделил документы, относящиеся к началу деятельности второго Интернационала. Он собрал затем отдельно документы более позднего происхождения. Он, наконец, выделил документы, составленные накануне войны, и собрал те документы, которые вышли в свет немедленно после объявления войны 1914 года. Коллекция получилась необычайно богатая. Картина — чрезвычайно назидательная.

*) Настоящая статья есть предисловие, написанное тов. Г. Зиновьевым к русскому изданию известного сборника материалов, составленного профессором Грюнбергом.

Особенно ценны документы, писанные за два года до начала мировой войны, во время Балканских войн и во время известного Базельского конгресса второго Интернационала. Балканские войны были предисловием к империалистской мировой войне. Честные социалисты всех стран в 1912 году превосходно сознавали, что Балканская война обязательно повлечет за собой в ближайшие годы мировую войну. Выработывая в 1912 году свою тактику по отношению к войне, деятели второго Интернационала пытались предвосхитить свою линию поведения на тот момент, когда нагрянет война мировая. Каждая из резолюций, принятых в 1912 году, и особенно манифест Базельского конгресса, принятый единогласно, являются Аннибаловой клятвой: бороться до последней капли крови против империалистской войны, ответить на империалистскую войну войной гражданской.

Но особенно показательны те документы, которые написаны за день, за два до 4 августа 1914 года (начало мировой войны) и через 24 или 48 часов после начала этой войны.

За день, за два до того, как раздался первый выстрел,—и германская социал-демократия, и французские официальные социалисты, и английские тред-юнионисты—все без различия рабочие организации, входившие в состав второго Интернационала, говорили открыто, что надвинувшаяся война явится империалистской войной, вызванной буржуазией обеих коалиций. Все эти партии и организации звали рабочих бороться против преступнейшей из войн, которую провоцировали империалисты всех стран. Но вот грянул первый выстрел, вот произошел разрыв между двумя империалистскими коалициями. И, как бы по мановению волшебной палочки, все официальные вожди всех официальных партий признали белым то, что они же вчера называли черным. Каждая из этих партий заявила, что правительство „ее“ страны ведет войну „освободительную“, войну „оборонительную“, войну „за свободу“. И каждая из этих партий призвала рабочих своей страны „защитить отечество“, вотировать военные кредиты на империалистскую войну, отдать последнего человека на защиту „своей“ буржуазии, прекратить стачки, прекратить классовую борьбу и заключить пресловутый „гражданский мир“ с буржуазией.

Возьмите такого человека, как Густав Эрве, который с первым же выстрелом превратился в базарного шовиниста и „патриотического“ горлана на службе у французских генералов. Даже этот Эрве еще 28-го июля 1914 года, в статье под заглавием „Да здравствует царь“, писал следующие строки:

„Война для защиты маленькой нации, угнетаемой великой державой? Это было бы слишком хорошо. Но давно уже в Европе... нет ни одной великой державы, у которой руки не были бы в крови.“

„Нет, не война для защиты маленького сербского народа, но—война для защиты престижа нашего союзника, царя!“

Честь нашего союзника! Честь русского правительства! При одном этом слове Раблэ, Вольтер, Виктор Гюго перевернутся в гробу... Русское правительство не было так чувствительно насчет

своей чести, когда оно душило Финляндию и Польшу, когда оно спускало свои черные сотни на еврейское население Киева и Одессы!

Биться во имя спасения престижа царя! Какой превосходный мотив для народа, предки которого сделали Великую революцию! Какая радость умереть за такое благородное дело!“

Так писал не кто иной, как Густав Эрве, всего за два дня до начала войны. В тот же день генеральный совет французской социалистической партии в манифесте, подписанном Жоресом, Гэдом, Вальяном, Самба, Реноделем, Эрве и др., говорил рабочим, что готовящаяся война вызвана политикой империалистского грабежа. „Колониальные соревнования, интриги и насилия империализма, политика грабежа у одних, политика амбиции и поддержания престижа у других—все это вот уже 10 лет как создало во всей Европе перманентное напряжение, постоянную и возрастающую опасность войны“. (Газета „L'Humanité“ 28 июля 1915 г.).

А центральный орган французских синдикалистов писал 29 июля 1914 года следующее: „Рабочие, если вы не трусы, если вы не хотите, чтобы через несколько часов вашу страну бросили в злейшую авантюру, какую только можно себе представить, протестуйте“. („Bataille Syndicaliste“ 29 июля 1914 года).

В таком же духе писал Центральный Комитет германской социал-демократии и центральный орган этой партии газета „Вперед“. В предлагаемой книге Грюнберга читатель найдет манифест германской социал-демократической партии и передовые статьи центрального органа, писанные всего за несколько дней до начала войны. И читатель убедится, как Шейдеман и компания всего только за несколько дней до начала войны называли черным то, что они же через 48 часов признали белым, как снег альпийских вершин.

Профессор Грюнберг, быть может, сам того не желая, составил превосходнейший обвинительный акт против всего второго Интернационала. Сдолько-нибудь толковый честный рабочий, прочитав книгу Грюнберга, скажет: да ведь эти люди сами расписались в своем предательстве. Вожди второго Интернационала являются сознательными и заведомыми обманщиками рабочего класса. Ведь камни вопиют!...

Выход книги Грюнберга будет чрезвычайно уместен именно теперь, в момент, когда жрецы обанкротившегося второго Интернационала усленно пытаются оживить труп второго Интернационала и устраивают в Берне, Люцерне и других городах комедию „возрождения“ этого Интернационала. Господа Вандервельды и Гюисмансы, Шейдеман и Ренодели, Гайндманы и Брантинги, конечно, будут старательно обходить документы, составленные ими же и собранные проф. Грюнбергом. Как вор инстинктивно обходит то место, где он совершил наиболее гнусную кражу, так и эти почтенные „вожди“ второго Интернационала обходят важнейшие документы ихнего же второго Интернационала. Тем больше оснований для нас, сторонников единственно живого Третьего Коммунистического Интернационала, самым широчайшим образом популяризировать книгу Грюнберга.

Эта книга имеет международное значение. Эта книга, как никакие другие работы, разоблачает всю гниль, всю фальшь второго Интернационала и пригвозждает к позорному столбу самых прославленных дельцов этого сгнившего Интернационала. Пусть же наши пропагандисты, пусть все деятели

Третьего Интернационала сумеют использовать тот богатейший и благодарнейший материал, который собран в предлагаемой книге.

Г. ЗИНОВЬЕВ

Петроград, Смольный.

ЧТО БУДЕТ С ГЕРМАНИЕЙ?

Измена делу революции осуждает немецкий народ на гибель.

В ноябре 1918 года, когда германский империализм был сокрушен, перед германским пролетариатом открывались самые радужные перспективы. Революционной Германии стоило только создать у себя правительство, которое провозгласило бы диктатуру пролетариата, заключило бы мир с социалистической Россией, увлекло бы за собой Австро-Венгрию и Польшу, — и Германия, а с нею и вся центральная Европа, были бы спасены. Правда, подобное поведение Германии могло бы повлечь за собой вторжение англо-франко-американской армии; но во первых, этим полчищам легко было бы противопоставить революционную немецкую армию, а, во вторых, „победители“ вряд ли были бы в состоянии выдержать, хотя бы в течение одного месяца, войну с революционной Германией. Если бы победителям и удалось временно занять западную Германию, то эту беду скоро можно было бы поправить. Зато разрешился бы продовольственный вопрос: как только наступил бы конец хозяйничанью контр-революционеров на юге России, на Балканах и в Польше, — а потеря опоры немецких штыков неминуемо означала бы этот конец, — Европа получила бы продовольствие на целые месяцы, — время, достаточное для укрощения „победителей“ и создания действительного мира всего мира.

Но события пошли по пути, неумолимо предначертанному изменой 4-го августа 1914 года. Значительная часть немецких рабочих и после того, как их братья в мундирах положили конец войне, оставалась под чарами рокового контр-революционного ослепления, навеянными на них их „вождями“ — Шейдеманом, Эбертом и компанией. Они верили детской сказке о том, что стоит им только быть паиньками и не делать „революционных глупостей“, и тогда... эти вожди добьются у „великого друга человечества“ Вильсона справедливого мира, все пойдет на славу, и демократическая Германия постепенно, с присущим немецкому народу добродушием и хладнокровием, вырастет в социализм.

Светлый сон скоро кончился.

„Победители“, т. е. стоящие у власти империалисты Англии, Франции и Соединенных Штатов, несколько не спешили с миром; зато тем сильнее спешили немецкие социал-изменники заключить мир с немецкой буржуазией. В дальнейших событиях шейдемановцы винят исключительно злых спартаковцев: это они нарушили идиллию. Между тем, каждый, сколько-нибудь знакомый с историей общественных движений, должен был предвидеть

неизбежность борьбы. Власть немецких капиталистов не была сломлена (оставалась почти нетронутой даже власть юнкеров и военной касты), и, так как ни один господствующий класс еще никогда не отказывался добровольно от принадлежащей ему власти, то и немецкая буржуазия обнаружила мало склонности к такому самоотречению. С другой стороны, было нелепо предположить, что рабочие массы только для того терпели в течение четырех лет голод и лишения, чтобы теперь, когда свершился политический переворот, с собачьей покорностью предоставить спекулянтам спокойно наслаждаться своей наживой. Экономическая борьба была неизбежна, и, действительно, уже в декабре поднялась волна стачек. Так же трудно было предположить, что рабочий класс в целом удовлетворится затеями политических плутов из рядов социалдемократии. Спартакотцы были простым авангардом революции, их выступление было так же неизбежно, как гром после молнии. Но кто сказал А, тот должен сказать и Б, и социал-предателям оставалось только выполнять взятую на себя обязанность охранителей буржуазного порядка. Приходится изумляться только, с одной стороны, безмерному тупоумию, свирепости и подлости господ Шейдеманов, Эбертов, Носке, а, с другой стороны, той овечьей кротости, с какой немецкий пролетариат вот уже несколько месяцев сносит позорное владычество этих животных.

В нашу задачу не входит описание всех зверств, невозбранно совершаемых при „социалистическом“ режиме разнузданными бандами наемных убийц. Но мы укажем, что, за время с ноября 1918 года до августа 1919, это „социалистическое“ правительство решительно ничем не проявило намерения считаться с нуждами пролетариата.

Прежде всего правительству следовало подумать о более разумном распределении бывших в его распоряжении запасов продовольствия. Ни для кого не было тайной, что столь стройная на бумаге система распределения, установленная империалистическим правительством, в действительности оставляла широчайший простор для спекуляции, позволяя богатым по-прежнему ни в чем себе не отказывать, обрекая городской пролетариат на голодание. „Социалистический“ режим ничего не изменил в этой системе. Напротив, никогда еще не наблюдалось такой вакханалии спекуляции, как за это время. Можно было подумать, что шайка истребителей народа в насмешку над революцией, намеренно старается усилить народные страдания. А „социалистическая“ власть,

имея всегда наготове пулеметы и бомбы против женщин и детей, не могла придумать никакого плана борьбы с голодом.

Следующей задачей являлось поднятие во что бы то ни стало производства, в особенности производства предметов первой необходимости. Слов нет, — задача не легкая, но все же разрешимая. Следовало мобилизовать огромную армию безработных с целью использовать весной 1919 года все возможности в области сельского хозяйства. Конечно, при этом трудно было обойтись без нарушения интересов частной собственности, так как необходимо было вырвать из рук юнкеров их земли и организовать на этих землях хозяйства, служащие интересам всего общества. Ничего этого сделано не было. Безработные продолжали томиться в городах и жить на общественный счет, подвергаясь неизбежной при этом деморализации, а деревня оставалась без рабочих рук, так как господа юнкера и богатые крестьяне предлагали рабочим рабские условия труда. Они были готовы скорее оставить свои земли необработанными, чем отказаться от своих излюбленных приемов эксплуатации. С инвентарем произошло то же, что с людьми. Сельское хозяйство нуждалось в лошадях, но бесчисленный конский запас армии был раскраден и бесцельно расхищен при демобилизации. Офицеры и солдаты казнокрады, с одной стороны, и конские барышники, с другой — делали блестящие дела, в ущерб общему благу. Деревне нужны были орудия и машины, но никто не подумал приспособить к производству их пригодные для этого заводы. Все было предоставлено „частной инициативе“, которая выразилась в том, что часть заводов закрылась, выбросив на улицу „зарвавшихся“ в своих требованиях рабочих, а владельцы других заводов нашли более выгодным для себя незаметно распродать свои машины и сырье, чем продолжать производство.

То же наблюдалось и в области промышленности. Необходимо было во что бы то ни стало поднять провозоспособность железных дорог. И здесь трудности, действительно, чрезвычайно велики, но не было ведь выработано даже плана работы в этом направлении. Только этим можно объяснить, почему, например, гигантские крупновские заводы в Эссене, не смотря на более чем достаточную обеспеченность материалами, несмотря на то, что на заводах этих, по свидетельству инженеров, легко было перейти к производству локомотивов и вагонов, заводы эти тем не менее в феврале-марте частью увольняли рабочих, частью занимались ненужными работами; к ним вообще не поступало заказов. Заказы, видите ли, раздавались „с соблюдением интересов промышленности в целом“, т. е. с учетом выгод отдельных фабрикантов, и в первую голову, прежних железнодорожных поставщиков, вовсе не желавших вмешательства в их область такого могучего конкурента, как Крупп. Сами же они лишь с трудом переводили на старое положение свои предприятия, перешедшие во время войны на производство предметов военного снаряжения. Заручившись заказами, они могли теперь не спешить. В результате — священные интересы капитала остались неприкосновенными, но локомотивов не было.

Особое место занимает угольная промышленность. Один Рурский бассейн с избытком может удовлетворить потребность Германии в угле. И несмотря на это — в Германии угольный голод.

Я имел честь в феврале и марте, по приглашению Рабоче-Солдатского Совета рейнско-вестфальского промышленного округа, работать в Эссене, в „комиссии девяти по подготовке социализации горного дела“, и достаточно знаком поэтому с обстоятельствами дела. Да будет мне позволено поэтому остановиться несколько подробнее на этом характерном эпизоде.

В декабре в Рурском округе вспыхнули забастовки. Нужно сознаться, что иногда рабочими представлялись слишком необдуманные требования. Не обходилось и без эксцессов: рабочие расправлялись иногда довольно жестоко со своими беспощадными мучителями из среды инженеров и мастеров. Да и как в такое возбужденное революционное время избежать ничем ни мотивированных „диких“ стачек? Во всяком случае, эти „дикие“ стачки были не особенно многочисленны; в большинстве случаев поводов к стачке было более чем достаточно. В январе положение определилось. Рудокопами овладела общая мысль: „мы не желаем дольше работать на предпринимателей; рудники созрели для социализации, которой мы поэтому требуем“. Что следует разуметь под „социализацией“, — это, конечно, масса рудокопов не вполне ясно понимала. Местами движение происходило под лозунгом: „Шахты принадлежат рудокопам“. Но только в единичных случаях отсюда делались практические выводы, вплоть до захвата рабочими рудников. Опыты эти кончились плачевно, так как без оборотного капитала и правильного сбыта угля ни одно предприятие долго существовать не могло. „Комиссия девяти“, в которую вошли три представителя от партий коммунистов, независимых и социалдемократов, внесла порядок в царивший разброд. Выработанный проект, в общих чертах, представлялся в следующем виде: угольные копи со всеми их сооружениями составляют народное достояние, заведывание которым поручается занятым в горном деле работникам — как умственным, так и физическим. Иными словами, — национализация горного дела и передача управления им советам горных работников. Что касается этих советов, то план был таков. Каждый рудник разделяется на „штейгерские участки“, в каждом участке известное количество рудокопов работает под руководством одного штейгера; штейгер наблюдает за работами, выдает заработную плату и несет ответственность за безопасность работ. Соответственно этому были намечены „участковые советы“, которые совместно с штейгером устанавливают распорядок работ, разрабатывают тарифы (рурские рудокопы повсюду отстаивают сдельную систему), следят за безопасностью. Даже общими делами каждого отдельного, рудника (называемого в Вестфалии „цехом“) ведает „цеховой совет“, которому принадлежит общий контроль над всем предприятием, как в техническом, так и в финансовом отношении. Далее, учреждается „горно-окружный совет“ (весь рурский бассейн делится в административном отношении на двадцать горных округов), и „всеобщий совет“ для управления делами этого промышлен-

ленного района в целом. Этот проект был встречен рабочею массой с энтузиазмом; с большим сочувствием отнеслись к нему и рудничные инженеры и штейгера. Рабочие отлично понимали, что подобный план не может осуществиться немедленно и что потребуется не мало времени для осуществления социализации на основе советской системы. Они были согласны ждать, но они требовали признания правительством „девятки“, в качестве представительницы рудокопов, немедленного производства выборов в Советы и немедленной же передачи советам права контроля, не ожидая проведения в жизнь национализации.

Вполне понятно, что капиталисты ополчились против этого проекта. Несколько труднее объяснить себе то бешеное сопротивление, которое он встретил со стороны руководителей горнорабочего союза, т. е. рабочей организации. Но кто знает всю контр-революционность, подкупность и мелочность вождей этого союза, тот не увидит ничего странного в подлой и лживой компании, поднятой ими против „комиссии девяти“.

Ну, а правительство? Социалистическое правительство?

Если бы социализм действительно хоть что-нибудь значил для него, оно бы прежде всего постаралось притти к соглашению с „девяткой“. В самом деле, ведь горное дело легче какой бы то ни было другой отрасли труда поддается социалистическому преобразованию, а необыкновенная популярность названной комиссии спасла бы от расстройств эту важную отрасль производства, лишь только рабочие убедились бы в серьезности социалистических намерений правительства. Между тем, правительство Эберта-Шейдемана не посмело стать на этот путь, не посмело просто потому, что капиталисты этого не потерпели бы. Право рабочего контроля было отклонено под тем смешотворным предлогом, что существующие законы не допускают ознакомления посторонних лиц с деловыми книгами против воли владельца предприятия. По таким же нелепым причинам было отклонено и признание „девятки“. Зато национальное собрание провело или, вернее, протащило законопроект о „социализации горного дела“, весь смысл которого заключался в том, что государство приобщается к угольным синдикатам-мародерам, власть предпринимателей расширяется, а рабочим предлагается удовлетвориться призрачными уступками.

Даже Каутский назвал этот закон злой насмешкой над требованиями рабочих.

Рабочие, конечно, на этом не успокоились, а правительство ничего другого не сочло возможным сделать, как послать в Рурский район разбойничьи банды Носке. Следствием этого была стачка в апреле и полнейший развал всего горного дела. С тех пор производительность труда беспрерывно падает, всюду воцарился хаос, бороться с которым будет не так то легко, хотя бы даже и революционно-социалистическому правительству.

Весь этот эпизод представляется весьма поучительным. Нет ничего удивительного в том, что внезапно почувствовавшие освобождение от невыносимого рабства, рабочие склонны к эксцессам, к предъявлению невыполнимых требований и к забвению чувства долга: немало печальных при-

меров этого мы видели в России при Керенском и в первые дни октябрьской революции. Но здесь ничего этого не было. Эксцессы и неосновательные требования были в Рурском районе, как уже сказано, лишь редкими исключениями. Дисциплина сохранилась вполне; производительность труда пала, конечно, вследствие плохого питания, но в этом тогда, в январе, не было ничего страшного*). Дело обстояло так: рабочая масса, руководимая правильным классовым инстинктом, ухватилась за идею социализации; ее представители („комиссия девяти“), делали все для спасения производства и всячески старались уяснить всем и каждому ту мысль, что правительство, опираясь на рабочих, могло бы выполнить значительную долю подготовительной социалистической работы, оказав тем немецкому пролетариату неизмеримую услугу в политическом и экономическом отношениях. Но тут заходила речь о необходимости борьбы с шахтовладельцами, этой влиятельнейшей и сильнейшей группой немецкой буржуазии. На это правительство было неспособно, и между ним и горнорабочими разгорелась борьба, так дорого обошедшаяся немецкому рабочему классу.

То же, что обнаружилось здесь с особенной яркостью, происходит и во всех других областях народного хозяйства.

Экономическая борьба была неизбежна. Выдвинутое революцией правительство оказалось верным рабом буржуазии, что немало содействовало обострению этой борьбы. При таких условиях не могло быть и речи об облегчении бедствий, порожденных войной.

Последствия этого всего сказались очень скоро в виде безнадежной разрухи во всей хозяйственной жизни страны. Вожди социал-демократии неустанно твердили, что, пока не будет заключен мир, Германии следует воздерживаться от социалистических мероприятий, в противном случае правительство союзников воспользуется „социалистической опасностью“ для того, чтобы окончательно раздавить Германию. Прошедшие долготленную антиреволюционную школу тупоумные приверженцы партии верили этим рассказам. Они охотно прикрывали свою мещанскую трусость и антиреволюционность фразами о том, что „теперь делать нечего; дайте нам сначала добиться мира, а потом уже можно будет осуществить нашу социал-демократическую программу“. И, переворачиваясь на другой бок, они предоставляли герою Носке охранять спокойствие и порядок.

Они не хотели видеть того, что единственным спасением для немецкого пролетариата был союз с революционными рабочими стран Согласия. Союз этот, однако, был возможен лишь в том случае, если бы последние воочию убедились в том, что Германия решительно порвала с империа-

*) К противоположным утверждениям предпринимателей следует относиться весьма осторожно. Надо знать, что в горном деле трудно определить истинную производительность, в виду того, что рядом с работами, направленными на непосредственную добычу угля, всегда неизбежны другие работы, имеющие целью безопасность и расчистку шахт для дальнейшего производства (засыпка шахт, открытие новых пластов и т. д.). Во время войны эти на первый взгляд непроизводительные работы были крайне запущены, пришлось поправлять дело — отсюда и кажущееся падение производства.

лизмом и что мир должен быть заключен с новой, социалистической Германией.

А правительство Шейдеман-Эберта в своей глупости старалось лишь убедить весь мир в том, что в Германии, кроме свержения пары тронов, ничего не изменилось. Оглядываясь на месяцы, предшествовавшие заключению мира, припоминая поведение немецких делегатов в Спа, поведение национального собрания и правительства, позицию занятую печатью, — невольно думаешь, что все в Германии сознательно направлялось к тому, чтобы сделать невозможным всякий благоприятный выход из создавшегося положения. Уже один выбор лиц, которые должны были подготовить мир, свидетельствует о неслыханной неумелости: играть первую скрипку в Спа было поручено Эрцбергеру, изолгавшемуся поповскому прислужнику, крайне скомпрометированному в среде международной дипломатии, человеку, отличающемуся удивительной способностью всюду и всегда вызывать в других ненависть и презрение к себе. В Версаль были намеренно отправлены самые бесшабашные единственные крикуны — господа Давид и Ландсберг.

В национальном собрании занимались только тем, что или ползали на коленях перед Вильсоном или раздражали противника воинственными речами. А за кулисами предавались глупым расчетам на взаимные разногласия между победителями и наивно-хитрым надеждам на то, что отсутствие единства в их среде помешает им в полной мере использовать свое выгодное положение.

Результат этой бездарной политики теперь на лицо: Германии поставлены мирные условия, суровые которых, пожалуй, невозможно и придумать. Этими условиями, с одной стороны, наносится последний удар империалистической Германии, немецкому государству, как „великой жержаве“, а с другой стороны, немецкий народ на целые десятилетия делается кабальным должником союзных капиталистов.

Буржуазная и социал-демократическая пресса горестно оплакивают в первую голову территориальные потери. С буржуазной точки зрения этот плач вполне понятен, но для немецкого пролетариата отторжение некогда награбленных Пруссией областей имеет не такое уже серьезное значение. Сильно преувеличиваются и экономические последствия этих потерь. Конечно, не устранена опасность того, что Франция, с одной стороны, и Польша — с другой, перейдут к ограничительной таможенной системе, точь в точь, как это делала до сих пор Германия. Но даже и в этом случае не может быть остановлено экономическое развитие, законы которого диктуются прежде всего географическим положением и условиями рынка. Эльзас-лотарингская промышленность и впредь будет обслуживать главным образом немецкие рынки и лишь затем уже рынки Франции, Швейцарии и отчасти заокеанских стран. Возможно, правда, что сбыт во Францию усилится по сравнению с теперешним, но это вряд ли произойдет за счет сбыта в Германию, по той простой причине, что французский рынок обладает не особенно большою емкостью по отношению к интересующим нас продуктам — мануфактуре, мебели, машинам, орудиям. Французским политикам и в голову не придет

пресечь этот сбыт в Германию, так как это сразу убило бы промышленность вновь завоеванных стран. Под угрозой находятся, конечно, интересы немецкого финансового капитала. Ведь, до сих пор финансированием эльзас-лотарингской промышленности занимались крупные берлинские банки, извлекавшие из этого немалые барыши. Теперь они, надо полагать, будут вытеснены парижскими банками. Но об этом германскому пролетариату, конечно, не приходится горевать. Более серьезная опасность грозит со стороны Польши: Германия теряет Познань и Западную Пруссию, две провинции, снабжавшие ее своими значительными избытками сельско-хозяйственных продуктов. Но спрашивается, куда же эти провинции смогут сбывать этот избыток, когда снова наступят нормальные условия производства и товарообмена. Во всяком случае, не на Восток, так как прежняя русская Польша ни в каком ввозе не нуждается. Западная Галиция и впредь будет получать нужный ей хлеб из Восточной Галиции и Венгрии.

Верхняя Силезия, в случае перехода ее к Польше, если только все пойдет по воле капиталистических воротил, станет ареной бесшабашной вакханалии. Ясно, ведь, что американцы заранее облюбовали верхне-силезскую промышленность в качестве объекта для своей кипучей жажды деятельности: они станут финансировать промышленность, стараясь использовать всякую возможность развития. А сделать здесь можно чрезвычайно много. В самом деле, до сих пор развитие верхне-силезской промышленности тормозилось таможенной политикой России и Австрии, затруднявших вывоз; с присоединением Польши — эта промышленность будет призвана к снабжению Польши, Литвы, Белоруссии и Украины железом, углем, химическими продуктами и машинами. Это — блестящие перспективы, если принять во внимание, что все эти области нуждаются в железных дорогах, газе, водопроводах и канализации для городов, а для деревень — в сельско-хозяйственных орудиях и машинах. Но все эти потребности будут развиваться лишь постепенно, между тем как верхне-силезская промышленность, при условии полного развития своей прежней энергии, способна произвести несравненно больше. И поэтому, независимо от новых политических границ, верхне-силезский уголь и железо снова обратятся к указываемому географическим положением району сбыта: направятся в Берлин, Саксонию и в особенности в средне-восточную Германию. Ни какому бы то ни было польскому правительству, ни его истинным господам, англо-американским капиталистам, никогда не может прийти в голову помешать этому: их интересы пострадали бы от этого прежде всего.

Таким образом, изменения политических границ вовсе не лишат немецкое население продуктов, поступавших из отнятых теперь областей. Зато немецкие капиталисты, несомненно, потеряют при этом: немецкому финансовому капиталу придется отказаться от львиной доли производящейся в этих областях прибавочной ценности, которую они до сих пор получали в виде ренты и предпринимательской прибыли.

Не мало пострадает и великодержавная мощь Германии. Не говоря уже о потере миллионов подданных, и роль ее на мировом рынке становится

теперь много скромнее, раз она не может направлять из Берлина торговлю Эльзас-Лотарингии и польских областей. С этой точки зрения вдвойне чувствительна и потеря Данцига. Ибо „свободное государство“ Данциг, очевидно, останется фикцией; на деле же Данциг сделается опорным пунктом для Англии на Балтийском море, и английские капиталисты не замедлят воспользоваться этим новым рычагом для расширения своего мирового владычества. Таков смысл этой сделки.

Такое же значение имеет и потеря колоний. Немецкие трудящиеся массы ровно ничего не теряют, от того, что разные „песочницы“ (юго-зап. Африка) и „выгребные ямы“ (Киарчау и Восточная Африка), Воровские (Марианские то-ж) острова и прочее колониальное величие полетят теперь ко всем чертям и что вместо черно-бело-красного флага, там будет развеиваться какая-нибудь другая „национальная“ тряпка. Зато убытки финансового капитала не подлежат сомнению. Потери тем чувствительнее для него, что незадолго до взрыва мировой войны во всех этих „выгребных ямах“ и „песочницах“ были затеяны грандиозные мошеннические предприятия, сулившие самые заманчивые перспективы. Теперь эти предприятия, надо думать, будут вестись уже из Нью-Йорка и Лондона, а немецким банкам придется ограничиться ролью зрителей.

Но зато по немецким рабочим массам тяжело бьет наложенная на Германию мирным договором многомиллиардная контрибуция. Сумма в точности еще не установлена. Мы знаем лишь, что, если только все пойдет по воле победителей, потребуется много десятилетий крайнего напряжения народно-хозяйственных сил, чтобы выплатить ее. Чтобы обеспечить уплату этой чрезмерной дани, победители разоружают немецкий народ и берут под свой контроль его финансы, а с ними и всю его внутреннюю политику. Такой формы капиталистического рабства не знал до сих пор ни один европейский народ. В случае удачи этих замыслов, немецкому пролетариату вместе со всем немецким народом грозит безграничное унижение и беспримерный в истории человечества культурный регресс.

Правительство Эберта и Бауэра до сих пор не поведало миру, как оно представляет себе выполнение заключенного им договора. При их невежестве эти горе-политики вряд ли сознают весь смысл содеянного. А пока, поручив своему Носке

пулеметами и бомбами охранять порядок и спокойствие, наши Иванушки-дурачки с обезьяньей деловитостью занимаются кропаньем конституции и тому подобными политическими пустяками.

А немецкий пролетариат?

В момент, когда пишутся эти строки, немецкие рабочие массы, повидимому покинутые всеми добрыми духами, плывут по течению. Конечно, в нашем царстве далеко не благополучно: стачка рудокопов в калийных копях, забастовка банковских служащих, забастовка железнодорожников — вот о чем говорят последние телеграммы. Сообщения о сельско-хозяйственной жизни полны отчаяния. Долгожданное снятие блокады не наступило. Впрочем, американцы приступили к снабжению, но, с заматерелым лукавством ростовщиков, они в первую очередь присылают готовые изделия. Это чертовски выгодно как для них, так и для находящихся с ними в сообществе немецких импортеров, ибо очевидно, что эти товары — обувь, мануфактура и проч. — найдут небывалый сбыт. Но в хозяйственном отношении это еще туже затягивает петлю, еще более усиливает долговую кабалу Германии. Возможно, что со временем усилятся и ввоз продовольствия, а затем и сырья. Еще большой вопрос, однако, удастся ли таким путем наладить хозяйственный аппарат. Покой, о котором так мечтают забравшиеся в правительственные дворцы политические проходимцы, возможен был бы разве только в том случае, если бы немецкий пролетариат, отказавшись от всяких притязаний на культурную жизнь, покорно согласился нести ярмо рабства, сгибая спину под ударами бича нужды и голода, взятого в руки отечественными и иностранными капиталистами.

Мы пока еще не хотим верить этому. Мы думаем, что сейчас в Германии царит затишье перед бурей, которая, разразившись в сердце Европы, перебросится и на весь остальной культурный мир и навеки сокрушит злую силу вчерашних победителей.

Взоры пролетарского мира с тревогой устремлены на Берлин: победит ли там свора охранителей „порядка“, или же снова проснется спартаковский дух восстания? Кто знает немецкий пролетариат, у того не может быть сомнения в том, как жизнь ответит на этот вопрос.

Ю. МАРХЛЕВСКИЙ (Карский).

БОЛЬШЕВИКИ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

Исполнились предсказания Маркса и Энгельса о последствиях мировой войны, неизбежности которой они предвидели несколько десятков лет тому назад.

Социально-экономическая катастрофа, к которой война эта неминуема должна была привести, разверзла перед всемирным пролетариатом мрачную бездну голода, безработицы, нужды, усиленной

эксплуатации, трудовой повинности на буржуазию, неограниченного рабства на службе у всемогущего крупного капитала. Но вместе с тем исполняется и другая часть предсказания: социально-экономический кризис, являющийся следствием войны, будит в пролетариате революционную силу, которая в конце концов должна разбить оболочку буржуазно-капиталистического мира.

Оба эти явления: социально-экономическая катастрофа и революция возникают на одной и той же почве, т. е. на почве войны, и потому они самым тесным образом связаны друг с другом. В тех странах, где старый режим оказывается подточенным войною, начинается революция. Исходной точкой, первоначальным очагом ее является Россия, страна, где сопротивление насквозь прогнившего политического и общественного строя разрушительным силам войны отличалось наименьшей силой; поэтому старый строй и рухнул прежде всего в России. Таким образом, наиболее „отсталая“ страна Европы, не знавшая еще даже начальной стадии буржуазной свободы и не прошедшая через период буржуазной цивилизации, неожиданно стала опытным полем для первой попытки переустройства общества на коммунистических началах.

Обстоятельства, при которых рабочий класс или его авангард, состоящий из наиболее сознательных, бесстрашных и решительных элементов, берет власть в свои руки, во всех странах оказываются тождественными, поскольку этот захват власти происходит либо в начале экономической катастрофы, либо во время ее дальнейшего развития. Те же самые катастрофические явления — как то: недостаток продовольствия и одежды, топлива для освещения, отопления и промышленных целей, сырья и машин, средств сообщения и передвижения, работы, денег и кредита, — которые в 1917 г. способствовали крушению старого режима в России и которые сейчас действуют в том же направлении и в Германии, вместе с тем ставят почти непреодолимые препятствия победоносному развитию социалистического переустройства общества.

Конечно, эти общие условия сказываются различно в зависимости от особенностей общественного и политического строя каждой страны, т. е. от направления равнодействующей всех исторических сил, действовавших в течение многих столетий, а также в зависимости от степени ее экономического истощения и социальной разрухи в ней в тот момент, когда бразды правления вырываются из рук старого правительства. И вряд ли существует какая-нибудь другая страна, где влияние катастрофических условий настолько препятствует социалистическому переустройству общества настолько парализует его, как в России.

В речи, произнесенной в конце марта 1918 г. на собрании членов коммунистической партии в Москве*), Троцкий перечислил главнейшие затруднения, которые препятствуют социалистическому переустройству России. Он делит эти затруднения на объективные и субъективные. К первым Троцкий относит всеобщее расстройство экономической жизни, дезорганизацию путей сообщения, ужасающий недостаток годных к употреблению транспортных материалов и топлива, полную дезорганизацию фабрик и мастерских. В конце своей книжки „Октябрьская революция“, в которой Троцкий, между прочим, касается того же вопроса, он резюмирует „объективные затруднения“ переустройства, наблюдавшиеся в начале революции, следующим образом:

*) Речь это впоследствии была издана в Швейцарии отдельной брошюрой под заглавием „Arbeit, Disziplin und Ordnung werden die sozialistische Republik retten.“

„Экономически страна была истощена войной до последней степени. Революция разрушила старый административный аппарат и не успела еще создать нового ему на смену. Миллионы рабочих сил были вырваны из хозяйственных ячеек страны, деклассированы и психологически расшатаны трехлетней войной. Колоссальная военная промышленность на недостаточно подготовленном хозяйственном фундаменте поглощала все жизненные соки народа, и демобилизация ее была связана с величайшими затруднениями. Явления хозяйственной и политической анархии широко расплозились по всей стране.“

К субъективным затруднениям Троцкий причисляет недостаток необходимой организации, дисциплины и опыта у рабочих. Исторически, говорит он, недостатки русского пролетариата объясняются всем его политическим и экономическим прошлыми, прежде всего, чисто-аграрными формами жизни, в которых протекало существование русских масс в течение нескольких веков. Эти формы препятствовали появлению свободных самостоятельных личностей. Существовала только компактная масса, которая жила, погибала и умирала, как живет и погибает компактная масса саранчи. Революция впервые пробудила в этих массах человеческую личность. И это пробуждение неизбежно должно было принять в начале анархический характер. В крестьянине и рабочем, которые до сих пор были лишь рабами царя, дворянства и крупной буржуазии, плательщиками налогов, выючным скотом и придатком машины, эгоцентрические наклонности и страсти вдруг проявились с бурной силой. Каждый из них теперь почувствовал себя средоточием всего мира. Безграничная алчность, дезорганизаторские побуждения, индивидуалистические, разбойничьи и анархические наклонности пробудились вдруг в массах с неудержимой силой и наложили свой отпечаток на все их выступления в течение первых месяцев Октябрьской революции. Сильнее всего эти явления сказались среди тех, кто оказался сторванным от своей социальной среды, т. е. среди демобилизованных солдат. „Русское крестьянство“, — пишет Троцкий для объяснения эксцессов в течение первого периода пролетарского переворота, — „было в течение столетий спяно стихийно варварской дисциплиной земли и придавлено сверху железной дисциплиной царизма. Экономическое развитие подорвало первую, революция разрушила вторую... Анархические побуждения личности являлись неизбежным последствием предшествовавшего гнета.“

Другими словами, русские народные массы вступили в период пролетарско-социальной революции с психикой, образовавшейся под влиянием условий существования и взаимоотношений, господствовавших в дорбуржуазной среде. В течение многих поколений эти массы жили под гнетом полуазиатского деспотизма, в тесных рамках первобытного общинного землевладения, и вот, почти без всякого подготовительного перехода, они были призваны к решению почти сверхчеловеческой задачи — к созданию на развалинах царской России социалистической республики. Россия фактически перескочила через период буржуазной свободы и буржуазной культуры: она пережила капитализм

в очень укороченном, так сказать, сжатом и вместе с тем искаженном виде. На ряду с отрицательным влиянием этого хода развития на душу народа — влиянием, которое неоднократно и очень резко подчеркивали Ленин и Троцкий, — могут быть указаны и весьма положительные стороны. Эти положительные стороны столь значительны, что они, пожалуй, дают возможность русским массам стать авангардом пролетарской революции, первым активным носителем коммунистического преобразования общества. Неугасимое пламя идеализма, любовь к неприкрашенной, глубокой жизненной правде, стремление к наивысшему, безмерному и недосыгаемому, ненависть к фальши, к половинчатости, ко всему приблизительному и несовершенному, сильное желание добиться „всего или ничего“ — все эти свойства русской народной души в значительной степени объясняют прекрасный беззаветный радикализм и идеальную принципиальную стойкость русских революционеров.

Но в этой исторически сложившейся душе русского народа есть и слабые стороны, дающие себя знать в практической деятельности, т. е. в выполнении. Прежде всего, ей можно поставить в вину отсутствие тех качеств, которые буржуазное общество в высокой степени развивает в человеке, качества эти: любовь к порядку, аккуратность, прилежание, организаторские способности.*) Русские массы до революции не имели возможности получить политическое и социальное воспитание путем участия в массовых организациях и в общественной жизни. Эти массы жили в условиях, которые отнюдь не способствовали развитию гражданских чувств и самодисциплины. Эти качества, полное и продолжительное господство которых мы видим например в Англии, воспитывает в народе режим буржуазной свободы, делая их в конце концов чем то, вполне естественным, само собою разумеющимся. Русские массы, переживающие пока еще первый угар свободы, первое возбуждение по поводу избавления от невыносимого гнета, превращавшего всю жизнь в сплошное мучение, должны теперь же, без всякой подготовки, усвоить себе вдруг эти качества, которые другие народы вырабатывали в себе втечение веков. Они должны освободиться от необузданности, безграничного индивидуализма, себялюбия, продажности, хищнических инстинктов и всех остальных анархических свойств, которые с такой силой проявились в начальной стадии революции. „Детской болезнью“ называет Троцкий в вышеупомянутой речи эти явления, органической болезнью, неизбежной в процессе развития угнетенных масс. „Мы были бы слепцами и трусами, еслибы усмотрели в ней гибельный симптом, роковую опасность. Но все-таки это — болезнь, и мы должны приложить все старания к тому, чтобы возможно скорее изжить ее.“ Этим объясняются беспрестанные обращения к массам, Ленина, Троцкого и др. вождей, призывающих

*) „Русский плохой работник по сравнению с гражданином передовых стран. Да это и не могло быть иначе, при режиме царизма и живучести остатков крепостного права. Научиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме.“ Это говорит не какой-нибудь буржуазный профессор социологии, а „анархист“ и „бандит“ Ленин — в своей замечательной речи, произнесенной в В. С. Н. Х. в Москве, в мае 1918 г.

к соблюдению самодисциплины и самоограничения, а также поражающая на первый взгляд горячность, с которой Ленин в речи, произнесенной в В. С. Н. Х., выдвигает на первый план необходимость „железной дисциплины“ в мастерских, на железных дорогах, беспрекословное подчинение рабочих избранным ими самими вождям.*)

Помимо перечисленных Троцким затруднений, существуют еще другие, в значительной степени препятствующие осуществлению социализма в России: они являются следствием того состояния, в котором очутилась Советская Республика, благодаря политике международного империализма. Брестский мир отрезал Центральную Россию от богатых южных губерний, снабжавших своим хлебом большие города. Кроме того, мир этот лишил Россию керосиновых и нефтяных источников, тогда как постоянный подвоз этих продуктов был настоятельно необходим для восстановления путей сообщения и снабжения заводов сырьем.

Немедленно же после „несчастливого мира“ начались интриги Антанты, которая, в союзе со всеми контр-революционными элементами в самой России, вызвала восстание чехо-словацких военно-пленных против Советского Правительства и отрезала ее от Волги (к счастью, лишь временно), от Донецкого бассейна и от Сибири, т. е. от областей, имеющих для снабжения продовольствием — рыбой, маслом, мясом, хлебом — такое же значение, как и Украина **).

В опубликованном в „Nouvelle Internationale“, письме бывшего корреспондента „Фигаро“ Ренэ Маршана к французскому правительству, с полной ясностью устанавливается, что с официальной французской стороны были предприняты попытки путем разрушения важнейших железнодорожных мостов совершенно дезорганизовать снабжение Петрограда и Москвы продовольствием и вызвать голодный бунт.

Само собой разумеется, что Соединенными Штатами не было оказано Советской Республике никакой помощи в виде кредита, капитала, машин, посылки специалистов и т. д., а между тем на эту помощь она сначала рассчитывала и пыталась обеспечить ее себе путем всякого рода уступок американскому капиталу.

На основании вышеизложенного читатель может составить себе лишь слабое представление — да, только слабое представление — об ужасных затруднениях, препятствовавших и все еще препятствующих социалистическому переустройству России.

Если бы „опыт“ большевиков совершенно не удался, то ответственность за эту неудачу со спокойной совестью можно было бы возложить на обстоятельства: из этой неудачи нельзя было бы извлечь никаких аргументов ни против

*) Конечно, эти увещания не имеют ничего общего с призывами германских социал-патриотов к порядку и т. д. и с их советами рабочим не бастовать, чтобы не подвергать опасности производство. Русские массы освободились от власти капитала, германским еще предстоит это сделать, — а это большая разница.

**) Поэтому можно только удивляться цинизму одного врача французской больницы в Петрограде, который осмелился критиковать голодный режим большевиков, ответственность за который падает на его же собственных соотечественников. Его сообщение было перепечатано в голландской газете „Nieuwe Rotterdamsche Courant“ без всяких комментариев.

социализации, ни против лиц, пытавшихся ее осуществить.

Но опыт **вовсе не потерпел** полной неудачи. Напротив: несмотря на **самые неблагоприятные** обстоятельства, проявилась творческая сила масс и **жизненность социалистических учреждений**, доказана возможность не только захвата государственной власти **рабоче-крестьянскими массами**, но и использование ее для прекращения эксплуатации человека человеком и для создания фундамента коммунистического общества.

Что опыт не потерпел неудачи, явствует из делого ряда обстоятельств, которые мы перечислим по порядку. Во-первых, это явствует из существования Советского правительства до настоящего момента, т. е. в течение более 1¹/₂ лет после победоносного восстания, поставившего его у власти в октябре 1917 г. Существование Советской власти несмотря на чрезвычайно невыгодный для России Брестский мир, несмотря на продолжающиеся заговоры Антанты, несмотря на ужасный голод, терзающий городское население, несмотря на угрожающую и все ближе надвигающуюся перспективу капиталического мирового союза против Советской Республики. — этот факт сам по себе уже показывает, что Советское Правительство, не взирая на свои зачастую суровые, зачастую крайние мероприятия, опирается на доверие и на любовь народных масс. А это опять таки доказывает, что ему удалось во многих отношениях значительно улучшить положение этих масс, пробудить в них надежду на полное освобождение и готовность ради достижения этой цели претерпевать лишения, работать и ограничивать себя в удовлетворении потребностей. Существование Советского Правительства в течение 1¹/₂ лет доказывает, что ему удастся способствовать возрождению масс русского народа.

Во-вторых, о том же свидетельствует все растущая сила и боеспособность красной армии. Оказывается, что русские народные массы охотно сражаются за Советскую Республику, покидают ради нее свои семьи, бросают свою работу, подчиняются военной дисциплине и проливают свою кровь. Принимая во внимание колоссальное утомление войной, наблюдавшееся среди этих масс в 1917 г., и их полную необузданность в начале революции, в указанном обстоятельстве, по нашему мнению, необходимо признать весьма убедительное доказательство активной преданности народа Советской власти.

В третьих, огромное значение имеет изменившееся настроение мелко-буржуазных социалистических партий (меньшевиков и правых социал-революционеров) и буржуазных интеллигентов. Меньшевики и пр. отказались от оппозиции и выражают теперь согласие образовать правительственный блок для защиты Советской Республики,*) интеллигенты смирились и прекратили пассивное сопротивление: они предоставляют свои силы в распоряжение нового строя и все более и более срастаются с политическим организмом Советской власти.

Вокруг Советской власти группируются понемногу все живые силы русского народа, гото-

*1 От редакции: Увы, далеко не все меньшевики, тов. Роланд-Хольст.

вась к защите России от натиска всего мирового капитала (включая и Германию)*).

На ряду с этими косвенными доказательствами успеха социалистического „опыта“ мы располагаем прямыми доказательствами в виде официальных русских сообщений: радио-телеграмм правительства, предназначенных для революционной печати, статей в большевистских органах и во французском журнале „Demail“ и бюллетеней „Russische Nachrichten“ (**), официального издания, выходившего одно время в Берне, в котором все сведения русских газет о социальном переустройстве подвергались тщательной обработке. Если некоторые читатели, может быть, полагают, что все эти сведения ничего не доказывают, так как они заимствованы из официальных сообщений Советских органов, то я отвечу на это указанием, что точно так же обстоит дело со всеми официальными сообщениями, статистическими данными и т. д. всех стран. Насколько мне известно, это обстоятельство никому не дает повода объявлять эти сообщения абсолютно лишенными значения и не считаться с ними. Конечно, в большинстве случаев трудно установить, насколько принятые правительством решения являются мероприятиями, остающимися лишь „на бумаге“, и насколько они действительно осуществляются. В этом отношении грандиозная преобразовательная работа Советского правительства не отличается от мелкой преобразовательной работы буржуазных правительств, совершаемой в рамках капиталистического общества. Ко всем, кто, пожимая плечами, говорит, о „бумажных мероприятиях“ большевиков, мы обращаемся с вопросом: известна ли им хоть одна страна в мире, где даже такие невинные мероприятия в области рабочего законодательства, как, например, сокращение рабочего дня на один час или на полчаса, немедленно же проводятся в жизнь в полном объеме? История, например, французского — а также и нидерландского — рабочего законодательства учит нас совсем иному: она учит, что часто проходят долгие годы, прежде чем мероприятия, даже поверхностно затрагивающие капиталистическую систему, находят себе всеобщее применение. Как же можно ожидать или требовать этого от мероприятий, знаменующих колоссальную перемену, коренной переворот в политической, экономической, социальной и духовной жизни? Лишь крайне поверхностный или ослепленный ненавистью человек может издеваться над начинаниями Советского правительства только потому, что декреты его не осуществляются повсюду немедленно.

К тому же весьма вероятно, что часть важнейших реформ, предпринятых Советами, осуществляется ныне в России значительно быстрее, чем осуществлялись в прошлом мелкие мероприятия, имевшие целью защиту труда, во всех буржуазных странах. В революционную эпоху сами народные массы заботятся о том, чтобы новые решения пре

*) Опубликованное недавно Антантой в Одессе воззвание в следующих выражениях отзывается о немцах: „Немцы пришли сюда не как завоеватели, а как защитники права, поэтому их конечная цель совпадает с нашей“.

**) Выход этих бюллетеней внезапно прекратился, вследствие нападения швейцарского правительства на русских, высылки советского представительства и правительственного телеграфа, наступившего после забастовок в Швейцарии.

творялись в жизнь; кроме того, подобные решения часто являются не чем иным, как обобщением и укреплением того, что уже завоевано непосредственным революционным действием масс. Поэтому мы можем спокойно утверждать, что предпринимаемые ныне в России попытки переустройства политической, экономической и духовной жизни, — благодаря своему широкому размаху и своей глубине, — чрезвычайно скоро и основательно изменят весь социальный организм. Конечно, это утверждение правильно лишь в общем и целом; найдется целый ряд областей, в которых, вследствие слабости исполнительных органов, недостатка понимания, знаний, опыта, слабости социалистического сознания масс, предписания и постановления до некоторой степени остаются пока мертвой буквой. В том же направлении действует и низкий уровень потребностей рабочих масс.

„Проклятое отсутствие потребностей“, против которого выступал еще Лассаль! Так, например, Зиновьев горько жаловался в сентябре 1918 г. в „Правде“ на косность петроградского пролетариата, который из робости и ввиду долголетней привычки жить в условиях, недостойных человеческого существования не мог решиться переселиться в просторные, здоровые квартиры буржуазных кварталов, предпочитая жить скученно в грязных подвалах и лачугах.

Самая важная перемена, вызванная революцией в жизни масс, это явление не экономического, а политического характера или, если угодно, не материального, а духовного порядка. Перемена эта состоит в преодолении пассивности масс, бывших до сих пор лишь объектом насилия и эксплуатации. Революция, вовлекшая массы в борьбу за новый общественный строй, впервые превратила их в субъектов, т. е. в обладающих волей и действующих личностей. Еще в то время, когда Максим Горький резко нападал на Советское правительство, этот величайший из ныне живущих русских писателей указал на радостное значение этой перемены. Благодаря ей, со дня на день исчезает политическая и умственная „отсталость“ русского народа по сравнению с другими народами; теперь он быстро догоняет все остальные народы, и даже оставляет их позади себя своим

живым интересом к политическим и экономическим вопросам, силой своего гражданского чувства и своей преданностью общему делу. Скачками развивается его политический опыт, его интерес к вопросам экономики, общественности и духовной культуры. Словом, поднимается его общий культурный уровень — ибо культура не что иное, как воодушевление общими вопросами, задачами и интересами, — поднимается быстро и неудержимо. Неудивительно, что, согласно сообщениям очевидцев, русский народ с поразительной быстротой уже в течение первых месяцев социальной революции сбросил с себя цепи невежества, усвоив себе элементарные знания грамоты. Социальная революция, наполняющая массы действенной силой и надеждой и дающая их жизни великую и прекрасную цель, является самым могучим культурным фактором в мире.

Революционная активность русского пролетариата самым тесным образом связана с организационными формами, стихийно возникшими в первом порыве революционной творческой силы и впоследствии расширенными и упроченными Советской властью. Революционизирование политической жизни, создание организаций, в которых свободно может проявляться воля трудящихся масс, — это революционизирование и это организационное строительство являются основами всей творческой работы нового режима во всех областях.

Развитие политической революции, т. е. упрочение и расширение классовой диктатуры пролетариата невозможно и нелепо без социалистического переустройства в экономическом, социальном, духовно-нравственном отношениях. По мере того, как трудящиеся массы сбрасывают с себя бремя чрезмерно продолжительного рабочего дня, истощения и гнета, необеспеченности своего существования, забот и нужды, невежества, предрассудков и принижения, грязи, пьянства и болезней, себялюбия, необузданности и грубости, они все с большей и большей силой могут выступать, как господствующий класс, обеспечивая свое собственное благо и благо всего человечества.

Генриетта РОЛАНД ХОЛЬСТ.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ И КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ В ВЕНГРИИ.

Вопрос о значении профессиональных союзов в пролетарской революции был одним из наиболее спорных вопросов, вызвавших наиболее горячие и продолжительные прения на съезде коммунистического Интернационала. По поводу разных сторон этого вопроса высказывались самые разноречивые мнения. Представители коммунистических партий тех стран, где профессиональные союзы настроены революционно, доказывали безусловную необходимость союзов и громадное значение их деятельно-

сти для пролетарского государства в период перехода от капиталистического производства к производству на коммунистических началах.

Другие же участники съезда, в особенности коммунисты Германии, настаивали на ненужности и нецелесообразности существования профессиональных союзов в эпоху пролетарской революции, так как в большинстве случаев руководство профессиональным движением находится в руках обуржуазившихся социал-демократов.

Доказательством того, что подобные обуржуазившиеся союзы могут играть вполне определенную контр-революционную роль в ходе пролетарской революции, служит вся история четырех месяцев существования и временного падения венгерской советской республики. Оппортунистические замашки союзов, их склонность к соглашательству с буржуазией расшатали устои, на которых держалась советская республика, и привели ее к крушению, когда профессиональные союзы стали во главе контр-революции.

До нас дошли очень скудные вести о последних днях венгерской Советской Республики; нельзя даже с точностью установить, насколько эти сведения свободны от искажений, верно ли они отражают действительность. Во всяком случае, они достаточно ясно обрисовывают решающее участие союзов в свержении советского правительства Венгрии.

По своей окраске венгерские профессиональные союзы принадлежали к категории неревolutionонных, в полном смысле слова обуржуазившихся союзов. Развитие их в этом направлении неизбежно вытекало из той позиции, которую они занимали в пролетарском движении в Венгрии.

Организация венгерской социал-демократической партии была построена довольно своеобразно: промышленные рабочие вступали в профессиональные союзы и тем самым становились членами социал-демократической партии. В партии существовала, кроме того, так называемая свободная организация, в которую можно было войти помимо профессиональных союзов, но из всех членов социал-демократической партии только 10% вступили в нее этим путем, остальные 90% были членами партии только потому, что они входили в профессиональные союзы. Эта система порождала два явления в пролетарском движении Венгрии: во первых, рабочие, попадая в партию, так сказать, между прочим, встречались с вождями движения на почве не столько партийной, сколько чисто профессиональной работы; во вторых, наиболее оппортунистические, верхние слои партии стремились удержать в своих руках руководство профессиональным движением, ибо руководящее положение в профессиональных союзах обеспечивало им значительное влияние в партии, и следовательно власть над массами. Слияние партии и профессиональных союзов привело к диктатуре оппортунистов, подавлявших в течение десятилетий все революционные элементы внутри партии, а возникновению революционных левых групп вне партии препятствовало то обстоятельство, что уход из партии означал потерю всех тех экономических выгод, с которыми было связано для организованных рабочих пребывание в профессиональных союзах.

При выступлении коммунистов в Венгрии, венгерская социал-демократия в союзе с буржуазией постаралась тотчас же использовать профессиональные союзы для борьбы с коммунистами. Вследствие глубоко укоренившегося в рабочей среде ложного представления о единстве союзов, крайне трудно было убедить рабочих в том, что возникновение более революционной политической организации несколько не угрожает опасностью единству экономической организации рабочих.

Незадолго до пролетарского переворота в Венгрии господство буржуазных тенденций в про-

фессиональных союзах стало еще сильнее, благодаря тому, что целые слои и группы среднего и мелкого мещанства поспешили примкнуть к социал-демократической партии: профессора, скульпторы, чиновники, офицеры и пр. и пр. организовывали свои собственные союзы, и эта, лишенная классового сознания и насквозь проникнутая мелко буржуазными взглядами и стремлениями, масса служила опорой для оппортунистических вожakov. Условия, при которых создавалась Венгерская советская республика, не только не могли уничтожить этот ненормальный порядок вещей, но даже способствовали дальнейшему его расцвету и укреплению. Коммунистическая партия Венгрии, объединившись с социал-демократами для проведения в жизнь диктатуры пролетариата, была поневоле вынуждена к этому. Правда, самые правые главы профессионального движения отстранились с самого начала от участия в установлении диктатуры пролетариата; но даже такие господа, как каутскинянец Гарам и Бухингер, давно уже продавшийся буржуазии за теплое местечко, а также еще дешевле продавшие себя Пейдль и Пейер, даже эти предатели, бежавшие вместе со спасающейся буржуазией, все они сохранили связи с профессиональными союзами. Другие, менее последовательные оппортунисты, для которых оппортунизм был, быть может, своего рода искусством для искусства, пошли на службу к пролетарской власти, ничуть не изменив, однако, своих буржуазных взглядов. Из оппортунистов этого типа состоял весь верхний слой профессиональной бюрократии, который скорее тормозил строительство новой жизни, чем содействовал ему. Борьба между этими элементами и коммунистами была неизбежна. Первые стратегические успехи в этой борьбе выпали на долю „профессионалов“, благодаря тому, что в объединенной партии, назвавшей себя, по настоятельному требованию главарей профессиональных союзов, социалистической, а не коммунистической, сохранилась прежняя система организации, основанная на полном слиянии с союзами. Если при господстве капитализма подобное слияние еще могло быть оправдано тем, что профессиональные союзы объединяли рабочие массы для борьбы с предпринимателями и, благодаря этому, в союзах господствовала диктатура партии, то теперь, при установлении власти пролетариата, слияние это теряло всякий смысл: проникнутые буржуазным духом союзы не могли быть боевыми органами пролетариата и все-таки продолжали пользоваться почти безграничным влиянием в партии.

Был сделан ряд попыток к тому, чтобы приспособить союзы к пролетарской диктатуре. Еще в начале апреля сама Центральная Комиссия профессиональных союзов наметила в следующих общих чертах новые задачи союзов: коллективные договоры о заработной плате остаются в силе до установления новых трудовых ставок. Союзы должны по мере сил принимать участие в проведении в жизнь социализации и стремиться к поддержанию производства. Их долгом является забота о революционном воспитании рабочих и о поддержании революционно-трудовой дисциплины. В Советской республике профессиональные союзы не должны прибегать к прежним приемам борьбы — стачке и бойкоту. Но одновременно с этим пла-

тоническим заявлением о новых задачах Центральной Комиссии Союзов постановила, что все ответственные работники профессиональных союзов, как в центре, так и в провинции, остаются на своих прежних местах, и таким образом все нити профессионального движения остались в руках тех же старых оппортунистов, которые давно уже свили себе прочное гнездо в руководящих учреждениях союзов. Другое постановление Центральной Комиссии, согласно которому исключение из профессионального союза влекло за собой исключение из партии, отдало всю партию во власть охарактеризованных нами выше оппортунистов „профессионалов“.

Следующий серьезный случай показал, что эти союзы, являясь главными устоями советской республики, т. е. оттесняя на второй план самые советы, парализовали силы борющегося пролетариата. Еще в начале мая, когда румыны и чехословаки перешли в наступление, главари профессионального движения внесли предложение о прекращении борьбы с зарубежной и венгерской буржуазией и о создании какого-то нейтрального „рабочего“ правительства, не имеющего ничего общего с диктатурой пролетариата. Героическими усилиями и личным примером коммунистам удалось отразить это предательское покушение и воодушевить таким энтузиазмом рабочие массы, что даже профессиональные союзы провели у себя мобилизацию, поставив половину своих членов под знамена красной армии. Но вожди советской Венгрии не долго могли предаваться радужным иллюзиям о том, что этот подъем означал окончание борьбы с союзами; последующие события очень скоро показали, что эта проведенная профессиональными союзами мобилизация отдала всю красную армию в руки вожakov профессионального движения.

Уже в середине мая Бела Кун принужден был объявить открытую войну союзам, потребовав отделения этих экономических организаций от политической организации рабочего класса. „Профессиональные союзы — сказал он — должны заботиться о выполнении своих в высшей степени важных экономических задач, а решение задач политических должно быть делом исключительно только партии“. Но теперь все защитники профессиональных союзов сбросили маску и обнаружили свою истинную природу. Редактор партийного органа Вельтнер и народный комиссар просвещения Кунфи открыто стали во главе старой бюрократии союзов. Кунфи и Вельтнер стали помещать свои защитительные статьи о политической роли профессиональных союзов в безпартийной бульварной газете, так как было бы слишком странно, если бы они агитировали против господства партии в партийном же органе.

„Профессиональная“ партия кричала о черной неблагодарности тех, кто хочет лишить политического влияния союзы, спасшие своей мобилизацией советскую республику. Ход военных действий и внешние события помешали коммунистам довести немедленно же борьбу до конца. Союзы же воспользовались временем, чтобы подготовиться к новой схватке.

Насколько можно судить по дошедшим до нас отрывочным сведениям, состоявшимся в июне

с'езд советов и партийная конференция послужили для этих двух групп новой ареной борьбы. По вопросу о переименовании партии снова одержали верх союзы, и на этот раз воспротивившиеся тому, чтобы партия была названа коммунистической. Расхождение между сторонниками профессиональных союзов и коммунистами становилось все резче, и в то же время все росло существовавшее уже и раньше единодушие между эмигрировавшими вождями профессионального движения и их венгерскими коллегами, превратившимися, было, в мнимых коммунистов. Последние, после непродолжительного колебания, вышли из советского правительства в один из самых трудных для рабочей власти моментов, когда вспыхнуло контр-революционное восстание, и принялись в союзах готовить почву для особого рода контр-революции.

Союзы, которые незадолго перед тем в числе своих задач выставили и осуществление социализации производства, стали теперь вполне определенно склоняться к соглашению с буржуазией, т. е. к восстановлению капиталистического способа производства.

Те самые союзы, которые недавно еще мобилизовали своих членов для защиты советской власти, которые требовали себе политической власти и участия в диктатуре пролетариата, которые заявляли о том, что они истинные представители пролетариата, — эти союзы объявили себя теперь противниками революционной оборонительной войны, бросились собственными руками разрушать здание рабочего государства, продали и погубили правительство пролетариата.

Как ни скудны наши сведения о последних двух месяцах существования Венгерской советской республики, как ни неясны для нас поэтому причины и обстоятельства переворота, контр-революционная роль союзов, обуславливаемая всем их развитием, не подлежит для нас сомнению. Неизбежному новому восстанию Венгерского пролетариата против буржуазии будет неминуемо предшествовать освобождение политической организации пролетариата от диктатуры союзов. Это освобождение необходимо не потому, что профессиональные союзы вообще неспособны довести до конца классовую борьбу, а потому, что венгерские профессиональные союзы пропитаны оппортунизмом и буржуазным духом, что они не только не идут во главе боевой пролетарской армии, но являются авангардом контр-революции.

А. РУДНЯНСКИЙ.

От редакции. Помещая статью т. Руднянского, редакция считает, что контр-революционная роль, какую сыграли венгерские меньшевистские профессиональные союзы в черносотенном венгерском перевороте, ни в коем случае не служит доказательством ненужности профессиональных союзов вообще. Развивающаяся пролетарская революция расколет нынешние „единные“ союзы, переродит профессиональное движение, вдохнет в него дух пролетарской борьбы и сделает его одним из опорных пунктов пролетарской диктатуры. Желтому профессиональному Интернационалу рабочая революция противопоставит красный профессиональный Интернационал.

Этому вопросу Исп. Ком. Комм. Интерн. посвятит в ближайшем будущем специальное циркулярное письмо.

ГЕРМАНСКО-ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ЗАПАДНОЙ ПРУССИИ И МИРНЫЕ УСЛОВИЯ СОЮЗНИКОВ.

Во время моей недавней поездки по западной Пруссии и части северной Познани мне удалось собрать материалы, могущие пролить свет на политическое положение этой, самой беспокойной области Восточной Европы, где классовая борьба крайне осложнена и где она, благодаря искусственно раздуваемым национальным страстям, уклонилась от своего прямого пути.

Долина, лежащая между нижним бассейном Вислы и Одером, разделяется на область Западной Пруссии (прежняя „Прусская провинция Познань“), и на северо-восточную часть вновь образованной „конгрессной“ Польши. Если посмотреть на карту этой местности, составленную прусским правительством на основании статистических данных о религии и национальности местного населения, относящихся к 1910 году, то не трудно заметить, что в этой части прежнего прусского королевства живет главным образом смешанное немецко-польское население, состоящее из католиков и протестантов. Нигде не видно тут резкого разграничения населения по религии или национальности. В северной части провинции Познани, между треугольником, образуемым Гогензальцом, Познанью и Кольмаром, численность польского и немецкого населения колеблется от 30 до 60%. То же самое относится и к области западной Пруссии, известной под названием польского „корридора“ и тянущейся длинной полосой от пункта, лежащего к северо-востоку от Торна, до берега, лежащего к северо-западу от Данцига. С другой стороны, здесь имеются два района, где каждая из национальностей является господствующей. Небольшая площадь, тянущаяся от Шнейдермюле через Бромберг до Торна, населена преимущественно немцами. Огромная площадь, начинающаяся несколько севернее Познани и простирающаяся к юго-востоку до Кростошина, населена преимущественно поляками. В первом районе находится Нетцский (Netze) канал, важный водный путь, соединяющий речную систему Одера с системой Вислы. По этому каналу из западной Пруссии и „конгрессной“ Польши отправляется сырье (лес, зерно и т. д.) в Центральную Германию в обмен на фабrikаты. Колонизация этого района, начатая Фридрихом Великим, в царствование которого был прорыт этот канал, переселение купцов и фабрикантов из Центральной Германии и постройка ими целого ряда фабрик по берегам канала и всей речной системы, способствовало тому, что немецкое население этой местности получило особый классовый характер. Фактически северная Познань и Западная Пруссия, в особенности речной район, населены „буржуазией“, средним имущим классом, помещиками, чиновниками, инженерами и квалифицированными рабочими. С другой стороны, в вышеуказанном районе Южной Познани главным занятием жителей является земледелие, и

интересы туземного, коренного польского населения почти не были затронуты переселенцами с Запада, которые все свое внимание сосредоточили на торговле и промышленности. Поляки, живущие в этих местностях, — крестьяне, католики по религии, обременены большими семьями, и, в виду отсутствия усовершенствованных методов обработки земли, вынуждены отправлять избыток своего населения на Север и Запад, в промышленные центры Западной Пруссии и Северной Познани, и на Юг — в Силезию. Вследствие этого в районах Бромберга, Шнейдермюле, Торна и в угольных коях Верхней Силезии почти все неквалифицированные рабочие — поляки. В этой же части Западной Пруссии расположены огромные имения прусских юнкеров, и сельские наемные рабочие, работающие там, также в большинстве случаев поляки-переселенцы, пришедшие с Востока и Юга. Нетрудно поэтому видеть, что рост классовой борьбы в этих местностях происходит одновременно со взрывами национального шовинизма среди различных классов населения, и капиталисты Германии и Антанты используют это обстоятельство для дальнейшего развития своих империалистских планов.

Немецкими империалистами давно сознавалась необходимость закрепить эту часть Пруссии за „чистыми представителями немецкой нации“. Все увеличивавшееся количество польских неквалифицированных рабочих и сельских батраков, которые, испытывая недостаток в земле, все настойчивее требовали разрешения покупать землю, заставляло прусских юнкеров и чиновников принять особые меры против сельского пролетариата: был издан „закон о земле“, направленный против поляков. Полякам запрещалось покупать землю без надлежащего на то разрешения ландрата (земский совет), члены которого назначались прусским королем.

Прусским правительством была назначена особая земельная комиссия, в ведение которой поступали все продающиеся имения и которая следила за тем, чтобы только немецкие буржуазные семьи или немецкие крестьяне из Центральной Германии, считавшиеся политически „благонадежными“, пользовались правом получать наделы. Таким образом, земельные законы, изданные Бисмарком и несколько измененные Бюловым, были реальной попыткой насильственно держать польских неквалифицированных рабочих на положении наемных рабов и предоставить землю искусственно отобранному крестьянству, которое могло бы служить оплотом феодальному юнкерству. Не следует также забывать, что польские неквалифицированные рабочие и малочисленный средний класс представляли опасность для существовавшего в Пруссии режима, в виду того, что они могли выступить, как передовой отряд иноземного империализма,

стремящегося из политических и военных соображений наложить свою руку на Западную Пруссию. Создание Польского государства доказывает, что Антанта давно стремилась создать в Восточной Европе военную силу, благодаря содействию которой немецкие капиталисты оказались бы окруженными со всех сторон и отрезанными от мирового рынка. Таким образом, население Западной Пруссии и Северной Познани в течение долгих лет играло роль застрельщика и передового отряда империалистской Антанты.

В действительности специальные земельные законы, направленные против поляков, потерпели полное фиаско. Запрещая польским рабочим покупать землю, прусское правительство только подавило недовольство масс, но не устранило его, так как эти поляки все больше и больше подпадали под влияние варшавских агитаторов и агентов Антанты. Польский рабочий, как и раньше, видел свое спасение в насильственном свержении прусского режима и в присоединении этой территории к „конгрессной“ Польше. Классовая борьба получила националистическую тенденцию, созревавшие социалистические идеалы были отравлены ядом шовинизма. Это сделалось вполне очевидным после перемирия, заключенного прошлой осенью с Центральными Державами, и после того как в Германии вспыхнула революция. В Познани в ноябре 1918 года образовался Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, ставивший себе целью закрепить новый строй и подготовиться к великим социальным реформам, которые, казалось тогда, должны были скоро осуществиться в Германии. Весьма характерным, однако, для психологии польских рабочих явился тот факт, что они в то время избрали в советы не рабочих, но представителей среднего класса и интеллигентов, видных, членов польских буржуазных национальных союзов, стоящих в стороне от рабочего движения и далеких от социализма. На одном из заседаний познанского совета, состоявшемся 3-го декабря, польский делегат, д-р Сейдер, сказал: „Эту революцию мы предоставим побежденным народам. Нам, полякам, не нужна социальная революция“. Единственными выразителями идей интернационализма в совете были некоторые немецкие солдаты и несколько квалифицированных рабочих. Когда началась демобилизация немецких солдат и отправка их на родину, советы очутились исключительно в руках польских националистов, которые превратили их в Комитеты, подготовляющие соединение Познанской провинции с „конгрессной“ Польшей. Таким образом произошла в январе 1919 года „Познанская революция“ и вторжение в Западную Пруссию польских легионеров. Демаркационная линия, временно установленная союзниками в Париже впредь до окончательного выяснения вопроса относительно этой области мирной конференцией, тянется от прежней Пруско-Польской границы к востоку от Гогензальца до пункта, находящегося в 40 километрах к югу от Бромберга, и оттуда тянется на такое же расстояние к югу от Нетцкого канала и около 60 километров северо-восточнее Познани. Однако, польские легионеры перешли эту линию и продвинулись до самого Нетцкого канала, прервав эту важную линию сообщения, оставленную военным командованием в руках немцев. Таким

образом, не представляется никакой возможности вести торговые сношения между Западной Пруссией и Центральной Германией водным путем.

Гораздо худшая судьба ждет, однако, население Западной Пруссии и Северной Познани, так как, согласно мирным условиям союзников, вся территория севернее Вислы, до линии Шнейдермюле - Лауенбург в Померании, присоединяется без плебисцита к „конгрессной“ Польше. Согласно этому решению, вся территория промышленных районов, расположенная вокруг Нетцкого канала, с преимущественно немецким населением, вместе с важным железнодорожным центром Шнейдермюле, где польское население не превышает и 5%, переходит в руки Варшавского правительства. Это означает также, что, если не будет предварительно обусловлено право свободной торговли между этим „корридором“ и Центральной Германией, то вся огромная промышленная система, могущая существовать только при условии установления сношений между Востоком и Западом через Нетцкий канал, будет разрушена. Цель союзников, поскольку мирные условия касаются Западной Пруссии, конечно, ясна. Эти условия не принимают в соображение ни религиозных ни национальных предрассудков среднего класса населения и, что еще хуже, они совершенно не считаются с экономическим положением этих местностей. Диктовались эти условия исключительно военными и стратегическими соображениями, и цель союзников заключалась в овладении железными дорогами, расположенными вдоль треугольника, образуемого Торном - Шнейдермюле - Данцигом, с важными железнодорожными узлами в Диршау и Шнейдермюле. Таким образом, французское командование надеется создать из Польши военное государство с 20-миллионным населением, предоставив ему право неограниченного контроля всей долины реки Вислы и право иметь свою большую морскую базу на Балтийском море, которая будет находиться под контролем союзников, а также право взять в свое ведение всю железнодорожную сеть Южной Германии.

Если бы империалисты Антанты вели борьбу только против прусского юнкерства и милитаризма и если бы мирными условиями преследовалась также цель уничтожения милитаризма, можно было бы найти хоть какое нибудь оправдание для них. В действительности же Антанта борется как раз с теми силами в Пруссии, которые вели борьбу с юнкерством, так как, расширяя сферу влияния Варшавского правительства на эти территории, союзники отдают рабочее движение во власть реакции столь же беспросветной, как и реакция прусского юнкерства. Выше мною было указано, какое губительное влияние оказали старые прусские помещики и чиновники на нормальное социальное развитие рабочих Западной Пруссии и Северной Познани. Однако, со времени революции в Германии, без сомнения, был проведен целый ряд реформ. Верно, что большинство прусских чиновников, назначенных прежним правительством, осталось на своих местах. Специальные земельные законы, хотя и не применяются больше, все же официально не отменены. Безответственное и реакционное офицерство, рекрутируемое главным образом из отпрысков юнкерских семейств, представляет собой пограничный оплот Пруссии на востоке и под его

влиянием местная буржуазная пресса получила шовинистское направление. Почти всеми разделяется убеждение, что это „офицерство“ стремится низвергнуть правительство Эберта и создать независимую территорию из Западной и Восточной Пруссии, которая будет тем центром, откуда начнется „возрождение“ Германии. С другой стороны, со времени революции в Германии был проведен целый ряд реальных реформ. Самым важным фактом, однако, является рост местных профессиональных союзов и интернационалистских социалистических организаций. В крупных центрах, как, например, в Торне, в Бромберге, в Шнейдермюле и Данциге, появился целый ряд профессиональных союзов, свободных от религиозных и буржуазных влияний. В тех местах, где такие союзы существовали еще до революции, число их членов увеличилось на 200%. Им удалось добиться введения 8-ми часового рабочего дня и оплаты труда по контракту. Сельские рабочие, которым закон запрещал объединяться в союзы для защиты своих интересов, образовали по всей Западной Пруссии „союзы сельских рабочих“, которые наряду с союзами металлистов, деревообделочников, железнодорожников и друг. объединились в „картели“. Кроме того, не только немецкие, но и польские рабочие, освободившиеся от тлетворного влияния националистической пропаганды, ведущейся из Варшавы, вступили в эти союзы. Этот интернациональный союз организованных промышленных рабочих Западной Пруссии и Северной Познани находится под сильным влиянием немецкой Независимой Социал-Демократической Партии. Во многих местностях, как, например, в Торне, немецкие социалисты большинства объединились с независимыми, и между ними никогда не было никаких расколов, как это случилось в 1915 году во всей остальной Германии. Можно с уверенностью сказать, что этот интернациональный профессиональный союз и социалистические партии, под влиянием которых он находится, являются единственной светлой точкой на темном фоне прусского юнкерства (еще не исчезнувшего с лица земли) и единственным местом, где царит дух разума среди общей вакханалии пангерманского и панпольского шовинизма. Эти интернациональные рабочие центры являются особенно важными для польских неквалифицированных рабочих, которые в данное время в большинстве случаев находятся под влиянием националистической пропаганды, внушающей им ту мысль, что польский помещик и клерикальное правительство Польши спасут их от прусского помещика и прусского милитаризма. В то время, как польский

рабочий, живущий в Западной Пруссии и Северной Познани, стремится попасть из огня в поlying, интересно отметить, что его польские товарищи, живущие в занятых областях Познани и „конгрессной“ Польше, не питали никаких иллюзий относительно „демократического“ характера режима, установленного Падеревским в Варшаве. В Познани польская социал-демократическая партия, до сего времени находившаяся под влиянием националистов, пришла к соглашению с немецкими социал-демократическими группами, и теперь они совместно вырабатывают общую программу. Призыв запасных 1896, 1897 и 1898 годов вызвал взрыв недовольства среди польских рабочих в Познани. Мы имеем все основания думать, что среди польских рабочих этой части Польши, „освобожденной“ правительством Падеревского, революционное движение гораздо интенсивнее, чем в тех местностях, где рабочие находятся в ожидании этой „свободы“. В виду этого немецкие социалисты-интернационалисты Западной Пруссии и Северной Познани спокойно ждут присоединения этих местностей к „конгрессной“ Польше. Хотя они и признают, что при теперешнем немецком правительстве рабочим удалось добиться некоторых уступок и что в будущем они могут ждать от него гораздо большего, чем от Варшавского правительства, тем не менее немецкие интернационалисты чувствуют, что достигнутые экономические улучшения менее важны, чем та моральная победа, которую одержит революционное движение, если неквалифицированный польский рабочий освободится от гипноза шовинистических идей. Они уверены, что это случится скоро, если поляки Западной Пруссии и Северной Познани почувствуют на себе гнет Варшавской „шляхты“ и польского духовенства, как это случилось с их товарищами в Южной Познани.

Поэтому, несмотря на Польско-Германскую националистическую вакханалию, несмотря на угрозу войны между польскими реакционерами и прусскими юнкерами, которая должна решить вопрос, кто из них будет эксплуатировать наемных рабов, работающих в имениях Западной Пруссии, несмотря на империалистские планы борющегося за свое существование пангерманского и победоносного империализма Антанты, желающего завладеть важными в стратегическом отношении железными дорогами Восточной Пруссии, несмотря на все это — зерно интернационального социализма посеяно в этих областях, и недалек тот час, когда польский и прусский рабочий сбросят с себя гнет феодализма и рабства.

М. П. ПРАЙС.

„НАШ КРИЗИС“.

От редакции. Для характеристики настроений среди французских товарищей мы печатаем две попавших к нам статьи тов. Лорно и тов. Блана. Тов. Лорно хорошо известен нашим товарищам. Он — вождь французских коммунистов. Тов. Блан — один из участников Кинтальской конференции. Теперь он близок к коммунистам. Обе статьи написаны для легальной французской печати. Этим объясняются некоторые осторожные обороты в статьях (против „насилия“ и т. п.).

Я намеренно пользуюсь этим заголовком статьи гражданина Реподеля, появившейся на столбцах газеты L'Humanité, в номере от 22-го июля. Я заимствую его, несмотря на то, что в данной статье он имеет слишком ограниченный, слишком частный смысл. Наш кризис в действительности представляет лишь местное проявление общего кризиса, переживаемого всемирным социализмом. А в его

подлинных проявлениях сказывается лишь результат реакции, вызванной в определенной среде теми социальными явлениями, которые следовали одно за другим, не только начиная с 1914 г., но еще со времени раскола, происшедшего среди сторонников научного социализма. Те отклонения, которые эта доктрина претерпела во Франции еще задолго до войны, были одним из факторов кризиса, но самое происхождение его, его фазисы и разрешение, по существу, представляют собою явления международного порядка.

Как бы то ни было, мы действительно переживаем кризис. Он фактически существует, скажу даже более, — он усиливается несмотря на мир, несмотря на „печальную политику, внутреннюю и внешнюю, министерства Клемансо“, несмотря на близость выборов. И он будет усиливаться все больше, пока внутри партии не прекратятся делаемые одной из фракций попытки столкнуть социалистов с пути социализма.

Все согласны с тем, что единение во взглядах и действиях предпочтительнее теперешнего раскола, но для того, чтобы единство действительно было достигнуто, недостаточно одной формулировки этой аксиомы. Недостаточно даже сходиться на какой-либо нейтральной почве, прикрываясь теми незаконнорожденными компромиссами, с помощью которых в начале войны многие старались создать себе известные иллюзии; компромиссы эти, едва увидев свет, тотчас же прекращали свое существование. Чтобы найти выход из этого невыносимого положения, необходимо рассмотреть данный вопрос со всех точек зрения и в особенности постараться отстрелиться при выражении наших мыслей от всех словесных ухищрений, от всех политических уловок, злоупотребление которыми слишком долго отравляло своим ядом социалистическое сознание.

Но прежде всего следует придавать тем сложным вопросам, которые требуют нашего рассмотрения, лишь то значение, которое они имеют в действительности, а не создавать путаницу, соединяя в одно целое самую сущность социализма с подробностями его толкования и применения.

Уж во всяком случае не в том, что партия наша об'единится на общем усилии вытащить „программу действий“ из той ямы, в которой она очутилась к великому сокрушению Реноделя, не в этом откапывании трупа найдет она источник силы, точно также, как незаметное исчезновение этой программы бездействия не было и не будет для партии источником слабости.

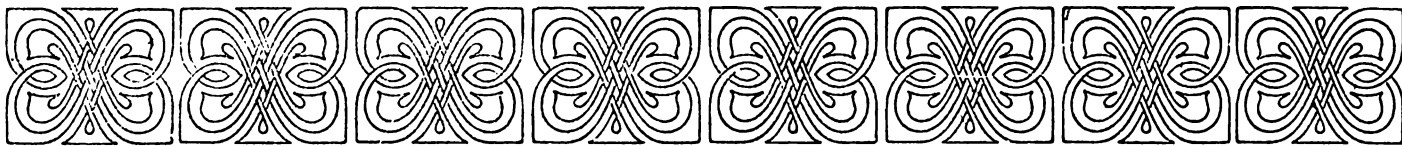
Так же мало имеет значения то обстоятельство, что Ренодель не отвергает термина „коммунист“ и соглашается признать, что положение вещей приняло революционный характер и что общее положение проясняется. Это признание и это согласие все же несколько не устраняют двусмысленности. Те, кто стремится к объединению, могут в этом искать базиса для общих действий, и все же партия будет носить в себе зародыш раскола и бессилия.

Мы расходимся в том, что составляет самую сущность социализма, и это-то расхождение и делает наш антагонизм непримиримым. Одни—и я в том числе—полагают, что события самым ярким образом оправдали теоретические и практические постулаты современного научного социализма. Мы полагаем, что Маркс и Энгельс,—довершая дело Фурье и Сен-Симона, несмотря на исчерпывающую критику капиталистического общества, предоставлявших Провидению найти средство против порожденного капитализмом порабощения рабочих,—доказали с гениальной ясностью не только то, что капитализм приведет к социальной дезорганизации и все усиливающемуся порабощению масс и что спасения надо искать в пролетариате, но и то, что для перехода от капиталистического строя к коммунистическому нет иного, пути, кроме революции и диктатуры пролетариата. Противники же наши стараются доказать спорность этих постулатов. Они полагают, что демократический строй уже существует, что революция не необходима, что на место классовой борьбы следовало бы поставить классовое соглашение, что социализму стоит только, по выражению Ренделя, „постучаться в дверь“ капиталистического здания, чтобы быть услышанным.

Между этими двумя, в самом корне противоположными взглядами, вносящими раскол не только во французский, но и во всемирный социализм, невозможно никакое соглашение. Во Франции, где эти течения открыто борются друг с другом в недрах пока еще единой партии, единство может быть достигнуто лишь путем окончательной победы одного из них,—победы, которая заставит элементы, несогласные с победившим течением и готовые продолжать борьбу, считаться с возможностью перенесения этой борьбы за пределы партии.

Напрасно, поддаваясь диалектическим ухищрениям, мы пытались бы образовать солидное большинство, объединенное случайными избирательными списками, рассчитывая на то, что широкие массы действуют под влиянием случайных условий момента в зависимости от меняющихся конъюнктур избирательной борьбы и от того, кто именно из их вождей входит в состав правительства. Это было бы в конце концов лишь новым звеном в старой цепи компромиссов, и этот новый компромисс так же скоро оказался бы несостоятельным, как и все предыдущие. Прежде, чем устанавливать какую бы то ни было программу действий, которая при теперешней недоговоренности неизбежно останется пустым звуком, партия должна определенно и решительно высказаться—стоит ли она за большевизм или она против большевизма, который есть не что иное, как действенный марксизм; другими словами, партия должна заявить,—признает ли она или отвергает революцию и переход всей полноты власти к пролетариату, признает ли она или отвергает диктатуру рабочих, стоит ли она за или против Третьего Интернационала.

Ф. ЛОРИО.

ДОВОЛЬНО КОЛЕБАНИЙ!

Полемика по поводу забастовки, объявленной Всеобщей Конфедерацией Труда, все еще не прекратилась. Правда, забастовка эта Конфедерацией была отменена, но, повидимому, мысль о ней не оставлена, и новое объявление ее лишь вопрос времени.

Эта перспектива дает врагам рабочего класса повод снова и снова метать громы против рабочих, которые, наконец, решаются позволить себе не выйти на работу. Раздаются призывы, требующие применения самых репрессивных мер по отношению к забастовщикам, хотя бы меры эти противоречили закону. А они, конечно, не могут не противоречить закону.

Выходит, что, если рабочему в один прекрасный день захочется отдохнуть, то он не имеет права бросить работу. А между тем есть люди, которые сами себе присвоили право ничего не делать и пользуются этим правом не один только день, а круглый год.

И эти-то праздные люди, эти-то бездельники, которые всегда чуждались всякого физического и умственного труда, эти-то лентяи осмеливаются негодовать и угрожать!

Это до того нелепо, что при мысли об этом невозможно удержаться от смеха! Они кричат о необходимости сажать в тюрьму тех, кто вздумает устроить всеобщую забастовку. Но в таком случае следовало бы прежде всего засадить в тюрьму этих паразитов, которые бастуют всю жизнь.

Но раз мы не трогаем их, то не мешало бы им иметь хоть настолько стыда, чтобы молчать. Уж им-то поднимать шум совсем не приходится!

Но можно-ли ожидать стыдливости от людей, которые в день „траурных поминок“ имели наглость плясать в память миллионов, павших жертвами войны?

Но для них однодневная, даже одночасовая всеобщая забастовка была и будет провозвестницей нового общественного порядка, который они называют беспорядком и при котором народ потребует от них отчета во всем, что они натворили.

Они подчеркивают свое безграничное презрение к рабочему и приходят в бешенство при одной только мысли о том, что рабочий может осмелиться потребовать того, что принадлежит ему по праву.

Чтобы отбить у него охоту к этому и запугать на тот случай, если их лицемерные советы и

упреки окажутся недостаточными, эти люди, которым выгоден буржуазный общественный строй, кричат об арестах и о предании суду.

Арестами и судами они думают решить социальный вопрос!

Только глупцы или безумцы, кретины или негодяи могут воображать, что эти угрозы могут испугать рабочий класс.

В известной части прессы они находят поддержку со стороны людей, готовых на все. Вот например, наш „известный журналист“—чудовищный, разжиревший выродок, для которого ругань представляет такой же естественный процесс, как пищеварение, хотя он ни на минуту не забывает благоразумно сохранять почтительное расстояние между палкой честного человека и своей слонообразной спиной.

В известной части прессы эти, способные на всякую гнусность, люди не только призывали руководящие сферы к энергичным действиям и репрессиям,—они пытались даже восстановить одну часть пролетариата против другой.

Готовившиеся демонстрации они осуждали за их политический характер. Но если бы эти демонстрации имели не политический, а чисто профессиональный характер, то их ненависть к ним была бы несколько не меньше, они взяли бы только другой прицел, изменив фразеологию своих нападок.

Но им не удастся посеять раздор в среде трудящихся, которые требуют не только права на жизнь, но и прав политических. Трудящийся класс требует себе свободы и справедливости во Франции, которая называет себя страной справедливости и свободы. И логика и чувство всякого непредубежденного человека должны быть на его стороне.

Но наши правители отказывают ему в справедливости и свободе, и представители народа до сих пор продолжают поддерживать в этом правительство. Что же остается делать рабочему классу?

А вот что: не прибегая к насилиям и сохраняя полную независимость своих организаций, рабочий класс должен открыто выразить свои чувства и решительно заявить о своей воле. Он не выйдет при этом из границ своей общественной роли, не превысит своих прав. Было-бы ошибкой с его стороны продолжать колебаться. Он и не будет колебаться!

Александр БЛАН.

ЗА ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ*).

Более интересны те возражения, которые делаются противниками вступления в III Интернационал. Прежде всего, они указывают, что в Швейцарии экономические и политические условия иные, чем в России и Венгрии, при чем особенно подчеркивают то, что у нас революционный период еще не наступил. Мы де не могли бы сдержать данных обещаний, не могли бы жить согласно положениям и заповедям III Интернационала. Однако, всякий, кто сознательно относится к тому, что он читает, должен понять—даже если бы это не было специально оговорено—что руководящие положения III Интернационала могут быть обязательны только для тех стран, в которых революционная эпоха уже началась и продолжает развиваться. Если же, как утверждают многие товарищи, у нас этого условия еще нет на лицо, то самый факт вступления ничуть не свяжет нас по рукам; он не может принуждать и обязывать нас к тому, что противоречит положению дел у нас. Да и никакая иностранная партия, входящая в состав III Интернационала, не станет нас принуждать и обязывать к этому, так как швейцарский пролетариат вообще не призван играть решающую роль в борьбе с империализмом. Мы, однако, того мнения, что период революции наступил уже и в Швейцарии и что он развивается у нас на глазах. Мы вступили в период массовых выступлений рабочего класса. Рабочий класс Швейцарии все решительнее стремится к проявлению всей своей энергии в ряде массовых выступлений. А буржуазия изо всех сил старается вызвать пролетариат на открытое столкновение с буржуазным государственным аппаратом, т. е. с войсками. Из этого, конечно, не следует, что мы уже вступили в заключительный фазис, что мы накануне окончательной схватки с буржуазным государством. Но наше движение уже развивается в направлении Третьего Интернационала, и мы можем поэтому направлять нашу деятельность согласно его основным положениям.

Другое возражение заключается в том, что III Интернационал еще совсем не интернационален, что это нечто половинчатое, обнимающее только отсталые, земледельческие страны, а не те промышленные области, которым предстоит сыграть решающую роль. Довод этот вполне правилен, но он говорит не против вступления, а за него. Интересы всего мирового пролетариата требуют именно того, чтобы страны с имеющими решающее значение промышленными районами также возможно скорее примкнули к III Интернационалу. А этому мы можем содействовать, не оставаясь в стороне или откладывая принятие определенного решения, а только ускорив наше собственное присоединение. Возьмем пример с Италии, последуем за ней.

Утверждают, что вступление в III Интернационал обязывает к отказу от парламентской борьбы.

Газета „Tagwacht“ утверждает даже, что платформа III Интернационала требует такого отказа. Это фактически совершенно неверно. Парламентаризм в этой платформе еще признается, как средство борьбы,—правда, с тем ограничением, что он должен быть использован в революционном духе, для усиления боевой энергии масс. Но ведь и мы теперь иначе не представляем себе роли парламентаризма. Коммунистический Интернационал в этом отношении терпимее наших швейцарских сверхкоммунистов, терпимее наших „Молодых“, отвергающих учреждение, которое еще может быть использовано нами, как средство борьбы.

Вступление в III Интернационал ведет к расколу партии—заявляют многие. Такого рода опасение высказывалось всякий раз, когда партии приходилось принимать решение по особенно важным вопросам. Оно выдвигалось в качестве аргумента, когда съезд партии высказался против предложения Президиума по поводу Циммервальда. Оно было пущено в ход в качестве угрозы и для оказания давления при решении нами военного вопроса, и этим расколом партии нам неизменно угрожают во всех подобных же положениях. Нас этот страшный призрак не пугает. Связь, заключающаяся в общности наших интересов, слишком крепка, чтобы порваться при решении подобных вопросов. Остановимся еще на некоторых подробностях из истории борьбы за присоединение к Циммервальду. Те товарищи, которые тогда боролись за тщательное соблюдение международной солидарности, которые спорили ожесточеннее других, те, что начали движение, которое мы считаем своею обязанностью продолжать,—теперь отчасти высказываются против вступления, отчасти проповедуют выжидание. Тогда они составляли в партии толкающее вперед оппозиционное меньшинство, теперь к ним перешла руководящая роль. Тогда они провозгласили лозунг: „Сторонников выжидания все усиливающаяся оппозиция должна принудить или к отказу от той политики, которую они проповедовали до сих пор, или к выходу из партии“. Ныне-же они восклицают: „Вступление в III Интернационал не такое уж спешное дело, чтобы надо было совершить его непременно теперь-же. Сначала нужно заручиться гарантиями, мы примкнем к нему тогда, когда вся обстановка станет яснее и т. д.“.

*) Первая часть статьи т. Мюнха до нас не дошла. Печатаем вторую ее часть—так как она представляет собой самостоятельное целое.

Замечание тов. Мюнха, направленное против некоторой части швейцарских коммунистов, мы оставляем на ответственности автора.

Редакция.

Винтертурские товарищи стали на ту точку зрения, что нам следует раньше пересмотреть нашу партийную программу и только после этого принять решение. На первый взгляд этот путь представляется единственно правильным. Он и в самом деле был бы правилен, если бы мы жили в спокойное время и если бы мы были одни. Но теперь кипит борьба, и борьба эта вращается около вопроса — должен ли пролетариат по-прежнему продолжать служить своему исконному врагу, служить капиталистам или же он должен встать на борьбу за свои собственные интересы? Пересмотр партийной программы закончится не раньше осени 1920 г., если не позже. Социал-патриоты — и наши в том числе — работают во всю, стараясь сохранить свое влияние среди поддерживающей их еще части рабочего класса и воспользоваться этим влиянием для того, чтобы предать интересы рабочего класса. Вопреки всем недвусмысленным резолюциям наших съездов они пропагандируют обратное вступление во второй Интернационал, а там, где эта пропаганда оказывается безуспешной, поддерживают предложения об отсрочке решения. Кто в настоящее время борется против немедленного решения о присоединении к III Интернационалу, кто стоит за отсрочку этого решения, тот сознательно или бессознательно поддерживает социал-патриотов.

На совещании партийного президиума товарищ Рейнгард внес предложение, чтобы и наша партия, отложив пока вопрос о присоединении, взяла на себя инициативу созыва нового съезда представителей революционных партий всех стран, а не одних только коммунистических государств. На этом новом съезде, согласно его предложению, и должна быть, на основе руководящих положений III Интернационала, установлена такая платформа, которая сделала бы возможным вступление в III Интернационал для всех революционных партий. Мы вполне признаем благое намерение автора этого предложения. Тем не менее в настоящий момент такого рода предложение является лишь попыткой уклониться от решения, закрыть глаза на истинное положение вещей, и по поводу него мы можем повторить то же, что мы сказали о предложении Винтертурцев.

Почему мы рекомендуем вступление в III Интернационал?

Мы считаем своим долгом продолжать одобренную четырьмя партийными съездами политику международной солидарности и засвидетельствовать эту солидарность и на деле. Отказ от вступления или отсрочка решения означают уклонение от той линии поведения, которой мы придерживались до сих пор, уклонение вправо, в сторону социал-патриотов. Мы признаем себя сторонниками III Интернационала, ибо мы убеждены в необхо-

димости, в жизненной силе и конечном полном торжестве всемирной революции. Наше вступление в III Интернационал должно открыть глаза тем рабочим, которые пока еще следуют за социал-патриотами: они увидят тогда, по какому ложному пути они идут, и это заставит их стать в ряды революционного пролетариата. Мы рекомендуем вступление, чтобы оказать поддержку нашим русским товарищам, чтобы укрепить и поднять мужество революционных партий и партийных групп в Германии, Франции, Англии, Америке и других странах. Мы рекомендуем немедленное вступление даже в том случае, если бы оно могло служить лишь простым выражением симпатии, уже по одному тому, что именно теперь коммунисты всех стран подвергаются особенным гонениям и угрозам и особенно нуждаются в нашей поддержке. Руководящие положения III Интернационала целиком являются и нашими собственными, так как мы хотим устранить в Швейцарии диктатуру буржуазного меньшинства и установить господство всех трудящихся. Закабалению рабочего класса Швейцарии надсмотрщиками капитала необходимо положить конец, и для этого мы берем за образец большевиков Рютли.

При решении вопросов, имеющих для нас важное значение, нам не следует поддаваться влиянию буржуазии, но ее отношение к этим вопросам может служить для нас некоторым компасом для проверки правильности нашего курса. Каждый раз, когда буржуазная пресса хвалила наш образ действий, оказывалось, что мы ставили ее интересы выше наших, а когда она ругает нас, то мы можем быть уверены, что идем по верному пути. Что же показывает этот барометр в настоящее время? Буржуазия с напряженным и тревожным интересом следит за нашими разногласиями по поводу вступления в III Интернационал. Молодые свободомыслящие вынесли даже резолюцию против нашего вступления. И стоит только какой-нибудь секции партии высказаться против вступления, как вся буржуазная пресса начинает трубить об этом, как о факте, характеризующем общее настроение партии, тогда как о резолюциях в пользу вступления обыкновенно появляются лишь краткие заметки в двух-трех газетах. Буржуазная пресса перепечатывает многие статьи партийной прессы, написанные против вступления, и расхваливает „старых благоразумных вождей, оберегающих партию от глупостей“. Подобный образ действий наших противников очень показателен.

Будем же помнить о международной солидарности, которую мы так тщательно соблюдали до сих пор, и будемте все стоять за вступление в III Интернационал!

Евгений МЮНХ.

(Берн).

ОЧЕРКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ.

Профессиональное движение в России, рожденное революцией 1905 г. и временно задушенное ударами реакции 1908—10 г.г., снова начало развиваться в 1911—14 г.г. и снова было разгромлено военно-патриотической реакцией 1914—16 г., сохранив к периоду 2-й революции, т. е. к марту 1917 года, лишь кое-где слабые ростки, в лице наиболее политически „благонамеренных“ союзов, насчитывавших в своих рядах десятки, в лучшем случае сотни членов.

Родившись в период „бури и натиска“, в стране совершенно незнакомой с общественной жизнью и в среде пролетариата, не привыкшего ни к организации и самостоятельности, ни к организационной дисциплине, профессиональное движение периода 1905—7 г. не могло ставить перед собой широких организационных планов, и главной задачей его было втянуть наиболее широкие массы пролетариата в организацию и приучить их к организационной дисциплине и самостоятельности, противопоставляя натиску капитала и реакции организованную в союзы массу. Но слишком бурно шла политическая жизнь, слишком задушен был русский рабочий, и поэтому союзы этого периода охватывали лишь самое незначительное количество рабочих, ограничиваясь квалифицированными и наиболее сознательными верхушками пролетариата.

Тем не менее, союзы являлись все же организующими центрами, к голосу которых чутко прислушивалась неорганизованная рабочая масса. Не охватывая организационно широких слоев рабочих, союзы в то же время являлись центрами, вокруг которых сплачивались массы, особенно в периоды экономических конфликтов. Надвигавшаяся реакция ставила в порядок дня новые вопросы — защиту экономических завоеваний 1905 г. и самосохранение самих организаций. О каком-либо планомерном развитии организаций и разрывании союзного аппарата в обстановке непрерывных полицейских набегов и репрессий, конечно, не могло быть и речи.

Союзы носили исключительно локальный характер, при чрезвычайной организационной пестроте. Союзы строились в большинстве случаев по профессиям, хотя уже возникали зародыши строительства по производству, главным образом в наиболее передовых слоях пролетариата (союз рабочих металлистов, союз печатников и т. д.), но самый принцип строительства еще недостаточно отчетливо вырисовывался даже в сознании руководителей, так, напр., на данной стадии профессионального строительства, союзы, объединяя всех рабочих данной отрасли промышленности, включали в себя и родственные профессии из других отраслей производства. Так, союз металлистов принимал в

свой состав не только рабочих, занятых в металлообрабатывающей промышленности, но и всех других металлистов, независимо от того, в какой отрасли производства работало данное лицо.

Членские взносы этого периода также поражают своей пестротой: одновременно в различных союзах существуют три вида взносов: процентный, фиксированный единообразный и поразрядный.

Но условия экономической борьбы настоятельно требовали объединения родственных союзов в областном и всероссийском масштабе и создания межсоюзных объединений местного и всероссийского характера, как для координирования экономической борьбы, так, равно, и для разрешения общих вопросов профессионального движения. I и II конференция были наиболее грандиозными, для того времени, попытками к такого рода объединению, но суровые репрессии самодержавия оборвали не только возникавшие, было, межсоюзные связи, но задавили и само движение.

Не в лучших условиях существовали и союзы, возникшие в период 11—14 года. Кратковременное существование их было полно тревог и потрясений: аресты руководителей, обыски, закрытие союзов и т. п. сыпались на союзы, как из рога изобилия. Но несмотря на эти каторжные условия работы, союзы цепко хватались за всякую возможность легального существования, иногда, впрочем, переходя на полулегальное или вовсе нелегальное положение.

Таким образом, к началу февральской революции в нескольких городах уцелело около десятка союзов, исчислявших своих членов десятками человек.

Но еще не успел затихнуть шум уличных схваток, как один за другим стали возникать новые рабочие союзы. Первыми приступили к организации рабочие фабрично-заводской промышленности. В редких случаях из остатков старого союза, насчитывавшего несколько десятков членов, а чаще всего просто из ничего, в несколько дней создавался союз, течение месяца вырастая в организацию, включающую в себя тысячи и десятки тысяч членов.

„Чуть не с первого дня революции московские металлисты принялись за организацию своего союза. В маленькой комнатке одного из старых работников-металлистов началась запись в члены союза. Скоро уже можно было собрать учредительное собрание союза, которое состоялось 29 марта. На этом собрании была избрана организационная комиссия: членов в союзе уже было 16.423“ — так описывает возникновение московского союза металлистов его бывший секретарь и один из основателей, В. Полонский в № 5 „Московского Металлиста“

(от 15 ноября 1917 г.). Эта бесхитростная история есть, с небольшими изменениями, также история возникновения большинства российских союзов в период февральской революции.

Стихийное возникновение и быстрое развитие союза в ширину — таковы характерные явления этого периода. С первых же дней своего рождения союзам приходится брать на себя руководство разрозненной экономической борьбой и приступать к разрешению и посредничеству в целой волне конфликтов между рабочими и предпринимателями. Спешно, по военному, разворачивается союзный аппарат: строятся бюро труда (регистрация безработных), конфликтные отделы, комиссии и секции по разработке тарифов; в крупнейших отраслях промышленности открываются отделы, организуются фабрично-заводские комитеты на фабриках и заводах. При таких условиях, говорить о стройности союзного аппарата, его организационной устойчивости, принципиальной выдержанности союзной тактики и дисциплины, конечно, не приходится. Творится элементарная, черновая работа по созданию фундамента движения, при том без общей связи, без плана и руководства.

В организационном отношении наблюдается то же смешение принципов строения по профессиям и по производству, которое мы видели и в предшествующие периоды; однако, с более сознательным уклоном в сторону строения по производству.

В местном масштабе союзы связываются между собой Центральными Бюро, носящими почти исключительно информационный характер и координирующими деятельность союзов главным образом в вопросах общих политических выступлений. Сами эти бюро носят самый разнообразный характер построения, избираются по самым различным принципам (равное представительство союзов, независимо от численности, представительство по принципу обратной прогрессии и т. п.), без определенных бюджетов, со случайными средствами, большей частью состоявшими из субсидий (Московское бюро получало субсидию от С. Р. Депутат.), сборов, пожертвований; членские взносы в союзы почти отсутствуют, и даже там, где они существуют, они весьма низки и нерегулярны.

Главные задачи, которые должны были бы выполнять эти межсоюзные объединения: выработка общих инструкций, исследование экономического положения, содействие союзам в экономической борьбе, организация новых союзов и т. д. — в значительной мере выполняются параллельными органами — Отделами Труда при местных Советах Раб. и Солд. Депутатов, которые наряду со всеми этими функциями принимают на себя руководство отдельными стачками, посредничество при конфликтах, организацию примирительных камер и третейских судов и т. п.

Вся эта пестрота организационных форм и взаимоотношений, конечно, не могла способствовать ни развитию отчетливого представления о необходимых здоровых организационных формах, ни стройности и устойчивости самих союзов. Лишь в июне месяце начинают завязываться сношения родственных союзов между собой, созываются первые областные конференции. За отсутствием всероссийских и областных объединений руководя-

щую роль берут на себя союзы Петрограда, Москвы и др. промышленных центров, распространяя свое идейное влияние на провинцию и постепенно устанавливая связь путем анкет, обмена материалами, переписки и в редких случаях посредством посылки представителей.

Июльский смотр на III конференции профессиональных союзов дал внушительную картину развития профессионального движения, представленного 967 союзами и 51 бюро с общим количеством всех членов в 1.475.429 человек.

Но эта внушительная цифра, свидетельствовавшая о мощном росте нашего профессионального движения, вместе с тем свидетельствовала и о его слабости, т. е. о рыхлости и неоформленности организации, ибо, при чрезвычайном росте в ширину, за три месяца своего существования союзы не могли сколько-нибудь удовлетворительно поставить свои аппараты и организации. Количество членов за этот период исчисляется не по членским взносам, а по книгам записей.

Лишь на I съезде проф. союзов впервые вводятся правильное понятие о членстве и признание членами лишь „платящих“. Перед III конференцией было слишком много сырого материала, который, при наличии всего трехмесячного опыта, не мог быть суммирован в обстановке напряженной политической борьбы, разрозненного стачечного движения и совершенно неоформившихся союзных взаимоотношений. Горячая борьба двух основных течений в рабочем движении данного периода — борьба между господствующим большинством из меньшевиков и эсеров, с одной стороны, и большевиками, представлявшими уже мощную оппозицию, с другой, — отодвигала на второй план некоторые, наиболее насущные вопросы экономического движения, выдвигая на первый план основные вопросы злободневной политики. И III конференция явилась первым показателем начавшегося в то время великого отхода пролетариата от политики соглашательства и от мелкобуржуазных социалистов: в то время, как в Советах безусловное большинство было за социалистами „коалиции“, когда на съезде советов большевики были представлены едва 1/5 числа делегатов, на III конференции профессиональных союзов создался неустойчивый паритет. Резолюции III конференции и состав временного В. Ц. С. П. С. довольно отчетливо отразили неопределенность большинства конференции. Декларативность резолюций и отвлеченность общих принципиальных положений свидетельствовали о недостатке опыта движения и некоторой оторванности от той практической работы в выдвигаемых ею вопросах, которая творилась на местах.

Не останавливаясь сейчас на сущности идейных разногласий *) в нашем проф. движении по основным вопросам классовой политики, я нахожу все же, что следует признать в области профессионального движения за этой конференцией две основных практических заслуги: создание первого общепрофессионального центра и провозглашение принципа строения союзов по производству.

Принцип концентрации профессионального движения, робко, путанно и в отрицательной форме

*) Этому вопросу я предполагаю посвятить особую статью. М. Т.

Лишь после октябрьской революции, с уничтожением чинов, орденов и прочих классовых перегородок, ставивших государственных служащих в особое положение, и с введением республикан-

Но в обстановке чрезвычайно напряженной классовой борьбы, принявшей форму непрерывной гражданской войны с помещиками и капиталистами, поддерживаемыми западно-европейскими империалистами, войны, в которой профессиональные союзы принимали самое активное участие, развитие Советов союзов в значительной степени шло помимо непосредственного влияния общероссийского центра, внимание которого сосредоточивалось главным образом на Всероссийских Союзах и ограничивалось лишь сравнительно редким инструктированием путем обмена. Поэтому резолюция об организационном вопросу, как III Конференции, так и I-го Всероссийского Съезда. Профессиональных Союзов, лишь весьма глухо говорят о Советах Союзов; лишь II Всеросс. Съезд (январь 19 г.) дал определение задач и принципов строения Советов. Правда, резолюция I-го Съезда поручила местным советам профессиональных союзов „сделать все возможное, чтобы смежные профессиональные организации слились в один производственный союз“, и этим расширяла и права и функции Советов, предопределяя их роль в качестве местных руководящих органов профессионального движения, но вопрос о строении самих Советов оставался открытым вплоть до II съезда.

Сопоставляя цифры III конференции, I и II съездов союзов, мы видим, какое место заняли Советы Союзов в профессиональном движении.

На III конф. было представлено 51 Центральное Бюро (позже переименованы в Сов. Проф. Союзов).

На I Съезде проф. союзов—48 Сов. Проф. Союз.

„ II „ „ „ —82 „ „ „ „

Сокращение количества на I съезде, по сравнению с III конференцией, объясняется тем обстоятельством, что нормы представительства на Съезде были значительно выше норм III конференции, что подтверждается цифрами, говорящими о числе членов объединяемых Бюро и Советами:

III конф.—51 Бюро 1.120.819 членов

I съезд —48 Сов. Пр. Союз. 1.878.000 „

— 3 + 757.181 член.

Процесс создания общепрофессионального объединения мог получить свое законченное выра-

жение лишь на II съезде профес. союзов, определившим в отчетливых штрихах резолюции по организационному вопросу общие контуры централизации движения, как в вертикальном, так и в горизонтальном сечении, определив роль и функции Губернских Советов Профессиональных Союзов и подчинив им Уездные (Бюро) на правах филиальных отделений с ограниченной автономией.

Результатом этого было систематическое проведение принципа строения союзов по производству, как в центре, путем слияния всероссийских центров и созыва объединительных конференций параллельных и родственных союзов, так, равно, и на местах, путем объединения отделов Всеросс. Союзов и локальных, при энергичном содействии местных советов, явившихся вполне дисциплинированными отделами В. Центр. Совета Проф. Союзов на местах, работающими по его плану и инструкциям, а дело производственного строительства от I съезда до настоящего момента вырисовывается так, как показывает следующий сравнительный список местных и Всероссийских Союзов.

Таблица I.

СПИСОК ПЕТРОГРАДСКИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ **).

До слияния (конец 17, начало 18 г.).

- 1) Союз металлистов.
- 2) Кочегаров.
- 3) Литейщиков.
- 4) Сварщиков и огнерезов.
- 5) Модельщиков.
- 6) Золото-серебрянников.
- 7) Часовщиков.
- 8) Электриков.
- 9) Машинистов.
- 10) Тракторщиков.
- 11) Текстильщиков.
- 12) Химиков.
- 13) Парфюмеров.
- 14) Кожевников.
- 15) Союз рабочих печатного дела.
- 16) Архитектурно-строительных рабочих.
- 17) Мраморщиков и цементчиков.
- 18) Строительных десятников.
- 19) Водопроводчиков и отопленцев.
- 20) Зодчих.
- 21) Деревообделочников.
- 22) Городских служащих и рабочих.
- 23) Служащих в аптеках (бывш. союз фармацевтов).
- 24) Рабочих по выработке мучных изделий.
- 25) Рабочих мясопроизводства.
- 26) Шоколадных фабрик и конфектных мастерских.
- 27) Квасников.
- 28) Легковых и ломовых извозчиков.
- 29) Каталей и кладчиков.
- 30) Грузчиков.
- 31) Шофферов и автомобильн. техн.
- 32) Экипажников.
- 33) Младших служащ. в лечебн. заведен.
- 34) Фельдшеров, фельдшерниц и акушеров.
- 35) Среднего медицинского персонала.
- 36) Зубных техников.
- 37) Дворников.
- 38) Дворников и швейцаров.
- 39) Прислуги.

После слияния (в настоящее время — август 1919 г.).

- *1) Металлистов с секциями: Отдел Всер. Союза Рабоч. Металлистов.
- 2) Текстильщиков с секцией служащих (Отдел Всерос. союза).
- *3) Химиков с секциями: а) резинщиков, б) парфюмеров, в) спичечников.
- *4) Кожевников.
- *5) Союз рабочих печатного дела.
- *6) Строительных рабочих с секциями: а) десятников, б) водопроводчиков, в) зодчих, г) деревообделочников.
- *7) Деревообделочников.
- *8) Муниципальных служащих и рабочих.
- *9) Служащих в аптеках.
- *10) Пищевиков с секциями: а) булочников, б) конфектников, в) мясников, г) квасников, д) мукомолов, е) макаронщиков, ж) служащих.
- 11) Транспортных рабочих с секциями: а) грузчиков, б) возчиков, в) шофферов, г) экипажников, д) каталей; имеет областные объединения. Создание Всер. союза последует на съезде окт. 1919 г.
- *12) Работников лечебных и санитарных учреждений с соответствующими секциями.
- *13) Домовых служащих с соответствующими секциями: а) дворников, б) швейцаров, и в) домашней присл.

**) Союзы, отмеченные звездочками, имеют свои всероссийские объединения и являются лишь отделами таковых.

До слияния (конец 17, начало 18 г.).

- 40) Торгово-промышленных служащих.
- 41) Служащ. и раб. аптекар. магазинов, парфюмер. фабр. и лабор. и т. п. предприятий и мыловаренных заводов.
- 42) Служащих фабрично-завод. предприятий.
- 43) Служащих лесопильных предпр.
- 44) Служащих в транспортн., страховых и экспедиционных конторах.
- 45) Коммерческих служащих.
- 46) Рабочих иглы.
- 47) Команд паровых и непаровых судов.
- 48) Служащих транспортного промысла.
- 49) Поваров.
- 50) Писчебумажного производства.
- 51) Картонажников.
- 52) Табачников.
- 53) Стеклольно-фарфоро-фаянсов. произв.
- 54) Железнодорожн. рабочих мастер. и депо.
- 55) Петр. Исп. Ком. Почтово-тел. Союз.
- 56) Баныщников.
- 57) Прачек.
- 58) Парикмахеров.
- 59) Фотографов (работников).
- 60) Кладбищенских и церковных служащих.
- 61) Садовников.
- 62) Рабочих театрального дела.
- 63) Союз работн. Кредитных учреждений.
- 64) Служащ. Сберегат. Касс.
- 65) Служащ. Казначейства.
- 66) Учителей.

После слияния (в настоящее время—август 1919 г.).

- *14) Торгово-промышл. служ. и служ. Совет. и обществ. учрежд. с соответств. секциями.
Служащ. в аптекарских магазинах. отошли к торгово-пром. служ., ост. к химик.
Раскассирован по соответствующ. союзам.
Отошли частью к торгово-пром. служ., частью к деревообдел.
- *15) Рабочих иглы.
- *16) Работников водного транспорта.
- *17) Рабочих ц. общественного питания.
18) Без изменений.
Вошли в союз печатников.
- *19) Без изменений.
- *20) Тоже.
- *21) Отдел В. С. Железнодорожн. (объединил 9 союзов железнодорожн.).
- *22) Союз Работников Народной связи.
Петрогр. союз Народной Гигиены.
- 23) Тоже.
Вошли в союз печатников.
Вошли в союз домов. служащ.
- *24) Работников земли.
- *25) Союз работников Искусств (объединил оркестрантов, хористов, актеров, работников сцены и арены, союз раб. изобразительных искусств и т. д.).
- *26) Отд. Всер. Союза „Трудбанк“ (объединил 5 союзов).
- *27) Работников просвещения и культуры.
- *28) Лесоводов (новообразованн., вошли союзы: лесничих, таксаторов, стража и т. д.).
- 29) Союз рыбаков (новообразованный).
- *30) Работников финансово-налогового дела („Всепопрофинанс“—образован из союзов служащих: акциза, таможи, податных инспекторов, помощников податных инспекторов, контроля.
- 31) Союз цементщиков (накануне слияния со строител.).
- *32) Токарных (образ. в 1918 г.).

Примечание. В основу этого списка легла таблица В. Шмидта, дополненная последними данными. Количество союзов того периода было несомненно более значительно, ибо в таблицу не вошел целый ряд мелких союзов служащих и работников свободных профессий.

Вновь образовавшиеся союзы, кроме того, поглотили целый ряд союзов, возникших в 18 году.

Эта таблица работ по перестройке союзов на принципе объединения по производству, проделанных Петроградским Советом Проф. Союзов, является типичной и верной для выяснения всей работы по объединению союзов мелких, построенных по профессиональным, цеховым, а порой и кастовым признакам, в союзы, построенные по принципу объединения по производстам. Эта работа требовала чрезвычайной энергии и упорства в преодолении цеховых предрассудков отдельных групп и антагонизма, который существовал между рабочими и служащими. Аналогичная работа проделана всеми губернскими советами профессиональных союзов. Разница лишь в масштабе работы, т. е. в

количестве союзов и в их размерах, причем работа Московского Совета Проф. Союзов явилась даже более сложной, чем в Петрограде, ибо одних союзов служащих (Москва—торговый центр) существовало в Москве около двух десятков, общее же количество союзов достигало 119. Но эта работа могла осуществляться успешно, лишь будучи объединяема и координирована центром и при условии одновременной аналогичной работы по созданию Всероссийских Союзов и их слиянию с родственными организациями. Эта работа иллюстрируется следующей сравнительной таблицей всероссийских объединений.

Таблица IIa.

Всероссийск. Об'единения, существовавш.
к 1 с'езду Професс. Союз. (январь 1918 г.)

Название об'единения.

- 1) Всеросс. Союз Рабочих Металл.
- 2) " Комитет Рабоч. Артиллерийск. заводов.
- 3) " " завод. и портов. морск. ведомства.
- 4) Всеросс. союз текстильщиков.
- 5) " " "Игла".
- 6) " " "кожевников.
- 7) " " моряков и речников.
- 8) " " стекла и фарфора.
- 9) " " писчебумажников.
- 10) В. П. С. химиков.
- 11) В. Почтово-Телеграфн. Союз (Потель).
- 12) В. С. Трудящ. в сахарн. промышл.
- 13) В. С. Раб. Печатного Дела.
- 14) В. П. С. служащих в аптеках.
- 15) В. С. служащ. Государств. Банка.
- 16) В. П. С. служащ. в кредитн. учрежден.
- 17) Организ. Ком. по об'единению проф. союз. конторск. и промышленн. служащ.
- 18) В. С. служащ. в биржевых артелях.
- 19) В. С. П. С. торгово-промышленных служ.
- 20) В. С. фельдшеров.
- 21) В. С. сестер-милосердия.
- 22) В. С. пицеевиков.
- 23) В. С. пожарных.
- 24) В. С. служащих нефтяной промышленн. с транспортными, подсобными и примыкающими предприятиями.
- 25) В. С. техников всех специальностей.
- 26) В. С. инженеров и техников по путям сообщения.
- 27) Секция мастеров. и рабоч. железнодорожников.
- 28) В. С. Железнодорожников.

Примечание. Это об'единение целого ряда железнодорожных союзов, носящих характер в большей степени политической организации с административными функциями (Виктель, Вижедор), принявшее затем форму федеративного об'единения проф. союзов (Всофпрофжель). Вошел в общепрофессиональное об'единение лишь в середине 18 года. В феврале 19 на Всер. с'езде Железнодорожн. Союзов реорганизован во Всер. Проф. Союз Железнодорожн. по общему типу (Ценпрофсоюз).

При беглом взгляде на эти таблицы видно, что существующие 28 об'единений целиком поглощены 18 ныне существующими Всеросс. Проф. Союдами, при том общее число Всеросс. Проф. союзов достигает 33, но подлежит, несмотря на развитие движения в сторону создания Всероссийских союзных об'единений, дальнейшему сокращению, ввиду организации общероссийских професс. центров. Сжато суммируя организационное строительство последнего периода нашего профессионального движения, можно определить его направление

Всеросс. Союзы, входящие во Всеросс.
Центр. Сов. Проф. Союз. (Август 1919 г.).

Адрес: Москва, „Дом Советов“.

Название союза.

- 1) Всеросс. Союз Металл.
Отошли к металлистам.
 - 2) Всеросс. Союз Текстильщиков.
 - 3) " " "Игла".
 - 4) " " "кожевников.
 - 5) " " работн. водн. транспорта (Цехвод.).
 - 6) " " стекла и фарфора.
 - 7) " " писчебумажников.
 - 8) В. С. химиков.
 - 9) В. С. Народной связи (Потель).
 - 10) Тоже.
 - 11) В. С. Раб. Полиграф. Производства.
 - 12) В. С. раб. и служ. в аптеках.
 - 13) В. П. С. Работн. Кредитн. Дела (Трудбанк).
 - 14) Всер. С. служащ. в сов. и торг.-пром. учреждениях.
 - 15) Всер. союз работников лечебно-санитарн. учреждений.
 - 16) Тоже.
 - 17) Тоже.
- Раскассирован. к химикам, служащим, раб. водного транспорта и пр.
Раскассирован. по союзам соответствующих производств.

Таблица IIб.

- 18) Всер. Проф. союз железнодорожн. („Цекпрофсоюз“).
- 19) В. С. строителей
- 20) В. С. цементников
- 21) В. С. деревообделочников
- 22) В. С. работников народного питания.
- 23) В. С. раб. налогово-финансового дела (близок к об'единен. с Банктрудом).
- 24) В. С. табачников.
- 25) В. С. работников искусств.
- 26) В. С. работн. земли.
- 27) В. С. парикмахеров.
- 28) В. С. Домовых служащих.
- 29) В. С. Муниципальн. рабочих (подлежит раскассиров.).
- 30) В. С. Лесоводов (близок к об'единен. с союз. земли).
- 31) В. С. работн. социалист. культуры и просвещения.

Областные.

- 32) Обл. Союз горнораб. (накануне об'единения с Всер. союз. металл.).
- 33) Орг. Бюро по созыву Всер. с'езда транспортных рабочих (с'езд назначен на октябрь 1919 г.).

по следующим линиям: 1) от союзов, построенных по цеховым, ремесленным, ведомственным и т. п. признакам, к построению по отраслям промышленности, производства и отдельных отраслей народного хозяйства, вплоть до слияния в общий союз родственных отраслей производства; 2) от разрозненных локальных союзов, через областные об'единения, к созданию общенациональных союзов; 3) от полной автономии и самостоятельности через федерацию к централизованному общенациональному союзу с единой кассой и руководящим центром.

II Всероссийский съезд профессиональных союзов (январь 1919 г.) имел перед собой уже достаточно накопившийся материал и опыт почти двухлетнего широкого профессионального движения, при чем из этих 2 лет около 1½ года протекало в обстановке диктатуры пролетариата, определившей новые его задачи и давшей самому движению новые формы и новое направление, поэтому съезд этот в нашем движении имеет особо выдающееся значение, как благодаря деловому характеру работ, так и вследствие отчетливости формулировки всех практических вопросов, стоящих перед нашим профессиональным движением.

II Съезд не обошел ни одного спорного вопроса, волновавшего практиков движения, и с

полной определенностью признал необходимым условием дальнейшего развития и углубления проф. движения единство построения, строжайшую дисциплину, централизацию союзных организаций.

Уже в настоящий момент, через полгода после второго съезда проф. союзов, утвержденная им схема организационного строительства, несмотря на тяжесть условий, переживаемых профессиональными союзами вместе со всей Советской Россией, в главной своей части и в большинстве местностей осуществлена.

(Продолжение следует).

М. ТОМСКИЙ.

(Председатель Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов).

„СУББОТНИКИ“.

На днях Петербургский Комитет Р. К. П. постановил, что оплата за работу на субботниках должна вноситься в Исполнительный Комитет III-го Интернационала — на специальный фонд помощи братским коммунистическим партиям в Европе и Америке и, в частности, для поддержки коммунистов, томящихся в тюрьмах Германии, Англии, Франции и т. д.

Каждый участник субботника, таким образом, кроме обычных обязанностей коммуниста, выполняет еще и долг международной солидарности.

Петербургский Комитет обратился к коммунистам других городов с предложением, провести это решение и у себя.

Что же такое — „субботники“?

Для того, чтобы получить ответ на этот вопрос, достаточно выйти на улицу Москвы или Петрограда в субботу в 4—5 часов вечера. Стройные колонны работников и работниц-коммунистов, с пением революционных песен, направляются в заранее указанные пункты, где они до позднего вечера разгружают вагоны, пилят дрова и производят другие необходимые работы. И здесь партия коммунистов является авангардом рабочего класса, подавая пример самопожертвования и трудовой дисциплины.

Мысль об устройстве коммунистических субботников была подана Ц. К. Р. К. П., который обратился к массам с письмом о необходимости „работать по революционному“. Этот призыв встретил дружный отклик в среде организованных в профессиональные союзы рабочих. Первыми подхватили мысль о „работе по революционному“, о „субботниках“, коммунисты и сочувствующие Моск.-Казан. жел. дор., единогласно постановившие, начиная с 10-го мая, бесплатно работать каждую субботу по шести часов для поднятия производительности труда. С 17-го мая были введены „субботники“ для коммунистов и сочувствующих и на Александр. жел. дор.

Примеру московских товарищей вскоре последовали коммунисты других городов. Кроме Петрограда, „субботники“ введены в Саратове, где они начались 5-го июня, в Оренбурге, в Вятке и в целом ряде других мест России.

Красному Петрограду принадлежит первый почин в деле массовой, общегородской организации субботников. Здесь к рабочим-коммунистам, дружно и охотно взявшимся за субботнюю работу, присоединилось много сочувствующих и беспартийных. Число „субботничающих“ в Петрограде непрерывно растет. На первом субботнике 16 авг. работало 5.175 чел., на втором — 23 авг. работало 7.650 чел., на третьем — 30 авг. 7.900 чел., на четвертом — 6 сент. 10.250 чел., на пятом — 13 сент. 10.500 чел. Всего за месяц — 41.475 человек. В переводе на деньги результат работы, произведенной за пять первых субботников в Петрограде, выражается внушительной цифрой в 1.167.188 р. 77 к., причем в эту сумму не вошел подсчет платы за работу на целом ряде крупных заводов Петрограда. На днях Моск. Ком. Р. К. П. также решил приступить к проведению субботников в общегородском масштабе, создав особое бюро для учета, контроля и организации субботних работ.

В недавней вышедшей брошюре тов. Ленина „Великий почин“ мы находим следующие интересные данные о повышении производительности труда на субботниках.

„Интенсивность труда по погрузке (на субботниках) выше обыкновенных работ на 270%. Остальные работы приблизительно такой же интенсивности“.

„В коммунистическую субботу сделано работы за неделю против работы несознательных и расхлябанных рабочих“.

На Алекс. жел. дор. пять токарей в 4 часа сделали 80 валиков, — производительность, по сравнению с обычной, составляющая 213%. Двадцать чернорабочих собрали в течение 4 час. старый материал в количестве 600 пудов и 70 вагонных рессор, весом по 3½ пуда каждая, — производительность, по сравнению с обычной, 300%.

В своей речи о субботниках, произнесенной на общепартийном собрании, тов. Зиновьев говорил, между прочим следующее:

„Это будет приучать людей к повышению производительности труда. Это будет хорошая школа. Несколько тысяч человек будут учить рабочих поднимать производительность труда, показывая массам пример самопожертвования. Рабочий

класс, когда он стоит у власти, не думает о том, чтобы работали только другие. Нет. Он хочет работать, но—работать сам на себя“.

О величайшем значении субботников для коммунистической партии, для пролетариата и для всего нарождающегося трудового общества т. Ленин в упомянутой выше брошюре пишет следующее:

„Прямо таки гигантское значение имеет устройство рабочих, по их собственному почину, коммунистических субботников. Видимо, это только еще начало, но это начало необыкновенно большой важности, это начало переворота более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это — победа над собственной косностью, распушенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину. Когда эта победа будет закреплена, тогда и только тогда новая общественная дисциплина, социалистическая дисциплина будет создана, тогда и только тогда возврат назад, к капитализму, станет невозможным, и коммунизм сделается действительно непобедимым.

„Надо хорошенько продумать значение „коммунистических субботников“, чтобы извлечь из этого великого почина все громадной важности практические уроки, которые из них вытекают.

«... Было бы очень полезно слово „Коммуна“, изгнать из ходячего употребления, запретить хватать это слово первому встречному, или признавать это наименование лишь за действительными коммунанами, которые действительно доказали на практике и единодушным признанием всего окрестного населения подтвердили способность, умение поставить дело коммунистически. Сначала докажи свою способность на бесплатной работе в интересах общества, в интересах всех трудящихся, способность „работать по революционному“, способность повышать производительность труда, ставить дело образцово, а потом протягивай руку за почетным званием „Коммуны“.

„... Именно такая пролетарская работа, которая знаменуется коммунистическими субботниками и проводится в жизнь ими, несет с собой окончательное укрепление уважения и любви к пролетарскому государству со стороны крестьянства. Такая работа, и только она, окончательно убеждает крестьянина в нашей правоте, в правоте коммунизма. делает крестьянина беззаветным нашим сотрудником, а это значит: ведет к полному преодолению продовольственных трудностей, к полной победе коммунизма над капитализмом в вопросе о производстве и распределении хлеба, ведет к безусловному упрочению коммунизма“.

E. K.

**ФРИДРИХ АДЛЕР ПУГАЕТ АВСТРИЙСКУЮ БУРЖУАЗИЮ,
НО ЕЙ СОВСЕМ НЕ СТРАШНО.**

Фридрих Адлер и А. Бауэр не так давно выступили со следующим „грозным“ предостережением по адресу австрийской буржуазии (мы перепечатываем его полностью).

«С решительностью и с соблюдением дисциплины рабочие организации немецкой Австрии все время стремились к тому, чтобы революционный переворот, являющийся неизбежным последствием войны, совершался путем переговоров и чтобы новые формы устанавливались в законодательном порядке. Но мы предостерегаем буржуазные партии от ложного истолкования самообладания пролетариата. В пролетариате живет непреклонная решимость на деле осуществить тот шаг к социализму, который стал возможным благодаря поражению австрийского и германского империализма. Никакие случайности избирательной арифметики не в состоянии помешать в этом рабочему классу. То обстоятельство, что в комиссиях национального собрания имеется буржуазное большинство, не может изменить фактического, реального соотношения сил в стране. Пролетариат чувствует себя решающим классом в государстве и имеет твердое намерение во всяком случае использовать принадлежащее ему по праву влияние, он не позволит нескольким представителям эксплуататорского капитализма в Национальном Собрании посягнуть на его права.

Пролетариат сохраняет спокойствие в том убеждении, что социализация действительно будет проведена в жизнь, причем он твердо решил вести самую энергичную борьбу за социализацию. Правительственный проект, составленный по существу под влиянием эксплуататорских элементов, представляет только минимум наших требований и вообще может быть принят лишь в качестве пер-

вого шага по пути к социальному перевороту, который неизбежно должен наступить. Мы предупреждаем поэтому буржуазные партии, чтобы они отказались от преступного плана—так или иначе изменить правительственный проект социализации в интересах капитала или хотя бы только затянуть его обсуждение. То решение, которое будет вынесено по вопросу об отчуждении, покажет нам с ясностью, чего мы можем ожидать от национального собрания,—оно покажет нам, понимает ли национальное собрание всю серьезность момента, сознает ли оно непреклонную решимость пролетариата.

За имперский Исполнительный Комитет Рабочих
Советов немецкой Австрии

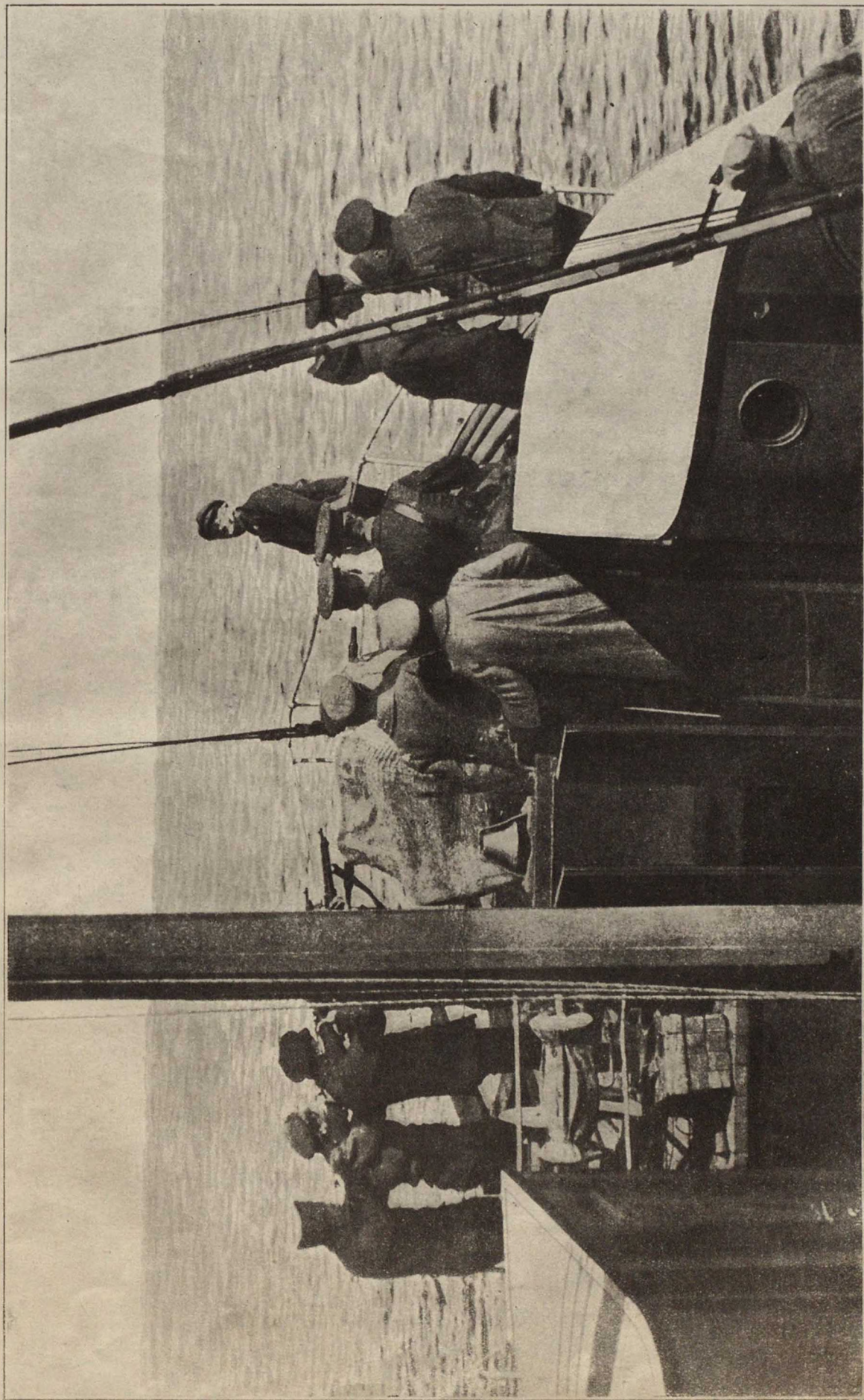
Алоис Бауер. Фридрих Адлер.

Ф. Адлер, растеряв свои социалистические убеждения, повидимому, потерял также чувство смешного.

Ф. Адлер помогает Реннеру и другим социал-предателям разоружать австрийских рабочих коммунистов. Тем самым он помогает австрийским буржуа, юнкерству и генералам вооружаться против рабочих.

‘Таковы’ дела Фр. Адлера. А его „угрозы“ по адресу генералов и других буржуа — просто бумажная хлопущка, над которой смеются и буржуа и рабочие.

Помните, гражданин Адлер: коготок увяз —
всей птичке пропасть.

Фотография эта, найденная нашими товарищами среди английских документов после занятия красными войсками горда Онеги, изображает расстрел русского коммуниста на Северном фронте.

В коммуниста, защитника идей III Интернационала, целая дюжина винтовок белогвардейцев: французский, русский, английский — своего рода черно-желтый «Интернационал». Сюсю наблюдает и смакует сцену расстрела палачи — английские и французские офицеры. Нашему товарищу палачи завязали глаза. Насколько можно судить по рисунку, товарищ сохраняет спокойствие и присутствие духа.

Альберт Тома, Вандервельде, Гайндман и другие социал-предатели несут полную ответственность за такие расстрелы коммунистов. Это они вдохновили убийства русских коммунистов, как Шейдеман и Эберт вдохновляют убийства коммунистов германских. Желтому II-му Интернационалу по всей справедливости должен быть посвящен этот снимок. Это — символ. Рабочие! Хотите знать, что такое «Лига Наций» и «II Интернационал» — смотрите на этот снимок!

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ПИСЬМО ИЗ ФРАНЦИИ *).

Усиление революционного духа во Франции с каждым днем становится все заметнее. То время, когда с полдюжины заточенных в тюрьмы борцов за свободу и несколько кинтальцев и циммервальдцев, представлявших собою отдельные исключения в социалистической партии и в профессиональных союзах, проповедывали как в пустыне, отошло в область преданий. Популярность, которой пользовались министры-„социалисты“ Альбер Тома и Марсель Самба,—канула в вечность. События развиваются со сказочной быстротой,—неуклонно приближая нас к развязке. Демобилизация, которую старались оттянуть всеми мерами, которая все еще не закончена, возвратила гордам и деревням сотни тысяч пролетариев, для которых уроки войны не прошли бесследно. Анри Барбюс уже описал нам этих героев в окопах: среди всяческих лишений, покрытые грязью и кровью, они с восторгом произносили имя Либкнехта и всей душой откликнулись на проповедь нового революционного евангелия еще в 1915—16 гг., почти за два года до победы пролетарской революции в России и до мученической кончины Либкнехта. Тщетно старались одурманить их патристической литературой,—они уже научились мыслить и хотеть, и когда они вернулись к своим очагам, неудержимый сдвиг влево сразу переместил центр тяжести всего рабочего движения. Официальные вожди сразу очутились в положении генералов без армии. Те, кто был полковник и те, кто искренно верил в разглагольствования о войне, в защиту справедливости, в национальную оборону и т. д.,—растерялись. Они с большим трудом сияются сохранить неустойчивое равновесие между революционно настроенными массами и их собственным официальным социализмом, который медленно, но неуклонно приближается к краху. Такова, например, позиция централистов, которые, начиная с Лонге и кончая Марселем Кашеном, в своих речах и на столбцах „Юманите“, „Попюлер“ и др. газет, с одной стороны, как будто отстаивают Советы, а с другой стороны, не хотят открыто порвать ни с „товарищами—бывшими-министрами“ и кандидатами в министры, вроде Реноделя и Тома в самой Франции, ни с Шейдеманом и Эбертом по ту сторону Рейна. Марсель Кашен, умеренный центровик, ставший после победы, одержанной в партии прежним меньшинством, редактором „Юманите“, с высоты парламентской трибуны произносит теперь революционные речи против интервенции в России. Выраженное им сочувствие восставшим в Одессе французским солдатам, его призывы к восстанию, его статьи, которые как-то странно читать в бывшей газете Реноделя,—все это свидетельствует о том, что вожди вынуждены теперь сами идти за революционными массами.

О все возрастающей большевистской опасности каждый день кричат теперь органы буржуазной прессы. „Тан“ с забавной официальной важностью изобличает Кашена, Майераса и Лонге в большевизме. „Эхо де Пари“

констатирует, что большевизм отныне признан официально во Франции, и с пеной у рта нападает на „плохих французов“, насадивших во Франции большевизм. Информационная пресса (т.-е. большие шантажные и скандальные газеты господ Бруно Варилья, Лантье, Эмбер, Ленуар и проч.) ** не перестает вопить о большевистских зверствах и о красном терроре в Петрограде. По их словам „трупы умерших от голода и тифа валяются на улицах Петрограда и Москвы, и похоронные бюро не успевают хоронить мертвецов“. И даже еще теперь в парижских кинематографах показывают фильму на тему о „большевистских зверствах“.

Словом, необходимо признать, что большевизм, интервенция, революция составляют у нас злобу дня. „Франс Либр“, орган сорока одного или сорока двух депутатов социал-патриотов, довольно хорошо осведомленный о русских делах, раньше всех других опубликовал манифест III-го Интернационала, перепечатанный потом в „Юманите“. В органах социалистической прессы часто попадаются похвалы по адресу большевистских вождей. Передо мной, например, сейчас—статья „Юманите“, в которой говорится о „гениальной чуткости Ленина“, делающей его „одним из самых выдающихся государственных людей нашего времени“. Впрочем, выдающиеся качества вождей русской революции открыто признаются даже теми, кто их больше всего поносит.

Существовавшая прежде мода — выказывать к русской революции „аристократическое“ презрение, теперь прошла. Да оно и понятно! Теперь, наоборот, стараются подчеркнуть ее опасность, ставшую слишком очевидной. И в то время, как шут гороховый Гюстав Эрве противопоставляет борьбе классов, возникшей на почве германского социализма, какой-то особый „французский социализм“, стремящийся к сотрудничеству классов, и проповедует создание новой Национальной Социалистической Партии, издатель газет „Новая Демократия“ — делец Летальер („Лизис“) со своей стороны помещает в своей газете длиннейшие статьи о предстоящей „всемирной революции“. По его мнению, она должна разразиться сначала в Италии, а затем перебраться через Альпы. Эти пророчества Лизиса могут сбыться скорее, чем многие думают.

Для борьбы с большевистской опасностью распространяется несметное количество афиш, плакатов, манифестов. Они производят действие как раз обратное тому, на которое они рассчитаны, возбуждая любопытство и интерес толпы к затрагиваемым в них вопросам. Нет ничего удивительного поэтому, что выпускаемые в ответ на них „бабочки“ *** обыкновенно заканчиваются словами: „да здравствуют Советы!“

**) Ленуар, собственник газеты „Журнал“, как известно, был приговорен к смертной казни за то, что купил эту газету на немецкие деньги; а сенатор и сверх-патриот Эмбер—второй ее собственник, обвинялся в разных грязных махинациях и едва избег каторги.

***) Так называемые „бабочки“, это—маленькие листки, выпускаемые частными лицами и отдельными группами и расклеиваемые по стенам, в трамваях и т. д.

*) От редакции. Обращаем внимание читателей на это выдающееся интереса письмо, дающее замечательно ясное представление о борьбе французских товарищей. Подобных же писем мы ждем из других стран.

Существует, конечно, и антибольшевистская пресса. Бурцев, напр., продолжает издавать „La Cause Communiste“, которую никто не читает, хотя она почти целиком выходит на французском языке. Другие газеты, однако, считаются с Бурцевым, по мнению которого в России существуют две силы — Ленин и Колчак. Само собою разумеется, что Бурцев призывает всех истинно-русских людей и всех друзей России сплотиться около Колчака. Встреченный завоевательными аппетитами Финляндии, он настаивает на необходимости занять Петроград союзными войсками. По поводу Бурцева сам собой возникает вопрос, сделавшийся столь обычным во время войны: откуда у него деньги? Его агентство „Унион“ располагает многочисленным персоналом; он, не стесняясь, расходует большие суммы на печатание своих изданий. Ответить на вопрос об источнике этих средств отнюдь не трудно.

Специально анти-большевистским органом является недавно основанная „Белая Гвардия“, газета контр-революционная, антибольшевистская и антисемитская. Борзописцы, подвизающиеся на столбцах этой газеты, хотя и могучей силе „Красных“, противопоставить организованность „Белых“. Они утверждают, что марксизм и большевизм обязаны своим происхождением семитическому племени. Они хорошо осведомлены о революционном движении, но стараются извратить все его проявления. Питать правду, конечно, не в их интересах. Недавно они требовали, чтобы Перика и его друзья были преданы полковому суду и повешены. Чего тут церемониться! Конечно, их писания не могут иметь ни малейшего значения, но интересно все же отметить настроение кучки нотариусов и мещан, субсидирующих „Белую Гвардию“. Если страх французской буржуазии начинает уже проявляться в такой циничной и глупой форме, если буржуазия так легко поддается шантажу, то очевидно, что она накануне гибели.

Сдвиг народных масс влево не позволяет буржуазии больше предаваться на этот счет иллюзиям. Для того, чтобы иллюстрировать огромную перемену, происшедшую за последний год в умах французских рабочих, мы приведем несколько мелких фактов. Упомянем, например, о большом митинге, на котором нам недавно довелось присутствовать: с речами на митинге общались выступить Жан Лонге, Ренодель и Лорио. Зал переполнен солдатами, рабочими, мелкими служащими. С первого же момента зал разделяется на два враждебных лагеря, причем лагерь революционеров охватывает огромное большинство собравшихся. Лорио всходит на трибуну. Его речь, определенно коммунистская, вызывает гром аплодисментов. Он разоблачает лицемерную политику Вильсона, интервенционистскую по существу. Приводя слова Горького, он утверждает, что Вильсон стоит во главе всесветного империализма. Ему возражает Лонге, защищающий Вильсона и утверждающий, что Вильсон — искреннейший демократ... Горький, мол, плохо осведомлен. Слушают и Лонге. Так как его газета „Попюлер“ защищает от нападок русскую революцию, то он еще пользуется некоторыми симпатиями со стороны тех, кто не отдает себе ясного отчета в опасности двойственной политики, лавирующей между открытой революцией и социал-предательством. Но как только появляется на трибуне Ренодель, — разражается целая буря. Ренодель не дает сказать слова. Желая сохранить хоть внешний престиж, он просит своих противников объяснить ему, через выбранного представителя, причины этой обструкции. Тогда берет слово товарищ Сироль и говорит коротко и ясно: „Вы давно уже стали изменником рабочего класса, и если бы в ваших руках была власть, то вы расстреляли бы всех видных революционеров!“

Вообще, для социал-патриотов стало уже невозможно открыто появляться перед публикой. Из ораторов социалистов, которых охотно слушают рабочие и которые сами охотно выступают на рабочих собраниях, назовем Александра Блана (кинталец, сочувствующий коммунизму) и Мориса Делепина, представителя меньшинства из группы Верфель—Лорио.

Центровики (группа Лонге) оправдывают свои умеренные взгляды особенной природой французского крестьянина, враждебно относящегося ко всякой революционности; они порицают также большевиков за то, что те окончательно порвали с „демократией“. В общем, как всегда, центр неустойчив, двусмыслен и нерешителен. Но, чтобы ни говорили и ни делали его вожди, — он все же склоняется влево, и недалек тот день, когда самые активные его силы вольются в партию коммунистов.

Массовые демонстрации, приобретающие все более и более революционный характер, свидетельствуют о том, что могучая воля к деятельности просыпается во французском пролетариате. Демократические правительства республики никогда не разрешали социалистических демонстраций. Поэтому истинным знаменем времени являются такие демонстрации, как грандиозная первомайская манифестация в память Жореса, носившая характер подлинного восстания; затем похороны рабочего Лорна, контрманифестация 14-го июля и т. д. Рабочий Лорн был убит 1-го мая полицейским. Несколько дней спустя все рабочие Парижа приняли участие в его похоронах.

Всеобщая Конфедерация Труда, Социалистическая Партия, парламентская фракция, „Либер Пансе“ (Свободная Мысль) были организаторами этой демонстрации, в которой участвовали более трехсот тысяч рабочих. Никто не посмел остановить их. В этот день полиция исчезла, испугавшись грандиозной силы рабочих масс. Было очевидно, что всякое сопротивление извне будет сломлено этими массами так же, как оказалось сломленным противодействие, которое изнутри пытались оказать официальные вожди рабочих. Итак, полиция отсутствовала. Прежние вожди примкнули к массам, делая вид, что они руководят движением. Жуо, который сам был ранен 1-го мая, Ренодель, Тома, Майерас и др. стали во главе шествия, направлявшегося к кладбищу „Пер-Лашез“. Катафалк был буквально засыпан цветами, венками и ветвями, перевитыми красными лентами. Газетчики, с красными повязками на рукавах, продавали среди толпы революционные газеты. В это же время как раз происходило несколько забастовок. По случаю забастовки служащих банки охранялись войсками. Работницы иглы тоже бастовали. Металлисты готовились к выступлению 1-го июня. Это была серьезная угроза, предотвращенная лишь стараниями лисы — Мергейма. Похороны Лорна послужили для всего рабочего населения Парижа поводом к проявлению своей воли к борьбе.

Правительство решило ответить рабочим преследованиями на демонстрацию первого мая. Один русский товарищ, у которого при аресте на улице оказался в кармане какой-то инструмент, был приговорен к пяти годам принудительных работ. Постоянный секретарь 3-й секции Социалистической Партии Бертолетто и несколько других товарищей были, по подобным же поводам, приговорены к долгим месяцам заточения. Отметим также один из случаев специального преследования русских: писатель и художественный критик, сотрудничающий в социалистических журналах, Блюменфельд, русский по происхождению, был без всякого повода и без каких-либо объяснений водворен в концентрационный лагерь, где несколько сотен русских томятся уже в течение нескольких месяцев и даже лет... Все протесты против этого, между прочим, и протест Анатоля Франса, остались без всяких последствий.

В этой атмосфере борьбы масс с реакцией работают, не покладая рук, французские коммунисты. 14-го июля, в день Национального Праздника, которому в этом году буржуазия хотела придать особенно шовинистский характер, Федерация Инвалидов совместно с Федерацией Анархистов устроила имевшую большой успех революционную демонстрацию, которой руководили товарищи Анри Торрес и Контан. Эта демонстрация была разогнана. Согласно признанию видных буржуазных газет, которые хотели, было, замолчать демонстрацию, „с обеих сторон были раненые“.

За последнее время наблюдаются также признаки, говорящие о революционном настроении среди матросов и солдат. Известно, что эвакуация Одессы была вызвана мятежами и успехами коммунистической пропаганды во французских войсках. В Бресте моряки также отказались ехать в Россию, и отправку их пришлось приостановить. В Тулоне отбывает сейчас наказание главный морской механик Марти, приговоренный к 20 годам каторги за попытку сдать русским коммунистам контр-миноносец „Протей“. Перед лицом суда он открыто объявил себя большевиком.

В данный момент Партия Коммунистов во Франции уже образовалась.

Но важнее всего то, что коммунистическое движение, возникшее до образования партии и распространившее свое влияние далеко за ее пределы, не перестает расти в ширь. Инициатива создания партии принадлежит главным образом группе синдикалистов, во главе с товарищем Р. Перика. Последний того мнения, что Франции предстоит пройти все революционные этапы, пройденные Россией. Прежде всего захватят власть умеренные социалисты, но следует готовиться к тому, чтобы вырвать у них эту власть. Для выполнения этой задачи, Р. Перика предложит объединение всех революционных сил, т. е. левых социалистов, синдикалистов и анархистов.

Не смотря на систематическое запрещение анархистских собраний, собрания эти все же происходят, благодаря содействию профессиональных союзов. Товарищи Буду, Левек, Женольд, Контан, Андрие энергично отстаивают идею Советов. Главным средством борьбы революционного пролетариата они считают всеобщую забастовку; в скором наступлении революции они убеждены. Недавно товарищ Андрие рассказал нам о революционном движении в провинции. Сент-Этьен, Лион и другие большие центры так же революционно настроены, как и Париж. Всюду возникают революционные группы. Если бы не постороннее вмешательство и не предательство Мергейма, то майские забастовки сыграли бы колоссальную роль.

Рядом с федерациями инвалидов и анархистов, выступающими на улицах всегда в первых рядах, следует упомянуть об организации молодежи: „Социалистической молодежи“, „Синдикалистской Молодежи“, а также о „революционных группах студентов“. Интеллигентная молодежь часто проникнута революционными идеями. Вожди молодежи, среди которых следует назвать Пиоша и П. Вальяна-Кутюрье, принимают видное участие во всех выступлениях.

В заключение скажем два слова о наиболее важных органах прессы. Под давлением масс, пресса из „социалистической“ вынуждена была превратиться в революционную и открыто стать на сторону Советов. Такова позиция, занятая „Юманите“, газетами „Попюлер“ и „Journal du Peuple“ (редактором этой газеты состоит Анри Фабр; сотрудниками — А. Торрес, Леон Верт, Северин, Ш. Раппопорт, Борис Суварин, Р. Верфейль). Эти три газеты выходят ежедневно. Жорж Пиош продолжает издавать свой еженедельный журнал „Les hommes du jour“, чрезвычайно, главным образом, для интеллигентной и артистической молодежи; Пиош первый открыто заявил о своем преклонении перед вождями русской революции. „Волна“ („La Vague“) Пьера Бризона и Марселя Каппи — второй социалистический орган ярко выраженного революционного направления и вследствие этого весьма распространенный. Бризон, однако, колеблется примкнуть к большевикам, но зато его читатели несколько не колеблются, он это знает, и это проглядывает в каждой строчке его журнала. Федерация учителей дала революционному движению таких борцов, как Люси Коллиар, Елена Брион, оба Майю, Шавлон, Марсель Мартине, которые путем занятий в школе федерации энергично ведут систематическую революционную пропаганду. Революционные профессиональные союзы в свою очередь располагают журналом „Интернациональ“, который целиком стоит на платформе коммунизма. К этому лагерю примыкают также Перниа и

„Вп Увриер“ („Рабочая Жизнь“) П. Моната, Росмера и др. — „Авенир Насиональ“ выражает взгляды синдикалистов-анархистов. В ней работают Андре Жирар, Б. Суварин, А. Дюнуа, Буду, Дюмулен и др. — Бывший анархистский орган „Либертер“ стал вновь выходить и пользуется теперь большим успехом. Товарищи, работавшие в прекращенных органах, как то — „О чем надо говорить“, „La Plebe“, „Франшиз“, сотрудничали теперь в „Либертер“, а именно: Риллон, Контан, Женольд, ле Ретиф и пр. Товарищ Анкетиль основал газету „Большевик“, но „демократическая“ цензура не разрешила столь откровенного названия, и газета выходит теперь под многозначительным заголовком „Запрещенное название“; тираж газеты со времени ее появления и до сих пор возрос вдвое.

Таким образом, французские коммунисты располагают довольно внушительной прессой. Нет сомнения, что, если они об'единятся в общую партию, то их влияние значительно возрастет *).

Основание „Коммунистической Партии“ было, главным образом, делом Комитета III-го Интернационала, созданного Циммервальдской группой Объединенной Социалистической Партии. О возрастающем значении этой группы, во главе которой стоит товарищ Лорно, достаточно известно. В последнее время был организован Комитет для теоретической разработки задач только что народившейся Коммунистической партии. Комитет этот состоит из социалистов циммервальдского течения, синдикалистов и анархистов. Все они — рабочие революционеры.

В состав комитета входят циммервальдисты: Картье, Л. С. Сомоно, Шовелон (Союз Преподавателей), Лорио (тоже), Луиза Кауфман, Монмуссо (железнодорожники); синдикалисты: П. Монат, М. Мартине, (преподаватели), Перика (секретарь Строительной Федерации), Хасфельд (секретарь Синдиката Шапочников) — анархисты: Сироль и Дондон (корзинщики).

Фредерик Штакельберг, бывший сотрудник „La Guerre Sociale“, тоже примыкает к этому движению.

Из организаций, присоединившихся первыми к III-му Интернационалу и к Коммунистической Партии, следует упомянуть: „Молодежь Синдикалистов Сены“, „Социалистическую Федерацию Роны“, „Социалистическую Секцию Ангулема“, „Социалистическую Федерацию Воклюза“, „Строительный Синдикат Марселя“, преподавателей Финистера, интернациональную группу в Ниме и др.

Коммунистическая Партия предполагает организовать французские Советы, предоставив трем прочим братским течениям широкую автономию. К выборам будут привлечены профессиональные союзы, кооперативы, различные революционные группы, коммуны, „Свободомыслящие“, „Группа Квартиранимателей“ и другие организации. Товарищ Поль Жутто в нескольких словах так резюмировал цели новой Коммунистической Партии:

„Полнейшая автономия коммун. Мы стремимся к тому, чтобы не было ни буржуазии, ни пролетариата, ни Бога, ни господ, ни капитализма, ни наемного труда. До полного установления коммунизма—временная диктатура пролетариата. Не нужно ни сложного механизма управления, ни длинных слов, ни длинных речей. Пора создать серьезную организацию. Мы призываем всех французских коммунистов к вступлению на этот путь—путь коммунистического единения всех работников, как физического, так и умственного труда, под знаменем III-го Интернационала!“

Даже такой, труднее всего поддающийся организации элемент народных масс, как уличная толпа, с каждым днем все серьезнее угрожает теперь буржуазному обществу. Идея

*) Здесь следует также упомянуть о двух безвременно погибших молодых борцах, бывших видными деятелями революционной прессы: о Пьере Шардоне, бывшем редактором газеты "Меле", и о Жане де Сен-При.

непосредственного действия в настоящее время в высшей степени популярна в широких массах. Газеты сообщали уже об энергичном противодействии, оказываемом Союзом Квартиранимателей г-ну Вотуру. В настоящее время, Лиги Потребителей, отчаявшись достигнуть чего-нибудь бесконечными словоизвержениями и ходатайствами, буквально хватают за горло мелочных торговцев, спекулянтов и перекупщиков. Во многих местах происходили уже столкновения между потребителями и бессовестными торговцами—и борьба эта еще только начинается. Не так давно на парижском центральном рынке наблюдались курьезные сцены. Новые твердые цены, установленные администрацией, не удовлетворили Лигу Потребителей, которая устроила утром 12-го августа демонстрацию в галлереях рынка. Впрочем, эту дикую сцену вряд ли можно назвать демонстрацией! Толпа в рукопашную расправилась с спекулянтами, стойки и полки были разгромлены, и поле битвы было усеяно дичью, битыми кúрами, раздавленными овощами, разбитыми яйцами и т. д. Торговлю не удалось восстановить, несмотря на вмешательство полиции и республиканской гвардии. После этого демонстранты прошли

целой процессией по улицам Парижа. При их приближении все лавки поспешно закрывались.

На следующее утро лавочники отказались торговать, и снабжение Парижа свежими продуктами почти совершенно прекратилось. Такого рода столкновения происходят и теперь еще на всех рынках. Страсти разгораются. В одном месте толпа грабит лавку, а в другом — творит „суд Линча“ над репортером газеты „Матен“, пытавшимся собрать сведения о рыночных ценах. С одной стороны, народ Парижа, как видно, решил не допускать больше, чтобы его обирали, как в благодатные дни войны, а с другой стороны—лавочники саботируют, и симпатии администрации и властей, разумеется, на их стороне. Принимаются „энергичные меры“ к поддержанию порядка. Старая песня! Если потребители тоже начнут принимать энергичные меры, а наши товарищи сумеют во время принять участие в этой борьбе, то, пожалуй, собственникам, спекулянтам и полицейским придется плохо.

Жан ФАБРИС.

Август 1919 г.

ИЗ АНГЛИИ.

(Отрывок из письма).

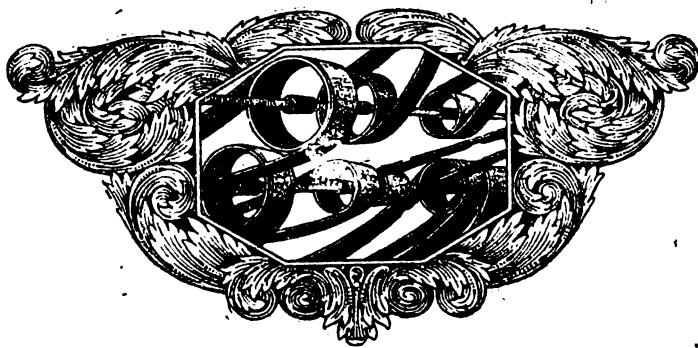
... Положение здесь обостряется с каждым днем и, вероятно, в ближайшем будущем разразится взрывом...

Успешная оборона Советской России вызывает восторг и в широких массах и среди интеллигенции.

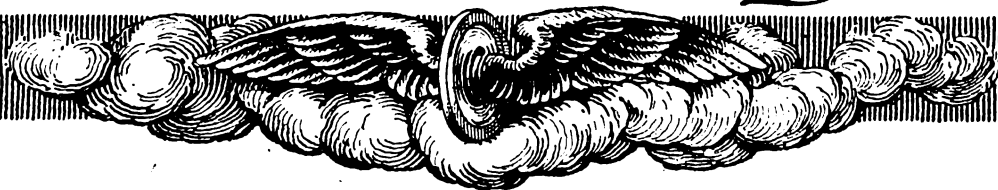
... Забастовочное движение носит яркую социальную и политическую окраску и, в силу неустрашимых экономических и политических причин, в недалеком бу-

дущем приведет к решительной борьбе пролетариата за власть, за Советы. Интервенционистская политика играет здесь роль колоссального раздражителя, и правительство должно будет в этом вопросе либо капитулировать, либо уйти в отставку.

... Революция в Англии — вопрос ближайшего будущего.

ДОКУМЕНТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

СОЦИАЛИЗМ В АНГЛИИ.

От редакции. Один из тов. англичан, видный вождь английских коммунистов, обратился к тов. Ленину с письмом, которое дает очень ясное представление о положении социализма в Англии. В письме ребром поставлен вопрос об отношении коммунистов к парламентаризму.

Тов. Ленин ответил на это письмо подробным разъяснением коммунистической точки зрения по этому вопросу.

Оба этих выдающихся документа тов. Ленин предоставил в распоряжение редакции „К. И.". Читатель найдет их ниже.

I.

Дорогой товарищ Ленин!

Мне давно уже очень хотелось бы поговорить с Вами. Рабочее движение в Англии на моих глазах разрушается парламентским и муниципальным политиканством. И вожди и массы ждут с нетерпением только выборов и, готовясь к избирательной кампании, совершенно забывают о социалистической работе; мало того, — они сознательно подавляют всякую социалистическую пропаганду, для того, чтобы не оттолкнуть от себя избирателей. Представители, избираемые рабочими в парламент и муниципальные советы, — люди с приличной внешностью, очень самоуверенные и в высшей степени снисходительные по отношению ко всем преступлениям капитализма.

Я знаю, конечно, что невозможно, по крайней мере в Англии, вызвать революционное настроение в массах, всецело занятых мыслью об избирательных победах: сознание классовых интересов обыкновенно улетучивается по мере приближения выборов. Партия, пользующаяся успехом на выборах, с революционной точки зрения безнадежна. У нас, как Вы знаете, имеются следующие партии и группы:

1) Тред'юнионисты и рабочие политики устарелого типа, лишенные всякого идеализма и широкого кругозора, они — не социалисты.

2) Члены Независимой Рабочей Партии (I. L. P.). Они, зачастую буржуазны, зачастую крайне религиозны.

3) Члены Британской Социалистической Партии (B. S. P.). Сами они считают себя более передовыми, чем „независимцы“, но на деле этого незаметно, а с коммунистической точки зрения многие из них, пожалуй, даже безнадежнее „независимцев“. Обе эти партии слишком заняты избирательными успехами, а после выборов их представители, выбранные рабочими, обыкновенно забывают рабочих с их интересами.

4) Революционные индустриалисты, признающие необходимость непосредственного действия. Это — самый многообещающий элемент; в этой среде встречаются замечательные люди; в характере которых, при всем их великодушии и гуманности, чувствуется некоторая беспощадность, которая окажется нам очень необходимой, когда наступит революция. Правда, многим из них, вне пределов их специальности, не хватает организаторских способностей.

Впечатление, произведенное русской революцией на все эти элементы, было различное. Вожаки первой группы перепугались, между тем как некоторые из рядовых рабочих этой группы под влиянием событий в России превратились в революционеров того типа, который мы упомянули в пункте 4-м. То же надо сказать и о Независимой Рабочей Партии: большинство ее вождей также встревожились и перепугались, а некоторые из рядовых рабочих стали революционерами 4-го типа. Из приверженцев Британской Социалистической Партии некоторые заколебались, настроение других стало довольно революционным. В среде революционных рабочих 4-й группы давно уже возникла мысль о переустройстве общества на советских началах, хотя они тогда еще не знали о Советах. Известия о событиях, происходящих в России, — придали им еще больше мужества. В эту группу входят, главным образом, рабочие рудников и машиностроительных заводов, хотя за последнее время рабочие этого типа стали появляться и в других отраслях промышленности.

Рабочие этой революционно настроенной группы относятся с презрением к парламентской работе и ни за что не согласятся примкнуть к партии, которая гонится за мандатами на парламентских и муниципальных выборах. К этой же группе следует причислить членов Рабочих Комитетов и фабричных старост (Workers Committees and shop Stewards), хотя среди них есть довольно много и малосознательных элементов.

Кроме упомянутых выше 4-х групп, у нас есть еще (5) Социалистическая Рабочая Партия (S. L. P.), бывшая раньше против парламентаризма, но на последних выборах выставившая также своих кандидатов, вследствие чего партия эта потеряла доверие рабочих 4-ой группы, значительное число которых входит в эту партию.

6-ую группу составляет „Социалистическая Федерация Рабочих“, которая значительно меньше и моложе всех остальных партий. Благодаря обстоятельствам своего возникновения, федерация эта и сейчас еще в значительной степени состоит из женщин, но теперь большинство ее новых членов — мужчины; с большим правом, чем какая-либо другая организация, она может быть названа партией бедноты. Такой состав ее объясняется тем, что она ведет уличную агитацию, да и главная квартира ее находится в Истенде *). Впрочем, в нее входит также некоторое количество конторщиков и квалифицированных рабочих. На конференции, состоявшейся на Троицу, федерация объявила себя „Коммунистической Партией“, но по предложению нескольких товарищей было решено пока не переименовывать партию, а сначала приложить все старания к тому, чтобы организовать одну коммунистическую партию, объединив группы 3-ью, 5-ую, 6-ую и 7-ую, при ближайшем участии группы 4-ой; под 7-ой группой мы разумею Южно-Уэльское Социалистическое Общество. Многие утверждают, что Соц. Раб. Пар. невозможно будет склонить к вступлению в коммунистическую партию, хотя отдельные члены ее, пожалуй, и войдут в новую партию; по моему, однако, с уверенностью утверждать это нет никакого основания.

Вы спросите, зачем я пишу обо всем этом? Затем, чтобы сказать, что парламентаризм у нас сейчас тормозит все движение. Брит. Соц. Пар. и Соц. Раб. Парт., по прежнему, стараются провести на выборах своих кандидатов, и это отталкивает от них рабочих 4-й группы, а также членов Соц. Фед. и Южно-Уэльского Соц. Общества.

Не знаю, представляет ли Вы себе, насколько у английских рабочих слабее сознание классовых интересов, чем у рабочих других стран, и насколько сильнее развиты у нас всякие политические интриги.

Мне очень хотелось бы, чтобы Вы высказались о парламентской работе. Я читал письмо финских коммунистов к Вам. У нас тоже чувствуется жгучая потребность в такого рода воззваниях. Мне хотелось бы, чтобы Вы своим словом дали толчок нашему движению, сдвинув его с мертвой точки реформизма. Слова Ваши имеют у нас большой вес — по крайней мере, для тех, кто искренно желает революции. Мне думается, что, если бы Вы были здесь, Вы сказали бы: посвятите все свои силы непосредственному революционному выступлению и бросьте всю эту возню около политической машины. Мне думается так. По моему, ни в одной стране, кроме Англии, нет политического аппарата, который так трудно было бы завоевать рабочим и который до такой степени был бы приспособлен для одурачивания рабочих.

Искренно уважающий Вас (подпись).

Лондон, 16/VII — 19.

*) Один из беднейших кварталов Лондона. Прим. ред.

P. S. Мне хотелось сказать Вам, что рядовые рабочие индустриалисты во все большем и большем числе приходят к убеждению в необходимости революции и ждут лишь руководителей, которые помогли бы им организовать ее. Но мы тяжелы на подъем, а Россия уже столько сделала для всего мира. Вы скажете, что все это — результат объективных условий. Да, но Ваше ясное изложение идей революции открывает глаза и указывает путь всем, кто слушает Вас и читает Ваши статьи; кроме того, многолетняя революционная пропаганда подготовила русский народ к умелому использованию объективных условий.

Если бы только нам удалось достигнуть того, чтобы все, кто верит в революцию, посвятили ей все свои силы, которые они теперь затрачивают на выборы и избирательные кампании! Затем, кроме пропаганды, необходимо также заняться организацией. В настоящее время мы чувствуем себя, как дети, заблудившиеся в незнакомом лесу, или, как путешественники, попавшие в неведомую страну. Нам придется обследовать каждый округ для того, чтобы наметить себе план действий, когда настанет выступление. Мы стараемся выполнить эту работу, но Вы очень можете нам привлечь новые силы к этой работе, если согласитесь в форме речи или статьи — Ваше слово дойдет к нам такими или иначе — дать нам Ваши указания. А наши пропагандисты непременно считают нужным приводить в оправдание революции такие аргументы, как напр: „это не мы вызвали столкновение, это правительство виновато в нем“. Как будто массам приходится оправдываться в том, что они причиняют беспокойство господам капиталистам!

II.

ОТВЕТ ТОВ. ЛЕНИНА.

28 — VIII — 1919.

Дорогой товарищ! Ваше письмо от 16-VII-1919 я получил только вчера. Чрезвычайно благодарен Вам за информацию относительно Англии и постараюсь исполнить Вашу просьбу, т.е. ответить на Ваш вопрос.

Я несколько не сомневаюсь в том, что многие рабочие, принадлежащие к лучшим, честнейшим, искренно-революционным представителям пролетариата, являются врагами парламентаризма и всякого участия в парламенте. Чем старше капиталистическая культура и буржуазная демократия в данной стране, тем более понятно это, ибо буржуазия в старых парламентских странах великолепно научилась лицемерить и тысячами приемов надувать народ, выдавая буржуазный парламентаризм за „демократию вообще“ или за „чистую демократию“ и тому подобное, искусно пряча миллионы связей парламента с биржей и с капиталистами, используя подкупную, продажную прессу и всеми средствами пуская в ход силу денег, власть капитала.

Нет сомнения, что коммунистический интернационал и коммунистические партии отдельных стран сделали бы непоправимую ошибку, если бы оттолкнули от себя рабочих, стоящих за советскую власть, но несогласных участвовать в парламентской борьбе. Если взять вопрос в его общей постановке,

теоретически, то именно эта программа, т. е. борьба за советскую власть, за советскую Республику, способна объединить и должна объединить теперь безусловно всех искренних, честных революционеров из рабочей среды. Очень многие рабочие анархисты становятся теперь искренними сторонниками советской власти, а раз так, то это доказывает, что они — наши лучшие товарищи и друзья, лучшие революционеры, которые были врагами марксизма лишь по недоразумению, или, вернее, не по недоразумению, а в силу того, что господствующий официальный социализм эпохи II Интернационала (1889—1914 гг.) изменил марксизму, впал в оппортунизм, исказил революционное учение Маркса вообще и его учение об уроках Парижской Коммуны 1871 г. в особенности. Я подробно писал об этом в своей книге „Государство и революция“ и поэтому не останавливаюсь больше на этом вопросе.

Как быть, если в данной стране коммунисты по убеждениям и по готовности вести революционную работу, — искренние сторонники советской власти („советской системы“, как иногда говорят не русские), — не могут объединиться из-за разногласий по вопросу об участии в парламенте?

Я бы считал такое разногласие несущественным в настоящее время, ибо борьба за советскую власть есть политическая борьба пролетариата в ее самой высокой, самой сознательной, самой революционной форме. Лучше быть с революционными рабочими, когда они ошибаются по частному или второстепенному вопросу, чем с „официальными“ социалистами или социал-демократами, если они не искренние, не твердые революционеры, не хотят или не умеют вести революционную работу среди рабочих масс, но разделяют правильную тактику по этому частному вопросу. А вопрос парламентаризма есть теперь частный, второстепенный вопрос. Роза Люксембург и Карл Либкнехт были, по моему, правы, когда защищали участие в выборах в буржуазный немецкий парламент, в учредительное „национальное собрание“ на январской конференции 1919 г. спартаковцев в Берлине против большинства этой конференции. Но, разумеется, они были еще более правы, предпочитая остаться вместе с коммунистической партией, делающей частную ошибку, чем идти с правыми представителями социализма, вроде Шейдемана и его партии, или с теми лакейскими душами, доктринерами, трусами, безмолвными пособниками буржуазии и реформистами на деле, какими являются Каутский, Гаазе и Däumig — вся эта „партия“ немецких „независимых“.

Я лично убежден, что отказ от участия в парламентских выборах является ошибкой со стороны революционных рабочих Англии, но лучше пойти на эту ошибку, чем замедлить образование крупной рабочей коммунистической партии в Англии из всех перечисленных Вами, сочувствующих большевизму и искренне стоящих за советскую республику направлений и элементов. Если бы, например, среди В. С. Р. нашлись искренние большевики, которые отказались бы из-за расхождения по вопросу об участии в парламенте слиться тотчас в коммунистическую партию с течениями № 4, № 6 и № 7, то эти большевики, по моему, сделали бы ошибку в тысячу раз большую, чем ошибочный отказ от выборов в буржуазный английский пар-

ламент. Разумеется, говоря это, я предполагаю, что течения 4, 6, 7, вместе взятые, действительно связаны с массой рабочих, а не представляют из себя только небольшие интеллигентские группки, как это часто бывает в Англии. В этом отношении, вероятно, особенно важны Workers Committees и shop Stewards, которые, надо думать, близко связаны с массой.

Неразрывная связь с массой рабочих, умение постоянно агитировать в ней, участвовать в каждой стачке, откликаться на всякий запрос массы, это — главное для коммунистической партии, особенно в такой стране, как Англия, где до сих пор (как, впрочем, и во всех империалистских странах) участвовали в социалистическом и вообще рабочем движении преимущественно узенькие верхушки рабочих, представители рабочей аристократии, большей частью насквозь и безнадежно испорченные реформизмом, плененные буржуазными и империалистскими предрассудками. Без борьбы против этого слоя, без разрушения всякого авторитета его среди рабочих, без убеждения масс в полной буржуазной испорченности этого слоя не может быть и речи о серьезном коммунистическом рабочем движении.

Это относится и к Англии, и к Франции, и к Америке, и к Германии.

Те рабочие революционеры, которые центром своих нападений делают парламентаризм, вполне правы постольку, поскольку этими нападениями выражается принципиальное отрицание буржуазного парламентаризма и буржуазной демократии. Советская власть, советская республика — вот то, что рабочей революцией поставлено на место буржуазной демократии, вот форма перехода от капитализма к социализму, форма диктатуры пролетариата. И критика парламентаризма не только законна и необходима, как мотивирование перехода к советской власти, но и вполне правильна, как сознание исторической условности и ограниченности парламентаризма, его связи с капитализмом, его (парламентаризма) прогрессивности по отношению к средневековью и реакционности по отношению к советской власти.

Но критика парламентаризма в Европе и Америке очень часто, когда они принадлежат к анархистам и анархо-синдикалистам, оказываются не правы, поскольку они отвергают всякое участие в выборах и в парламентарской деятельности. Тут сказывается просто недостаток революционного опыта. Мы, русские, пережили две великие революции в 20-м веке и хорошо знаем, какое значение может иметь и фактически имеет парламентаризм в революционное время вообще и непосредственно во время революции особенно. Буржуазные парламенты должны быть устранимы и заменены советскими учреждениями. Это несомненно. Несомненно теперь, после опыта России, Венгрии, Германии и других стран, что это безусловно произойдет во время пролетарской революции. Поэтому систематическая подготовка к этому рабочей массы, разъяснение заранее для нее значения советской власти, пропаганда и агитация за нее — все это безусловная обязанность рабочего, который хочет быть революционером на деле. Но мы, русские, выполняли эту задачу, действуя и на парламентарской арене. В царской, поддельной, поме-

СКОЙ ПАРТИИ О ПОЛОЖЕНИИ БОЛГАРИИ.

Первый съезд Болгарской Коммунистической Партии, происходивший в Софии 25, 26 и 27 мая 1919 г., заслушав доклад тов. Василия Коларова о „Внутреннем и международном положении Болгарии“ и происходившие по этому докладу прения, принял следующую резолюцию:

1. Съезд разделяет глубокую скорбь всего болгарского народа о сотнях тысячах жертв войны, погибших, изувеченных или попавших в плен вследствие преступной политики воинствующего Болгарского национализма, и заявляет, что грозная международная катастрофа является делом всех буржуазных партий, которые, во главе с династией, много лет систематически отравляли дух народа идеями шовинизма и национализма, поддерживали милитаризм, жертвовали всеми средствами страны ради войны, ища поддержки то у Согласия, то у центральных держав;—что эта политика окончательно погубила народ, приведя его на край экономической нищеты и политического рабства. Однако, за это ужасное истребление народа и за тысячи отдельных преступлений против законов гуманности и цивилизации, имевших место во время войны на нашей земле и на чужой территории, буржуазное классовое правосудие возмездия дать не может.

Болгарская Коммунистическая Партия протестует самым энергичным образом против массового избиения болгарского народа и заявляет, что только народный революционный суд, учрежденный после того, как буржуазия будет лишена власти, воздаст по заслугам всем народным палачам и преступникам, как бы высоко они теперь ни стояли.

2. Партия заявляет открыто, что монархическая клика несет большую долю ответственности за разгром страны. Представляя из себя противонародную и реакционную силу и будучи орудием буржуазии для поддержки ее режима эксплуатации и притеснения, монархия, независимо от личности монарха, потеряла уже престиж и опору среди народа. Она должна уступить свое место республике; если же она попытается сопротивляться, она будет сметена надвигающейся волной народного негодования.

Партия заявляет далее, что и вся система буржуазного парламентаризма потерпела крах. „Демократические принципы“ парламентаризма оказались на глазах у всего мира не более, как маской, скрывающей самую грубую диктатуру незначительного меньшинства, крупной земледельческой, капиталистической и банковской буржуазии. Трудящиеся народные массы решительно стояли за мир; на платформе мирной программы было выбрано XVII Народное Собрание. Воля огромного большинства народа, однако, не помешала парламентариям обоих лагерей — как германофильского правительственного, так и русофильского оппозиционного — открыто начать политику воинственного подстрекательства, бросившего, наконец, страну в самую ужасную войну. В то время, как сыны народа проливали свою кровь на полях сражений, а их дети и же-

ны терпели величайшие лишения, парламент, хотя и избранный „всеобщим и равным“ голосованием, и опиравшееся на него правительство, милостиво поощряли и защищали воров и расхитителей народного труда. А когда наступила катастрофа и народ очутился перед пропастью, они, при поддержке всех буржуазных и мелкобуржуазных партий, узурпировали права народа и с помощью военного положения и цензуры продолжали „обновлять“ страну, т. е. спасать монархию и буржуазию от народного гнева. Сохранение парламентарной системы управления дает возможность разбогатевшей буржуазии и в будущем цинично топтать народную волю и держать под своим гнетом трудящиеся массы.

3. Поэтому Болгарская Коммунистическая Партия громко заявляет, что воля трудящегося городского и сельского народа может быть выражена и осуществлена только посредством Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, выбираемых рабочими, солдатами, малоимущими крестьянами и сменяемых в любое время. Существующее буржуазно-монархическое парламентское управление должно быть заменено республиканским советским управлением, чтобы раз навсегда положить конец диктатуре буржуазии и направить развитие общества и государства согласно воле трудящегося народа.

Болгарская буржуазия, как русофильская, так и германофильская, говорила народу, что она преследует две великие „общенародные“ цели: объединение болгарского народа и независимость болгарского государства. Достичь их она считала возможным только путем войны, на которую она употребляла все моральные и материальные силы народа. И что же? Вместо независимости, народ получил лишь экономическое и политическое рабство. Теперь буржуазия ожидает осуществления „народных идеалов“ от „разума, благородства и гуманности“ победителей-империалистов.

4. Болгарская Коммунистическая Партия заявляет, что жадная к грабёжам и завоеваниям буржуазия неспособна достичь объединения и независимости народа, что противонародная и воинственная политика угодничества и заискивания только закончит дело народного разгрома. Право на самоопределение болгарского народа, как и всех разединённых, подчинённых и зависимых народов, может быть завоевано только путем победоносной революции трудящихся народных масс против буржуазии и империализма и что балканские народы добьются национального объединения на основе действительной независимости только в пределах Балканской Социалистической Федеративной Советской Республики, в которую войдут Советские Республики Македонии, Добруджи и пр.

Съезд заявляет, что буржуазия неспособна более руководить экономическим развитием страны. Войны и ее хищническое управление обременили государство и народное хозяйство чрезмерными

долгами и затруднениями, вызвали быструю концентрацию богатств в руках банков, акционерных обществ и отдельных капиталистов и повлекли за собой массовое обнищание и пролетаризацию малоимущего городского и сельского населения. Развитие хозяйственной жизни остановилось; наступила анархия в производстве; транспорт и продовольствие разрушены; у огромного большинства народа исчезла всякая уверенность в завтрашнем дне. Капитализм потерпел полный крах, и он должен быть заменен другой экономической системой—коммунизмом.

Болгарская Коммунистическая Партия заявляет, что социализм может быть осуществлен только посредством диктатуры рабочих и малоимущих. Посредством ее трудящиеся сломят диктатуру буржуазии, аннулируют военные долги, наложат властную руку на капитал и крупную земельную собственность и предоставят в распоряжение трудящегося общества все средства производства и транспорта.

5. Буржуазия оказалась также неспособной обеспечить и снабжение бедного населения продовольствием. Ревниво охраняя интересы капиталистов, она сначала боролась против всякого вмешательства государства в дело продовольствия. Но когда спекуляция и грабеж приняли неслыханные размеры и голод грозил нарушить „спокойствие народа и армии“, она согласилась создать государственный продовольственный орган. Однако, капитал сумел приспособиться к новому органу и превратить его в орудие грабежа голодных народных масс. Политика „управления хозяйственными делами“, отстаиваемая всеми „правыми“ и „левыми“ правящими партиями, потерпела окончательный крах, и теперь во всей стране голод и лишения терзают бедноту.

Болгарская Коммунистическая Партия заявляет, что до тех пор, пока политическая власть находится в руках капиталистических классов, продовольствие бедного населения не может быть обеспечено. Свободная, ненормированная торговля ведет к голоду огромного большинства населения. Только, когда городские и сельские рабочие массы вырвут власть из рук буржуазии и возьмут в свои руки, посредством своих Советов, управление страной, они сумеют наложить руку на все продовольственные запасы и на другие предметы первой необходимости и организуют их справедливое распределение среди нуждающихся.

6. Буржуазные партии, которые еще держат в своих руках государственную власть, чувствуя, как быстро уходит из-под их ног почва, делают крайние усилия для своего спасения. Чтобы ослабить напор народных масс, они разделили свою власть с не принимавшими раньше участия в управлении, так называемыми „левыми партиями“, аграриями, „широкими социалистами“ и радикалами, которые взяли на себя задачу вытащить из грязи застрявший буржуазный воз. Однако, и это не спасет их.

Либеральные партии, которые в 1914 году изнасиловали и обманули народ, чтобы удержаться у власти, несут величайшую долю ответственности за постигшую Болгарию катастрофу. Толкнувши страну на войну и потеряв голову в своем увлечении завоевателей и грабителей после первоначальных военных успехов, они раскрыли широко двери

безудержному грабежу: За дешевые обещания широких территориальных завоеваний они отдали богатства и силы народа в полное распоряжение своих союзников, а сами бросились грабить и бесчинствовать в оккупированных землях. Свое господство над голодающими и негодующими народом и армией они поддерживали путем военного террора и драконовской цензуры, посредством шпионажа и расстрелов. После разгрома, чтобы избежать народного гнева, они добровольно стушевались и оказали безусловную поддержку новому антантофильскому правительству. Но этим патентованным патриотам, которые били себя в грудь и клялись, что возьмут на себя ответственность за свои дела, действительно не избежать ответственности. Они не боятся „строного военного правосудия“, которым им грозят „левые“ правящие партии, но не далекий тот день, когда они предстанут перед народным революционным судом.

Ответственность за разгром Болгарии падает и на буржуазные соглашательские партии. Не дав еще отчета о своем поведении в период 1912—1913 г.г., когда они преступно вовлекли страну в войну, приведшую ее к разорению, поражению и расчленению, они, после того, как вспыхнула европейская война, снова бросились проповедывать вмешательство Болгарии в нее. Когда либеральное правительство заключило союз с центральными державами, они, убежденные и решительные руссофилы, гордо отвернулись от борьбы, свернули свое знамя, с энтузиазмом отдавая правительству свои голоса и поддерживая все военные кредиты и другие мероприятия в интересах войны; в течение всей войны они поддерживали правительство, поощряли его безграничную алчность к территориальным захватам, получая взамен этого возможность участвовать во всех экономических выгодах, которые несла с собою продолжительная война. После падения Радослава руссофильский блок продолжал его политику, оставаясь глухим к внушительному народному голосу в пользу немедленного мира. Этот же блок при помощи германской военной силы потопил в крови солдатское восстание при Радомире и, чтобы спасти монархию и буржуазию, согласился пожертвовать только явно ненавистным царем Фердинандом.

Не свободны от ответственности и „левые“ партии, стоящие теперь у власти. Аграрии и радикалы голосовали за все военные кредиты Радослава и открыто поддерживали его завоевательную националистическую политику. „Широкие социалисты“ воздерживались, не решаясь голосовать явно за кредиты, но зато они приехали в качестве агентов Радослава в Европу, чтобы агитировать в интересах болгарского завоевательного национализма, и в течение всей войны ревностно служили ему, при открытом одобрении всей буржуазии. И „левые“ партии, особенно аграрии, не упустили случая взять свою долю золотой манной, которая „падала с неба“ во время войны.

Болгарская Коммунистическая Партия заявляет, что „левые“ коалиционные кабинеты, как прежний так и теперешний,—не что иное, как попытка обанкротившейся буржуазии и монархии удержать и впредь свое господство над трудящимися массами и что „левые“ партии, аграрии, радикалы и „широкие социалисты“—не что иное, как

агенты буржуазии и монархии и изменники делу народных масс, в верности которому они клянутся. В частности „широкие социалисты“, которые за два министерских места продали свой „социализм“ и интересы рабочих дворцу и буржуазии, явно играют роль орудия контр-революции. Болгарская Коммунистическая партия разоблачает их перед всеми трудящимися и призывает бедные народные массы не обманываться фразами и декларациями правительства, а сплотиться и ополчиться против всех правящих партий, правых и „левых“, верных слуг и телохранителей монархии и капиталистического общественного порядка.

7. Коалиционное правительство, состоящее в своем большинстве из представителей „левых“ партий, оказалось неспособным дать какое бы то ни было улучшение положения народной массе и разрешить крупные вопросы дня. Оно объявило высшей необходимостью для страны призыв „к порядку и спокойствию“, пошло по проторенной дорожке обмана и насилия и, вопреки торжественным обещаниям „левых“, управляет при помощи военного положения, цензуры и шпионажа. Оно не сумело обеспечить служащим в государственных учреждениях сносное существование, а теперь, путем произвольных увольнений, выбрасывает их на улицу. Рабочий класс напрасно ждет от него защиты своих прав и удовлетворения своих насущных нужд: он продолжает быть жертвой хозяйского произвола; массовая безработица и голод косят его ряды. Ускоренным темпом продолжается пролетаризация малоимущих масс, которые изнемогают под тяжестью лишений. Новые тяжелые подати пали на плени рабочих и малоимущих, и, в то время, как „левые“ стараются утешить их обещаниями конфискации военных прибылей и незаконно добытых богатств, усиливая своими действиями недовольство масс, правительство „левых“ с тем большей яростью набрасывается на большевистскую опасность и ее носителей—социалистов тесняков. Оно начало клеветнический поход против большевизма, самым циничным образом обвинило тесняков в том, что они причина задержки военнопленных и оккупации Болгарии, и стало путем насилия бороться с их влиянием среди масс. Не раз оно поднимало целые гарнизоны против рабочих собраний и митингов, арестовывало социалистических деятелей и закрывало партийные клубы. В Пернике вооруженною силою оно атаковало дом рудокопов, захватило архив их союза, арестовало и бросило в тюрьму несколько сот наиболее сознательных шахтеров и потребовало смертной казни их вождей. Оно обагрilo свои руки кровью Сливенского пролетариата. Теперь оно набрасывается на транспортный союз и на организацию табачных рабочих. Оно лихорадочно собирает и организует все силы контр-революции для борьбы против большевизма, организуя военные лиги, натравливая армию и готовит ее к кровавой расправе со все сильнее волнующимися на одной ноге массами. Никогда буржуазия и монархия не имели столь верных телохранителей, как правительство „левых“.

Болгарская Коммунистическая партия, протестуя самым энергичным образом против политики правительства „левых“, построенной на обмане и насилии, указывает революционному пролетариату, что „левые“ партии—орудие болгарской контр-

революции, что болгарские рабочие и крестьяне не смогут взять политическую власть в свои руки до тех пор, пока не лишат власти не только буржуазию, но и эти реакционные партии.

8. Открытые враги войны и воинственной националистической политики—тесняки вели энергичную борьбу против балканских войн, предупреждая народные массы об их последствиях. Они усилили свою борьбу против войны, когда руссофилы и германофилы взялись подготовить вмешательство Болгарии в мировую войну. Ответив на мобилизацию призывом к борьбе, обращенным к рабочему классу, они самоотверженно остались на своем посту до конца. Они одни решительно высказывались против военных кредитов, всеми силами оказывая сопротивление завоевательной и насильнической политике правительства.

Устно и посредством печати, несмотря на военное положение и цензуру, тесняки беспощадно разоблачали завоевательные и разбойнические аппетиты болгарской буржуазии перед народом и армией и вели борьбу за немедленный мир без аннексий и контрибуций. Их непримиримая позиция и революционная деятельность вызвали ненависть всей крупной буржуазии и навлекли на них жестокие преследования. Бесчисленные процессы против депутатов и социалистических деятелей в стране и на фронте, обыски, аресты, свирепые приговоры и смертные казни свидетельствуют о силе социалистического влияния тесняков среди народа и армии и о боязни буржуазии перед ними.

Рабочие и солдаты, напротив, встречали с энтузиазмом социалистическое слово, поддерживали с большим самоотвержением „Рабочий Вестник“ и участвовали самоотверженно в борьбе за мир.

Болгарская Коммунистическая Партия заявляет, что в дни тягчайших испытаний она была на страже интересов трудящихся масс,—высоко держала знамя революционного социализма, будя и организовывая массы для борьбы против народных эксплуататоров и угнетателей, и что впредь она с еще большей смелостью, решительностью и энергией будет идти по трудному пути социальной революции, не взирая ни на какие жертвы.

9. Верные делу социализма и международной солидарности рабочих, тесняки заявили о своей солидарности со всеми народами, разгромленными и разоренными империализмом центральных держав (Бельгия, Сербия, Румыния), осудили социал-патриотизм и второй Интернационал за их измену социализму, участвовали в Циммервальде и во всех попытках воссоздания нового Интернационала; они понимали, что этому воссозданию будет способствовать надвигающаяся всемирная революция, и приветствовали с энтузиазмом начало ее в России. Мира и свободы поработенных народов они ждали не от победы империалистов той или другой воюющей группы и не от Лиги Наций, возвещенной лицемерами капиталистического мира, а от торжества пролетарской революции над мировым империализмом. Они открыто заявили также о своей полной солидарности с русскими революционными рабочими, солдатскими и крестьянскими массами и с их великим созданием—Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой.

С большой радостью они встретили революцию в Германии и Австрии, не скрыли своего восхищения перед славной победой Венгерских и Баварских коммунистов, перед героическими усилиями немецких спартаковцев, и с твердой верой в близкое торжество революции во всем капиталистическом мире приветствовали созданный в Москве III Коммунистический Интернационал.

Болгарская Коммунистическая партия шлет братский привет борющемуся революционному пролетариату всех стран и, принимая принципы и тактику коммунизма, объявляет о своем безоговорочном присоединении к Коммунистическому Интернационалу. Она заявляет, что всеми силами будет бороться против всякой попытки болгарского правительства оказать какое то бы ни было содействие контр-революционным силам в их борьбе против Советских Социалистических Республик в России и Венгрии и против революционных движений в соседних и других странах. Она снова подтверждает свою полную солидарность с партиями революционного социализма и коммунизма на Балканах и заявляет, что спасение Балканских народов от национального гнета, экономического и политического рабства—в Балканской Социалистической Федеративной Советской Республике. Наконец, приветствуя социалистическую революцию в Восточной и Центральной Европе, выражая свою твердую веру в ее скорое распространение и на остальные части капиталистического мира, Болгарская коммунистическая партия заявляет, что исполнит свой революционный долг до конца.

Письмо с'езда Финляндской Коммунистической Партии.

Товарищи Ленин, Зиновьев и Троцкий.

С'езд Финляндской Коммунистической Партии шлет Вам и просит Вас передать борющемуся пролетариату России и всего мира пламенный привет от имени с'езда и всего революционного пролетариата Финляндии.

Дорогие товарищи, с'езд глубоко чувствует, как сильно Вы, товарищи, выражаете освободительные стремления мирового пролетариата, как ясно Вами освещены путь и конечная цель пролетарской борьбы, и с каким глубоким пониманием и с какой неизменной энергией Вы на своем

посту руководите классом пролетариев в его борьбе против мирового капитала и международного империализма.

Поэтому, с'езд считает своей обязанностью заявить Вам, вождям международной пролетарской революции, от имени представляемых им финских революционных рабочих и солдат-пролетариев, что основные идеи коммунизма, сознание неизбежности пролетарской революции воодушевляют уже широкие массы многострадального пролетариата Финляндии; час новой открытой борьбы не может быть далек; молодая Финляндская Коммунистическая Партия выполнит по мере своих сил свою ответственную задачу.

Товарищи! Ваша работа возмещает ежечасно: Да здравствует мировая революция! Да здравствует победа пролетариата! Примите, товарищи, самые искренние пожелания с'езда.

Да здравствуют великие вожди мировой революции, Коммунистического Интернационала и международной Красной Армии: товарищи Ленин, Зиновьев и Троцкий!

С'езд Финляндской
Коммунистической Партии.

Обращение к революционному пролетариату Европы.

Нью-Йорк Н. И.

Мы, делегаты 3-го С'езда Украинской Федерации Социалистической Партии в Америке, от имени украинских рабочих, воздаем должный почет борцам, погибшим за лучшую долю рабочих всего мира.

Приветствуем Российскую Федеративную Советскую Социалистическую Республику и крестьянское социалистически-коммунистическое правительство Украины, немецких спартаковцев и вообще всех революционеров, стремящихся к диктатуре пролетариата.

Да здравствует социальная революция! Да здравствует Третий Революционный Рабочий Коммунистический Интернационал! Мы с вами.

Третий С'езд Украинской
Федерации Американской
Социалистической Партии.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ.

Письмо Ц. К. Норвежской Рабочей Партии.

Христиания, 18 июля 1919 г.

Третьему Интернационалу, Москва.

Норвежская Рабочая Партия на с'езде своем 8-го июня решила выйти из 2-го Интернационала и присоединиться к 3-му Коммунистическому Интернационалу. С'езд отправил телеграмму Ленину об этом решении.

Число членов в нашей партии к 1-му января было 94.000.

Теперь число это составляет около 100.000. Все сообщения просим посылать по адресу:

Det Norske Arbejderparti
Folkets hus,
Kristiania.

С братским приветом Центральный Комитет Норвежской Рабочей Партии

Председатель Кюппе Грепп.
Секретарь Мартин Транмель.

Формула, предложенная соц. партией кантона Тургау: „Вопрос о присоединении к III Интернационалу, т.е. к тому направлению в партии, представителем которого

является Ленин, оставляется открытым впредь до основного выяснения положения дел в самой Швейцарии и требуемого им пересмотра программы.

Программной комиссии поручается выработать со своей стороны необходимую, по ее мнению, для ближайшего будущего программу III Интернационала и представить ее следующему съезду партии, который, в случае надобности, должен быть созван в чрезвычайном порядке.

Резолюция, предложенная соц. партией города Ольтена: „Швейцарская соц.-демокр. партия признает конечную цель III Интернационала своей собственной целью и в этом смысле выражает свою солидарность с III Интернационалом. Но она оставляет за собой право самостоятельно определять необходимую для достижения этой цели в Швейцарии тактику борьбы, применительно к господствующим в этой стране политическим и экономическим условиям“.

Резолюция президиума партии и 6 секций: „Социал-дем. партия Швейцарии присоединяется к III Интернационалу и признает его платформу руководящей и для себя“.

Резолюция, предложенная Рейнгардом: „Президиум партии предлагает чрезвычайному съезду партии поручить секретариату войти в сношения со всеми революционными партиями для полного идейного объединения международного пролетариата на платформе третьего Интернационала“.

Резолюция, предложенная соц. партией Ле Сантие: „Присоединение к III-му Интернационалу отклоняется“.

Постановления отдельных организаций.

Резолюция партийной организации кантона Тургау:

I. Так назыв. 3-й Интернационал, т.е. движение, воплотившееся в Ленине и русском большевизме, в общем по идее и тактике не соответствует законам исторической истины, и к нему следует относиться, как к случайному эксперименту и как к вносящей путаницу утопии. Признание этого движения должно быть поэтому отклонено.

II. В виду частичной правильности этого движения необходимо стремиться к международному объединению пролетариата на почве решительно-революционной программы, при полном отказе от всякого милитаризма и бунтовщической тактики, но с решимостью, в случае необходимости, путем обструкции и отказа от работы, проявить по отношению к существующему строю трезвую, серьезную и непреклонную волю к полному преобразованию современного общественного организма в духе справедливости и братства“.

Резолюция объединенного округа Унтергруд-Люцерн:

„Собрание социал-демократического окружного союза Унтергруд-Люцерн от 31-го мая 1919 г. считает присоединение рабочего класса всего мира к 3-му Коммунистическому Интернационалу, а также всемирную социалистическую революцию единственным средством к спасению рабочего класса и всего человечества от тех бедствий, которые навлекла на народы, порожденная капитализмом мировая война.“

В виду этого собрание предлагает съезду швейцарской социал-демократической партии примкнуть к 3-му Интернационалу и требует, чтобы съезд открыто и недвусмысленно высказал свое согласие с принципами и платформой 3-го Интернационала, выразив это со всей возможной ясностью, недвусмысленностью и решительностью при полном пересмотре партийной программы“.

Постановление съезда Швейцарской Соц.-дем. партии.

Швейцарская демократическая партия на своем съезде приняла предложенную Президиумом Партии резолюцию о присоединении к большевист-

скому III-му Интернационалу. Принятию резолюции предшествовали продолжительные дебаты об основных принципах политики большевиков. За резолюцию было подано 313 голосов, против нее — 147 голосов. Затем съезд единогласно постановил выйти из II-го Интернационала.

Вступление финских рабочих в Коммунистический Интернационал.

Резолюция партийного съезда.

Съезд Финляндской Коммунистической Партии приветствует основание Коммунистического Интернационала и принимает решение о присоединении Партии к нему.

Финляндская Коммунистическая Партия предлагает всем финским рабочим, верным делу революции, немедленно же порвать с охраняемой белогвардейским террором и содействующей ему Финляндской Социалдемократической Партией и, таким образом, порвать с II Интернационалом, приспешником черного мира реакции, и присоединиться к Интернационалу революционного действия и борьбы.

Финляндский пролетариат глубоко чувствует все значение международной солидарности, благодаря той незабываемой помощи, которую оказали ему русские товарищи в роковой борьбе против эксплуататорских банд и войск германского империализма, которых на деле поддерживали вожди II Интернационала, Шейдеманы и Брантинги, ставшие, таким образом, палачами революционного пролетариата Финляндии.

Съезд Партии обращается ко всем партиям Коммунистического Интернационала и к рабочему классу всего мира, призывая их к исполнению своего долга по отношению к ведущим революционную борьбу товарищам и к разрушению планов мирового империализма об удушении Коммунистической Советской России.

Съезд выражает твердую уверенность в том, что революционный пролетариат Финляндии со своей стороны воспрепятствует намерениям международных белогвардейцев втянуть и Финляндию в поход империалистов, и, сбросив с себя власть эксплуататоров, добьется присоединения Советской Финляндии к России, для объединения с прочими, нарождающимися во всем мире, пролетарскими Советскими Республиками.

Резолюция III-го съезда Украинской Федерации Американской Социалист. Партии.

Тщательно взвесив то обстоятельство, что на Украине, также как и в других странах Европы, происходит решительная и упорная борьба рабочего класса против его лютых врагов — класса капиталистов за лучшее будущее, за социализм; что в этой героической борьбе рабочий класс напрягает последние силы и использует все имеющиеся в его распоряжении средства для обороны общих пролетарских позиций; что вся клика украинских капита-

листов, а за нею и лакейская свора реакции — социал-патриоты, палачи украинского крестьянства и пролетариата, — пролившая уже потоки крови и замучившая десятки тысяч славных борцов за свободу трудящегося люда, заносит свою преступную руку над головой светлой свободы, чтобы задуть ее и свергнуть в холодную бездну черной реакции и деспотизма; принимая все это во внимание, —

Мы, украинские рабочие в Америке, в полном сознании наших классовых интересов, сплотившись в сильную своей солидарностью рабочую организацию для общей борьбы с нашим классовым врагом и собравшись на 3-ий Съезд Украинской Федерации Социалистической Партии в Нью-Йорке, единогласно заявляем следующее:

1) Мы клеймили, клеймим и будем клеймить позором все группы и партий, где бы они ни существовали, которые поддерживают старый, прогнивший общественный строй.

2) Мы горячо приветствуем революционных рабочих и крестьян Украины и всего мира, ведущих с изумительным мужеством упорную борьбу за общие и близкие нам всем интересы мирового пролетариата.

3) Мы заявляем, что всецело присоединяемся к украинской (и международной) коммунистической партии большевиков, которую мы будем поддерживать, как единственную истинную выразительницу революционных стремлений, которая одна лишь в состоянии освободить пролетариат всех стран и всех народов от тяжкого ига капитализма и которая посредством диктатуры трудящихся воздвигнет на развалинах нынешнего общества новый светлый и прекрасный мир коммунистического строя.

Мы гордимся тем, что наши братья принимают непосредственное участие въ разгоревшейся ярким пламенем социальной революции и готовы сами стать в ряды борцов, если только могучий враг не помешает нам.

Да здравствует всемирная революция!

Постановление Ц. К. Польской Коммунистической Партии.

Центральный Комитет Коммунистической Рабочей Партии Польши с восторгом приветствует основание 3-го Интернационала, задачей которого должно явиться создание непрерывной связи между отдельными отрядами международной армии социализма, и заявляет, что вполне разделяет его цели. Центральный Комитет Коммунистической Рабочей Партии Польши постановляет присоединиться к коммунистическому Интернационалу.

Съезд Социалистической Партии Эльзас-Лотарингии.

Радиотелеграмма из Науэна от 19 сентября сообщает, что съезд лотарингской социалистической партии выразил протест против применяемой французским правительством политики выселений, заявив, что эта политика ведет страну к неми-

ными экономическим катастрофам. Кроме того, съезд протестовал против систематического подавления рабочего социалистического движения и против введения осадного положения в Верхнем Эльзасе и Лотарингии. Съезд энергично высказался за переход в руки государства калийных, железных и каменноугольных копей, а также всех железных дорог Эльзас-Лотарингии.

Значительным большинством голосов съезд высказался за присоединение к III-му Интернационалу.

Резолюция конференции мусульманских коммунистов Туркестана.

Товарищу Зиновьеву телеграфируют из Ташкента:

Революционный Восток от разрозненных действий переходит тоже к активной борьбе с мировым империализмом. Это говорят нам примеры революционного движения в Китае, вооруженное выступление китайских коммунистов на Дальнем Востоке и все большее сплочение угнетенных народностей Индии, Афганистана, Персии и других стран Востока. В борьбе с мировым империализмом, идея коммунизма начинает быстро проникать во все восточные страны, которые в своих революционных движениях начинают равняться по Третьему Коммунистическому Интернационалу. 12-го сентября открылась вторая чрезвычайная конференция мусульманских коммунистов Туркестана в связи с соединением Центральной России с Советским Туркестаном. Шлем свой горячий привет Вам, источникам мировой социальной революции. Трудовое мусульманское население Туркестана все теснее сплачивается вокруг красного знамени коммунизма. Вливаясь в коммунистическую партию и в красную армию, Советский Туркестан становится революционной школой для всего Востока. К нам массами идут революционеры соседних государств, которые становятся здесь убежденными приверженцами коммунистической партии и через которых и с помощью которых мы принимаем все меры к распространению идей коммунизма на Востоке. Мы констатируем теперь правильное течение национальной политики в Туркестане, правильно поставленное на седьмом съезде Советов, довершенное и утвержденное третьим съездом коммунистической партии. Приходит конец недоверию к мусульманскому пролетариату, представители которого начинают вливаться в должном количестве в советское строительство. Положение советского Туркестана в данный момент самое устойчивое. В связи с состоявшимся соединением Туркестана с Центральной Россией конференция надеется, что центр советской России уделит Туркестану должное количество активных руководителей.

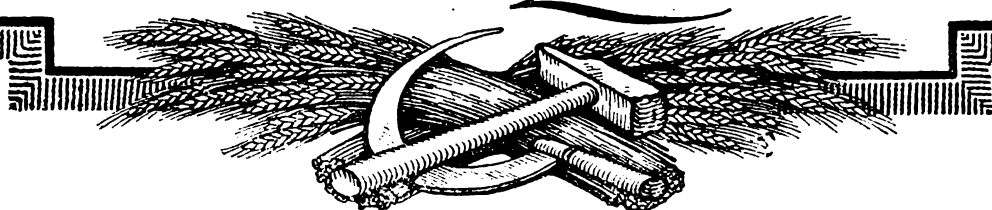
Да здравствует мировая социальная революция!

Да здравствует всемирная советская власть!

Да здравствует Третий Коммунистический
Интернационал!

Президиум Конференции: Рыскулов, Турсунходжаев, Шамансуров, Фендиев, Алиев, Юсупов.

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И БОРЬБА ЗА СОВЕТЫ.

(Циркулярное письмо И. К. Коммун. Интернационала).

Уважаемые товарищи!

Текущая фаза революционного движения в числе прочих вопросов очень резко поставила вопрос о парламентаризме. Во Франции, Америке, Англии, Германии, наряду с обострением классовой борьбы, развивается коммунистическое движение, и к нему примыкают все революционные элементы, объединяясь или координируя свои действия под лозунгом советской власти. Анархо-синдикалистские, а иногда и называющие себя просто анархическими, группы входят при этом в общий поток. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала горячо приветствует это движение.

В Франции синдикалистская группа тов. Перика образует ядро коммунистической партии; в Америке, а отчасти и в Англии, борьбу за Советы ведут такие организации, как I. W. W. (Industrial Workers of the World). Эти группы и течения всегда активно выступали против парламентских методов борьбы. С другой стороны, элементы коммунистической партии, вышедшие из недр социалистических партий, склонны, большей частью, признавать и парламентские выступления (группа Lorient во Франции, члены A. S. P. в Америке, I. L. P.—в Англии и т. д.). Все эти течения, которые во что бы то ни стало и как можно скорее должны быть объединены в рамках коммунистической партии, нуждаются в единой тактике. Вопрос, следовательно, должен быть решен в общем масштабе, и И. К. Коммунистического Интернационала обращается ко всем братским партиям с настоящим циркулярным письмом, специально посвященным этому вопросу.

Общей объединительной платформой является в настоящий момент признание борьбы за диктатуру пролетариата в форме советской власти. История поставила вопрос так, что именно на этом вопросе проводится грань между партией революционного пролетариата и оппортунистами, между коммунистами и социал-предателями, какую бы марку они ни носили. Так называемый „центр“ (Каутский в Германии, Лонге во Франции, I. L. P.

и некоторые элементы B. S. P. в Англии, Хилквит в Америке)—является, несмотря на все свои заверения, течением объективно анти-социалистическим, потому что он не может и не хочет вести борьбу за советскую диктатуру пролетариата. И, наоборот, те группы и партии, которые в прошлом отрицали всякую политическую борьбу (например, некоторые анархические группы), признав советскую власть и диктатуру пролетариата, тем самым по существу дела отказались от своей аполитичности, потому что они признали идею захвата рабочим классом власти, необходимой для подавления сопротивляющейся буржуазии. Этим, повторяем, дана общая платформа, платформа борьбы за советскую диктатуру.

Старые деления в международном рабочем движении явно изжили себя. Война произвела новую перегруппировку. Многие из анархистов или синдикалистов, отрицавших парламентаризм, во время пяти лет войны вели себя так же подло и изменнически, как и старые вожди официальной социал-демократии, все клявшиеся именем Маркса. Сплочение сил происходит по новой линии: кто стоит за пролетарскую революцию, за Советы, за диктатуру, за массовые действия вплоть до вооруженного восстания? и—кто против этого? Вот основной вопрос наших дней. Вот главный критерий. Вот по какому признаку будут складываться и складываются новые объединения.

В каком соотношении стоит признание идеи Советов с парламентаризмом? Здесь нужно строго различать два вопроса, которые логически не имеют между собой ничего общего: вопрос о парламентаризме, как о желательной форме государственного устройства, и вопрос об использовании парламентаризма в целях развития революции. Эти два вопроса товарищи часто смешивают между собой, что чрезвычайно вредно отражается и на всей практической борьбе. Разберем по очереди каждый из этих вопросов и сделаем все надлежащие выводы.

Какова форма пролетарской диктатуры? Мы отвечаем: Советы. Это доказано опытом, имеющим

мировое значение. Совместима ли советская власть с парламентаризмом? Нет, и трижды нет. С существующими парламентами она абсолютно несовместима, потому что парламентская машина воплощает концентрированную мощь буржуазии. Депутаты, палаты депутатов, их газеты, система подкупов, закулисные связи парламентских деятелей с законами банков, связь со всем аппаратом буржуазного государства, все это—цепи на ногах рабочего класса. Их нужно разбить. Государственную машину буржуазии, а следовательно, и буржуазные парламенты надо сломать, разогнать, уничтожить, организовать на их развалинах новую власть, власть классовых рабочих объединений, то есть Советов. Только предатели рабочего класса могут обманывать рабочих надеждой социального переворота „мирным путем“, через посредство парламентских реформ. Такие люди злейшие враги рабочего класса, и с ними нужно вести беспощаднейшую борьбу; с ними недопустимы никакие компромиссы. Поэтому наш лозунг для любой буржуазной страны — „Долой парламент!“ „Да здравствует власть Советов!“

Но можно задать вопрос такой. Хорошо,—вы отрицаете власть теперешних буржуазных парламентов; но почему же не организовать новые, более демократические парламенты на основе действительно всеобщего избирательного права? На это мы отвечаем: во время социалистической революции борьба настолько остра, что рабочий класс должен действовать быстро, решительно, не допуская в свой стан, в свою организацию власти классовых врагов. Таким требованиям только и удовлетворяют советы рабочих, солдат, матросов, крестьян, избранные по фабрикам, заводам, фермам, казармам. Так стоит вопрос о форме пролетарской власти. Теперь же нужно свергать правительства: королей, президентов, парламенты, палаты господ, Учредительные Собрания. Все эти институты—наши заклятые враги, которых нужно уничтожить.

Теперь мы переходим ко второму основному вопросу: можно-ли использовать буржуазные парламенты в целях развития революционной классовой борьбы? Этот вопрос, как мы сказали выше, никакого логического сродства не имеет с первым вопросом. В самом деле: ведь, можно стремиться уничтожить какую-нибудь организацию, идя в нее, „используя“ ее. Это отлично понимают и наши классовые враги, когда они используют в своих целях официальные с.-д. партии, казенные „треклятые“ и т. п. Возьмем крайний пример: русские коммунисты-большевики выбирали в Учредительное Собрание. Они сидели в его зале. Но они пришли туда, чтобы через 24 часа разогнать это Учредительное Собрание и реализовать полноту советской власти. Партия большевиков имела своих депутатов еще в царской государственной думе. „Признавала“ ли она тогда думу идеальной или даже сносной формой государственного устройства? Было бы безумием это предполагать. Она посылала туда своих представителей, чтобы и с этой стороны нападать на аппарат царской власти, чтобы способствовать уничтожению и этой самой думы. Не даром царское правительство приговорило большевистских „парламентариев“ к каторжной тюрьме за „государственную измену“. Большеви-

стские депутаты вели, пользуясь—хотя бы временно—своей „неприкосновенностью“, и нелегальную работу, спланивая массы для штурма царизма. Но такая „парламентская“ деятельность наблюдалась не только в России. Возьмите Германию и работу Либкнехта. Покойный товарищ был образцом революционера. И разве было хоть что-нибудь нереволюционное в том, что он, с трибуны проклятого прусского ландтага звал солдат на восстание против этого ландтага? Наоборот. И здесь мы ясно видим полную допустимость и полезность использования парламента. Если бы Либкнехт не был депутатом, он никогда не произвел бы такого действия. у его речей не было бы такого резонанса. Пример парламентской работы шведских коммунистов тоже убеждает нас в этом. В Швеции тов. Хеглунд играл и играет такую же роль, как Либкнехт в Германии. Пользуясь депутатским местом, он помогает покончить с парламентской буржуазной системой; никто в Швеции не сделал столько для дела революции и борьбы с войной, как этот наш друг. В Болгарии мы видим то же самое. Болгарские коммунисты с успехом используют в революционных целях трибуну парламента. На последних выборах они провели 47 депутатов. Т.т. Благов, Киров, Коларов и другие руководители болгарской коммунистической партии умеют заставить парламентскую трибуну служить делу пролетарской революции. Такая „парламентская“ работа требует особой смелости и особой революционности; здесь люди стоят на особенно опасных местах: они закладывают мины под врага, находясь в стане врагов; они идут в парламента не для того, чтобы эту машину получить в свои руки, а для того, чтобы помочь массам за стенами парламента взорвать ее.

Итак — стоим ли мы за сохранение буржуазных „демократических“ парламентов, как формы государственного управления?

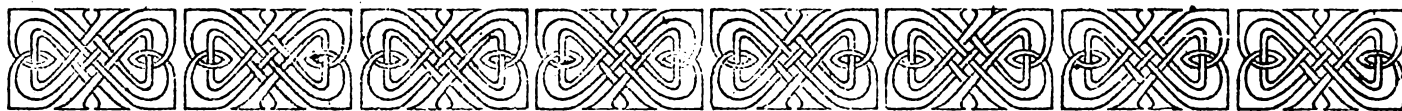
Нет, ни в каком случае. Мы стоим за Советы.

А стоим ли мы за использование этих парламентов в целях нашей коммунистической работы — пока мы не имеем сил, чтобы свергнуть парламент?

Да, стоим, — при соблюдении целого ряда условий.

Мы отлично знаем, что во Франции, Америке, Англии не было еще таких парламентариев из рабочих. Там до сих пор наблюдается картина парламентского предательства. Но это не доказательство ложности той тактики, которую мы считаем правильной; все дело в том, что там не было революционной партии пролетариата, вроде русских большевиков или немецких спартаковцев. Если такая партия есть, тогда все идет иначе. В частности необходимо: 1) чтобы центр тяжести борьбы лежал вне парламента (стачки, восстания и др. виды массовой борьбы); 2) чтобы выступления в парламенте были связаны с этой борьбой; 3) чтобы депутаты вели и нелегальную работу; 4) чтобы они действовали по поручению партийного центрального комитета и подчинялись ему; 5) чтобы они в своих выступлениях не стеснялись парламентскими формами (не боялись прямых столкновений с буржуазным большинством, говорили „через его голову“ и т. д.). Участвовать ли или не участвовать в выборах в данный момент, в данную избирательную кампанию—это зависит от целого ряда конкретных условий, которые в каждый момент надо взвешивать особо. Русские

Секретарь А. Балабанова.

ПИСЬМО СЪЕЗДУ ФИНЛЯНДСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Дорогие друзья!

От имени Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала горячо приветствую ваш съезд. Ваша партия вынуждена вести свою работу нелегально. Ваша партия родилась в борьбе не только с финляндской буржуазией, но и с финляндской белой социал-демократией, которая во всем основном поддерживает финляндскую буржуазию. Первая революция в вашей стране в 1918 г. произошла в момент, когда в Финляндии не было еще организованной коммунистической партии. Это обстоятельство сильно облегчило победу финляндской буржуазии над финляндским рабочим классом. Десятки тысяч финских рабочих перебила финляндская буржуазия. И, усевшись на горе трупов финских пролетариев, эта буржуазия теперь огнем и мечом проводит свою подлую диктатуру.

Финляндия сравнительно небольшая страна. Но в этой стране, как солнце в малой капле вод, отразилась вся острота той классовой борьбы, которая происходит сейчас во всей Европе и Америке. На примере Финляндии мы видели, как буржуазия, которой угрожает лишение власти и доходов, готова продаваться то германскому императору, то французской бирже, то английским империалистам, лишь бы только задавить поднимающийся к власти и к освобождению рабочий класс своей собственной страны. На примере Финляндии с полной ясностью доказано, что в нынешнюю эпоху обостренной классовой борьбы, переходящей в гражданскую войну, возможна только либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата. Среднее не дано. Всякая средняя, межеумочная позиция, которую в Финляндии занимает так называемый социал-демократический центр, является только поддержкой буржуазии, только водой на мельницу буржуазной контр-революции.

Ваша страна, товарищи, непосредственно не участвовала в империалистской войне. Финляндия оставалась более или менее нейтральной во время империалистской войны 1914—18 гг. И все-таки даже в этой нейтральной стране классовые противоречия обострились настолько, что в начале 1918 г. мы видели первое восстание финляндских пролетариев. То же самое происходит теперь во всем мире. Не только в Германии, в Австрии, во Франции, в Италии, т. е. в тех странах, которые

принимали непосредственное участие в войне, разыгрываются революционные события, но и в нейтральных странах, как Швейцария, как Голландия, как Швеция, как Норвегия, мы видим то же самое. Рабочий класс готовится к восстанию против буржуазии. Рабочий класс организуется для того, чтобы взять власть в свои руки, ниспровергнуть буржуазию и создать советский режим.

Вам приходится, товарищи, действовать в трудной обстановке. Победившая вас на время финская буржуазия бешено злобствует. Мстительность финляндского буржуа, который на время потерял уже, было, свою корону, а потом с помощью иностранной буржуазии вернул ее себе назад, поистине не знает пределов. Но победа за вами! Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала в этом горячо убежден. Всюду, где рабочий класс, хотя бы на короткое время, держал власть в своих руках и создал Советы, рабочий класс неминуемо еще и еще раз будет подниматься на борьбу для того, чтобы покончить с гнетом буржуазии. Недалек момент, когда финляндский рабочий класс восстанет вновь и, руководимый славной финляндской коммунистической партией, он будет свободен от всех иллюзий, он использует тяжелые уроки 1918 г. и, не колеблясь, пойдет прямо к цели.

Примите братский привет от Коммунистического Интернационала.

Да здравствует красная Финляндия! Да здравствует финляндская коммунистическая партия!

**Председатель Исполнительного
Комитета Коммунистического Интернационала**

Г. ЗИНОВЬЕВ.

3-го сентября. 1919 г.
Петроград.

К ПОСТАНОВКЕ ПАМЯТНИКА ЖОРЕСУ.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала пожертвовал 50 тысяч франков на памятник Жоресу в Париже. Деньги будут посланы через Коммунистическую Партию Франции.

ГЕРОИ и МУЧЕНИКИ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ТИБОР САМУЭЛИ.

Это имя должен знать и будет знать каждый пролетарий.

После падения советской республики в Венгрии, на ее границе погиб выдающийся молодой вождь. Мы еще не знаем точно, при каких обстоятельствах оборвалась эта драгоценная для пролетариата жизнь. Официальные известия гласили, что тов. Самуэли покончил с собой выстрелом в голову, когда его задержали жандармы Реннера и второго „Интернационала“, совсем недавно бывшие жандармами Карла Габсбурга. Возможно, что так именно и было. Тов. Самуэли — гордая, стальная натура, для которой гибель советской власти и сдача в плен живым могла казаться недопустимой капитуляцией. Быть может, он, действительно, не хотел отдавать врагам своей революционной шпаги и предпочел смерть плену. Но могло быть и другое. Разве жандармы Реннера лучше жандармов Носке? Разве Зейц и Бауер лучше Шейдемана и Барта? И если палачи Германии могли зарезать Розу Люксембург и Карла Либкнехта „при попытке к бегству“, то почему палачи Австрии не могли раз навсегда свести счеты с Тибором Самуэли?

Венгерский пролетариат может гордиться этим борцом. И совершенно понятна та бешеная ненависть, та неистребимая злоба, которую питала венгерская буржуазия к покойному товарищу. Несгибаемая воля, редкое хладнокровие, блестящее перо, кипучая энергия — вот отличительные свойства Самуэли?

Революционную школу он прошел, как и тов. Бела Кун, у нас в России, и здесь именно пишущий эти строки познакомился с ним. Раньше Самуэли был одним из редакторов центрального органа венгерской социал-демократии „Népszava“. Во время войны, будучи офицером, он попал в плен. Здесь он жил в ужаснейших условиях. Он был в Манчжурии и в Сибири. Часто ему приходилось работать в болотах и рудниках, по колено в воде, переносить тяжелые болезни. Он пытался бежать, но был задержан на шведской границе царскими жандармами. Наконец, его освободила революция.

С этих пор тов. Самуэли расправляет крылья, точно молодой орел. Редко можно встретить людей, которые бы так беззаветно отдавали все свои силы тому делу, которое сейчас двигает и перемещает исторические пласты. И любопытная черта, черта настоящего революционера: Самуэли никогда не гнушался никакой работой, хотя бы самой трудной и тяжелой, самой неприятной и „невидной“. Он с равным увлечением занимался в школе агитаторов, сидел в редакции газеты, продавая с оружием в руках контр-революционное восстание, писал брошюры, работал „Чрезвычайке“, говорил на митинге, вырабатывал программу занятий для товарищей. В любой момент он мог пустить в ход и свой маузер, с которым никогда не расставался. Человек исключительной личной храбрости, Самуэли стоял на сторожевом посту всегда.

Обычно в некрологах всегда встречается доля преувеличения. Но относительно Самуэли нельзя преувеличить. Когда я пишу эти строки, перед глазами у меня стоит милое, дорогое лицо товарища, с усталым взглядом умных зрачков и постоянной слегка саркастической улыбкой, нервное и утомленное, но в то же время энергичное лицо. Тов. Самуэли спал не больше 4—5 часов в сутки: остальное время он жил для революции.

Мне приходилось видеть много людей, самых разнообразных, в том числе революционеров почти всех стран. Но редко я встречал такую обаятельную личность, такого прекрасного товарища, каким был Самуэли. Он был во всей своей жизни образцом коммунистического рыцарства.

Самуэли погиб молодым. Несомненно, что его даровитая натура развернулась бы еще шире. Но и то, что дал пролетариату этот человек за свою короткую жизнь, не забудется никогда. Его образ, в числе других наших мучеников, будет вечно стоять на рубеже двух эпох, как символ борющегося коммунизма.

Н. БУХАРИН.

ЛЕОН ТЫШКО.

(Иогихес).

...Я познакомился с тов. Тышко на Лондонском съезде Российской Социал-Демократической Рабочей Партии 12 лет тому назад — в мае 1907 года.

Тов. Тышко тогда только что вырвался из каторги. В 1906 г. в Варшаве он был осужден царским судом на 8 лет каторжных работ за то, что руководил стачками и восстанием польских пролетариев в 1905—06 годах. Но, сидя в каторжной тюрьме, Л. Тышко успел распропагандировать солдат охраны и вместе с одним из них бежал. Прямо из каторжной тюрьмы тов. Тышко прибыл на Лондонский с'езд, где сразу занял место главного руководителя польской делегации и члена президиума всероссийского с'езда.

Тов. Тышко в это время имел уже 16 лет революционной работы за плечами. Вместе с незабвенной Розой Люксембург, вместе с тов. Мархлевским-Карским и с Адольфом Варшавским (Варским) тов. Тышко был основателем польской революционной социа - демократии. Он был одним из авторов ее программы, бессменным членом Центрального Комитета и постоянным редактором ее научного журнала и политических газет. Он был душою партии.

Но Тышко был не только польским революционером. Тов. Тышко был интернациональным социалистом в самом подлинном смысле этого слова. Он с одинаковой энергией и талантом работал, как для польских пролетариев, так и для русских и германских рабочих.

Примерно с 1910 года тов. Тышко, поселившийся в Берлине, с головой уходит в германскую работу. В это время начинается раскол между „центром“, руководимым Каутским, и „лево-радикалами“, вождем которых стала Роза Люксембург. Тов. Тышко, ближайший друг и единомышленник Розы Люксембург, становится одним из главных организаторов этой „лево-радикальной“ группы — будущих спартаковцев.

Но вот пришла война. Официальная социал-демократия предала знамя рабочего класса. Роза Люксембург и другие вожди „лево-радикалов“ — в тюрьме. Противники войны преследуются огнем и мечом. В это время тов. Тышко развивает особенно кипучую деятельность.

Чем ночь темней, тем звезды ярче...

Тов. Тышко был именно из тех людей, которые проявляют тем более самоотверженности, чем труднее обстановка. Чем больше препятствий, тем упорнее, тем настойчивее Тышко.

Тышко и внешним образом производил впечатление человека из бронзы. Настойчивость, упорство, железная воля — главные черты его характера. Когда дело идет о защите интересов пролетариата — невозможного для него не существует.

Тышко первый организует нелегальные кружки германских спартаковцев. Богатый опыт революционера-конспиратора, вынесенный им из России и Польши, пришлось как нельзя более кстати в Германии. Шаг за шагом Тышко строит германскую коммунистическую партию. Он ее главный строитель. Он — организатор по натуре — становится первым организатором великой партии германских

коммунистов. Он был для германской коммунистической партии такой же организаторской силой, как покойный Свердлов для русских большевиков.

Роза Люксембург — светлый ум германской коммунистической партии, Карл Либкнехт — ее пламенное сердце, Леон Тышко — ее железная рука.

И надо было слышать с какой любовью еще при жизни Тышко отзывались о нем германские коммунисты. Роза убита. Меринг умер. Карл погиб. Но у нас остался Леон. Он — могучий организатор со стальной выдержкой и верной, никогда не дрожащей мускулистой рукой — он стал собирателем нашей партийной „земли“, он поможет партии пережить тяжелое время...

Так говорили нам приезжавшие в Россию спартаковцы...

Я помню записочку, полученную в Москве от Тышко, вскоре после гибели Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Маленький клочок бумаги, присланный с миллионом предосторожностей. На записке — обычный мужественный, крупный и четкий почерк железного Тышко. А между тем, записка писана на следующий день после смерти Розы Люксембург и Карла Либкнехта.

„Вчера Роза и Карл сослужили последнюю службу нашему делу“. Так начинается эта записка. И больше ни слова об этом. Через одну строчку этот скупой на слова человек переходит „к делу“ — к деловым сообщениям.

Тышко был воплощением пролетарской деловитости. Он рожден был стать одним из самых крупных организаторов нового коммунистического общества.

Шейдеман и его шайка хорошо знали роль Тышко. Ищейки Шейдемана шныряли за Тышко по пятам. Много месяцев Тышко оставался неуловим для палачей германского рабочего класса. В конце марта 1919 года его, после неудачной вспышки нового пролетарского восстания в Берлине, арестовали. Шейдемановские офицеры отвезли его прямо в тюрьму, и тут же — конечно, по поручению «социал-демократического» правительства — в узеньком каменном тюремном коридорчике без всякого суда и следствия расстреляли.

Так расправляются с лучшими вождями рабочих в германской „социалистической“ республике — в стране, где Шейдеман и Каутские на все голоса кричат против террора.

Мы ничего не знаем о том, как умер Тышко. Но кто знал Тышку, тот ни на секунду не усомнится, что Тышко встретил смерть, не моргнув бровью. А когда Шейдемановские убийцы готовились спустить курок, Тышко наверное бросил им какое-нибудь такое полное презрения словечко и так посмотрел на них, что при воспоминании об этой минуте даже этих матерых убийц до последней минуты их подлой жизни будет по коже мороз подирать...

Таков был Леон Тышко, один из вождей славных спартаковцев, лучший строитель германской коммунистической партии...

Г. ЗИНОВЬЕВ.

✓ КАРЛ ЛИБКНЕХТ.

От редакции. Печатаем новую статью Клары Цеткиной, дающую беглый очерк жизни и деятельности незабвенного Карла Либкнехта.

Говоря о Карле Либкнехте, мы ни на минуту не должны забывать, что Карл Либкнехт был в Германии первым и в течение долгого времени единственным социал-демократом, осмелившимся выступить против губительного рабства партийной дисциплины, превратившейся из подчиненного средства, необходимого для проведения в жизнь активных выступлений, в могучего идола Вилли-пуцци, в жертву которому приносилась всякая активность. Мы не должны забывать, что он первый, не встречая никакой поддержки, выступал в германском рейхстаге, как социалист интернационалист, защищая тем самым истинную немецкую честь, честь немецкого социализма. Большинство социал-демократической фракции рейхстага голосовало за военные кредиты, предназначенные для братоубийственной войны; оно затемняло и отравляло сознание масс, отрекшись от социалистических идеалов и подхватив буржуазные лозунги. Оппозиция меньшинства благоразумно подчинилась большинству и молчала. Только Карл Либкнехт имел мужество выступить одиноким борцом, оставаясь верным самому себе, и бросил в лицо парламенту, бросил в лицо всему миру свое непреклонное „Нет“.

Среди бушующего против него негодования буржуазных партий, среди ругани и клеветы со стороны социал-демократического большинства, покинутый и меньшинством, он превратил рейхстаг в арену борьбы против империализма и капитализма. Он пользовался каждым случаем для того, чтобы разоблачать этих смертельных врагов пролетариата и призывать эксплуатируемые массы к восстанию против них. Эта энергичная деятельность

его продолжалась до того дня, когда рейхстаг покрыл себя позором и угодливо согласился на нарушение своего собственного права, отменив депутатскую неприкосновенность Либкнехта и выдав этого мнимого государственного изменника преисполненному ненависти к нему буржуазному классовому правосудию. Либкнехт будил жизнь вокруг себя своей мужественной неистовой борьбой. Благодаря ему, вера в социализм разгоралась ярким пламенем в пролетарских сердцах, и пролетарии воспрянули духом, готовясь к борьбе. Карл Либкнехт перенес борьбу туда, где она и должна была разрешиться, т. е. в самые массы. Он неутомимо боролся с империализмом за идеи пролетариата, отстаивая их на собраниях и в печати. И он не переставал бороться до того дня, пока буржуазное общество не отомстило своему опасному и ненавистному врагу, заключив его в каторжную тюрьму. За что? За то, что он, будучи солдатом рабочего батальона, призывал на улице пролетариев, чтобы они превратили майский праздник в грандиозную манифестацию и во имя международного социализма разбили развращающий „гражданский мир“, положили конец войне народов и смели прочь преступное правительство. Массы оказались неспособными следовать за своим ясновидящим, верным вождем. Но ни опасности, ни преследования, ни это разочарование не поколебали убеждений Либкнехта и не ослабили его готовности к борьбе. Об этом свидетельствует его замечательная, полная достоинства речь на военном суде — этот классический образец защиты политического борца, — и кроме того, это с несомненностью подтвердила вся его дальнейшая деятельность.

Клара ЦЕТКИНА.

✓ СУДЕБНЫЙ ОТЧЕТ ПО ДЕЛУ ОБ УБИЙСТВЕ КАРЛА ЛИБКНЕХТА И РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ.

Всякий, кто кричит о большевистских „зверствах“ и с восторгом и умилением восхваляет культуру героев западно-европейской демократии, должен, по нашему мнению, прочесть судебный отчет о процессе убийц Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Невозможно без глубокого волнения, без чувства жгучего негодования читать эти сухие официальные протоколы, говорящие уму и сердцу гораздо больше, чем самые пламенные речи агитаторов и многотомные труды юристов и политиков, доказывающие благотворность и справедливость буржуазного царства свободы, равенства и братства...

Военный суд, с нескрываемым благоволением относившийся к обвиняемым убийцам пролетарских вождей, всячески старался поменьше полному раскрытию всей картины преступления. Председатель суда с неослабевающей энергией устранил все, что могло пролить свет на подготовку убийства и на мотивы, руководившие преступниками. Сами убийцы на предварительном следствии бес-

совестно и нагло лгали, стараясь выгородить самих себя и извратить смысл убийства, приписав его взрыву народного негодования. Они и подкупленные ими свидетели рассказывали следователю о том, как, при появлении арестованных Карла Либкнехта и Розы Люксембург на улице, толпа солдат бросилась на них и стала избивать их прикладами, как затем, уже по дороге в тюрьму, какой-то „человек в штатском“ вскопал на подножку автомобиля и выстрелом из револьвера убил Карла Либкнехта... Но все эти гнусные измышления рассеялись, как дым, при первом же осторожном к ним прикосновении суда. Показания свидетелей с полной достоверностью установили, что убийство произошло при следующих обстоятельствах.

Карл Либкнехт и Роза Люксембург содержались под арестом в гостинице „Эден“, откуда их утром того дня, когда совершилось убийство, было приказано перевести в Моабитскую следственную тюрьму. Сопровождать

Розу Люксембург должны были обер-лейтенант Фогель, еще один офицер, фамилия которого осталась неизвестной, и три солдата. Как только Роза Люксембург вышла из дверей гостиницы, солдат-егерь Рунге бросился к ней и два раза ударил ее прикладом по голове. Она упала, обливаясь кровью и потеряв сознание. Солдаты грубо втащили ее в автомобиль, и, как только машина тронулась, неизвестный офицер ударил лежавшую без движения Розу Люксембург по голове, а обер-лейтенант Фогель в упор выстрелил в нее из револьвера. Солдат, сидевший рядом с Розой Люксембург, почувствовал, как последняя судорога пробежала по ее телу. Затем, убийцы отвезли тело своей жертвы в Тиргартен и там бросили его в пруд. Все подробности убийства Карла Либкнехта не удалось установить. Доказано лишь, что капитан фон Пфлугк-Гартунг, обер-лейтенанты Штиге и Рюттген и поручики Липман и Шульц завезли его в самое глухое место Тиргартена и там убили одним выстрелом в голову и двумя выстрелами в спину. По дороге они также, очевидно, избивали его прикладами.

Даже это краткое изложение непосредственных обстоятельств убийства заставляет нас содрогаться при мысли об участниках этого зверского злодеяния. Но взглянемся в них попристальнее. Все они, за исключением егеря Рунге, принадлежат к высшему буржуазному кругу, это — типичная „сволочь салонов“. Посмотрите, с какой развязностью они держат себя на суде. Фон Рюттген, еще совсем мальчишка, все время улыбается, отвечая на вопросы председателя, другой из бандитов со скучающим видом читает газету во время судебного разбирательства, так что даже председателю приходится указать ему на неуместность этого, третий, наконец, спокойно уплетает бутерброды в то время, как свидетель рассказывает о том, как тело убитой им жертвы было брошено в воду. О лживости этих господ мы уже говорили; кроме того, они подкупали свидетелей: когда солдаты, сопровождавшие Либкнехта, вернулись в гостиницу, убийцы-офицеры угощали их вином и папиросами; фон Пфлугк дал шоферу Пешелю „взаимы“ 500 марок и обещал дать еще, если он будет показывать „как следует“. Один из товарищей подсудимых, поручик Зандер обратился к бывшему тогда

офицером, судье Грюцнеру чуть ли не с формальным приказом оказать давление на солдат, стоявших на карауле в „Эдене“, чтобы они дали на суде ложные показания.

Если мы вдобавок ко всему этому упомянем о крайней грубости этих „культурных европейцев“ (один из них в частном разговоре рассказывал о том, что они, „как узел, швырнули“ потерявшую сознание Розу Люксембург в автомобиль, другой, стоя у дверей гостиницы и указывая на Либкнехта, кричал солдатам: „Лупите эту свинью!“) — то весь их духовный облик и участие их в преступлении станут для нас совершенно понятны. Тут нет и следа „психологической загадки“. Но как в эту среду великосветских отребьев человечества затесался рядовой солдат Рунге? Ведь, вот, другие солдаты, повидимому, только пассивно, из страха наказания, повиновались убийцам, а какой-то неизвестный солдат, стоявший на карауле у гостиницы, по показанию свидетельницы прачки Анны Вандингер, подлая упавший с ноги Розы Люксембург башмак и спрятал, сказав, что он берет его себе на память. Солдат-токарь Рунге — это самая отвратительная, самая жалкая фигура во всем процессе. Вот как описывает его наружность судебный протокол: большие, торчащие уши, несоразмерно длинные челюсти, слишком крупные зубы, строение лица и форма черепа отличаются от обычного человеческого типа. Эксперты-медики признали его субъектом духовно недоразвившимся. Вернувшись после убийства домой, он спокойно улегся спать. Он ненавидит коммунистов, по его словам, за то, что „они хотели отнять“ у него его „маленький домик“, который есть у него в окрестностях Берлина. У него есть брат — коммунист. Брат этот явился на заседание суда, и вот, увидев его в толпе зрителей, Рунге срывается со скамьи подсудимых, выхватывает у одного из солдат ручную гранату и бросается на родного брата, вопя, что он „каторжник, у которого нет родины“. И этот-то выродок, этот дикарь, выросший в каменном лесу большого города, своей предательской рукой погасил один из самых ярких светильников, освещавших путь всему человечеству.

Достойные соратники Шейдемана и Эберта!

Ю.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛИСТОВ В АМЕРИКЕ.

Как сообщает орган финских социалистов „Kansan Työ“ в номере от 22 авг., американская социалистическая партия разослала всем европейским партиям, разделяющим ее взгляды, сообщение о непрекращающихся до сих пор преследованиях социалистов. С самого начала войны американский капитализм стал преследовать социалистов с такой свирепостью, какой нельзя себе представить даже в Европе, где Америка слывет за свободную страну. В Америке все, кто не разделяет господствующих взглядов на социальный строй, признаются государственными изменниками, и правительство расправляется с инакомыслящими, как с преступниками.

На основании закона о шпионаже и других подобных же законов тысячи граждан осуждены за свои взгляды, веру и деятельность; в настоящий момент в тюрьмах томится свыше 2000 чел. таких „преступников“, приговоренных в общей сложности к 25000 лет тюремного заключения. Самое ужасное то, что обращаются с ними не как с политическими, а как с простыми уголовными преступниками.

В тюрьмах сидят многие выдающиеся члены американской социалистической партии. Мы не будем перечислять всех, кто арестован. В сообщении упоминаются имена трех хорошо известных в Европе партийных деятелей и указываются незначительные причины их ареста.

Евгений В. Дебс был четыре раза кандидатом в президенты С. А. С. Ш. от социалистической партии.

Вследствие произнесенной им во время войны речи, в которой он нападал не на правительство, а на тех лиц, которые воспользовались войной в своих интересах, сидит теперь в тюрьме, будучи приговорен к 10 годам тюремного заключения. Тов. Дебс шестидесятилетний старик и слаб здоровьем.

Миссис Нат Ричард О'Рар, состоявшая некоторое время секретарем международного социалистического бюро, мать нескольких детей, за подобное же „преступление“ приговорена к 15 годам тюрьмы.

Виктор Л. Бергер был представителем социалистической партии на конгрессе, назначен депутатом следующего конгресса, ныне приговорен вместе с другими выдающимися партийными товарищами к 20 годам тюрьмы.

В связи с этим сообщением „Kansan Työ“ упоминает о множестве партийных товарищей финнов, приговоренных в Америке ко многим годам тюремного заключения. Между прочим, сидит в тюрьме редактор Лео Луккин.

По поводу этих преследований социалистов в Америке Центральный Комитет Норвежской рабочей партии отправил президенту Вильсону телеграмму, в которой говорится, что партия присоединяется к движению протеста, требуя освобождения политических заключенных в С. А. С. Ш. В телеграмме говорится также, что преследование социалистов в Америке является позором для Америки.

Б.

32 РАССТРЕЛЯННЫХ.

(Рассказ очевидца).

Не желая обременять собой бюро помощи безработным, я и брат мой решили поступить в Республиканское Солдатское Ополчение и были зачислены в Народный Морской Дивизион. Как только начались мартовские беспорядки в Адлергофе, мы, дождавшись смены, сдали оружие и отправились домой.

Вечером 10 марта к моему брату пришел племянник наших соседей и сообщил новость, что все, кто служил в Народном Морском Дивизионе, должны явиться за расчетом утром 11-го марта от 9 до 1 часу в канцелярию дивизиона на Французской улице, 32; в канцелярии этой я до того ни разу не был. Так как работа в мастерской моих родителей опять возобновилась, то мы с братом еще 1-го марта заявили о том, что оставляем службу в дивизионе. Теперь, справившись в караульной у Имперского Банка, мы пришли к тому заключению, что нам действительно необходимо сходить в эту канцелярию на Французской улице, 32 для того, чтобы оформить наш уход из дивизиона и, согласно правил Республ. Солд. Оп., сдать наши паспорта и форменные наруканные повязки.

Утром, в девятом часу, мы вместе с братом и с еще одним товарищем, отправились на Французскую, 32. Так как время было беспокойное, то, чтобы не ходить понапрасну, брат мой, на всякий случай, справился еще в справочном бюро при местной комендатуре, на Купферграбене, и там тоже сказали, что нам надо обратиться на Французскую, 32.

Придя по этому адресу, мы сначала очень удивились тому, что, перед домом никого не было и кругом была какая-то странная тишина. Но скоро около входных дверей появились какие-то одетые в штатское люди, которые сказали нам, что касса уже открыта и показали, как пройти в канцелярию. Группой в 5—6 человек мы, не подозревая ничего худого, вошли сначала через ворота во двор, а затем стали подниматься по лестнице налево; когда мы дошли до 2-го этажа, вдруг распахнулась дверь, и навстречу нам, угрожая револьверами, бросилось 6—8 человек с криком: „Руки вверх!“ В первое мгновение мы подумали, что они шутят, но скоро убедились в том, что тут не до шуток, что мы попали в западню, специально расставленную для членов Народного Морского Дивизиона. В самом деле, как только мы переступили порог первой комнаты, целая толпа военных и штатских субъектов направила на нас дула револьверов. Серьезность положения еще сильнее подчеркивалась множеством заряженных пулеметов, расставленных в комнатах и корридорах. Вызывающее обращение с нами этих господ (ругательства, удары и толчки) также не обещало ничего хорошего. Мы чувствовали себя совершенно беззащитными, ибо при малейшем поползновении опустить руки раздавался угрожающий окрик: „Руки вверх!“

Пройдя через три комнаты и корридор, сквозь непрерывный строй направленных на нас револьверов, мы наконец, остановились в четвертой комнате, где нас, все еще не позволяя опустить руки, обыскали: искали оружия и отбирали даже перочинные ножи. Результаты обыска, особенно, что касается оружия, оказались самыми ничтожными, так как почти все явившиеся, как мне потом рассказали, сдали оружие еще 5-го марта в морской казарме оружейному мастеру. Тем, кто после этого времени стоял на карауле в Имперском Банке и у кого поэтому еще оставалось оружие, было сказано, чтоб они принесли оружие в день расчета; этим и объясняется тот факт, что 11-го марта у некоторых оказалось еще оружие. Но я

самым решительным образом протестую против сообщений газет о том, будто члены дивизиона при аресте оказали сопротивление: мы были совершенно безоружны, ничего не подозревали, и самый арест был для нас такой неожиданностью, что мы не успели даже подумать о сопротивлении. При аресте нам особенно бросилась в глаза невероятная „честность“ обыскивавших нас солдат: весь табак, все папиросы, даже деньги, бывшие у некоторых из нас, были при обыске, без всяких рассуждений „конфискованы.“

После обыска нам, наконец, позволили опустить руки. Затем, мы еще через один корридор вошли в помещение, в котором тоже были расставлены пулеметы; кроме того, с нас ни на минуту не сводили направленных револьверов. Тех, у кого оказалось оружие, отвели в особую „темную камеру“, охраняемую пулеметчиками. В темной камере находились также казначей и служащие канцелярии; у некоторых из них тоже было при себе оружие. Правда, у них были и удостоверения, выданные Носке, но это не спасло их от темной камеры. Нам велели подождать. Зная, что мы не сделали ничего дурного или противозаконного, мы думали, что, в крайнем случае, нас поведут на допрос в Моабит.

Между тем, мало по малу собралось около 300 членов дивизиона, из которых некоторые были в форме, другие в штатском. Пока мы ждали, арестовавшие нас солдаты вдруг хватились, что пропал ключ от уборной, и нам было заявлено, что, если через 5 минут ключ не будет найден, то все стоящие по близости к уборной (около 50 чел.) будут расстреляны на месте. Вообще, на угрозы не скупились, особенно главный начальник, которого солдаты называли „Господин обер-лейтенант“. Когда комната была уже почти битком набита арестованными, этот господин вошел в дверь—он был в штатском, и под обрубком изуродованной руки у него был револьвер—и крикнул караулившим темную камеру пулеметчикам, чтобы они приготовились стрелять по первому приказанию. До стрельбы, однако, дело не дошло. В двенадцать часов мы один за другим, по одиночке, должны были проходить мимо этого обер-лейтенанта, вокруг которого стояли верные правительству солдаты. Обер-лейтенант произносил одно из двух слов: „налево“ или „долой“. Здесь я должен особенно подчеркнуть, что никаких наших доводов и оправданий этот господин не слушал. Для характеристики его необходимо также упомянуть, что некоторым из арестованных он приказывал показать ему часы или кольца на руке, и если эти вещи оказывались сколько-нибудь ценными, то он произносил приговор: „долой“. Такой же приговор выпадал на долю товарищей, хорошо одетых или интеллигентных на вид.

Затем мы, по адресу которых было сказано „долой“ (нас было около 100 чел.), были заперты в маленькой комнатке. Вошел какой-то господин, повидимому из Имперского Банка, и спросил, кто из нас служит в 11-м депо и у кого есть удостоверение от Корпуса Сухопутной Обороны. Несколько человек вышло вперед, их отвели к тем, которые были приговорены „налево“. Я попытался было объяснить одному из господ начальников полную непричастность мою и моего брата к беспорядкам, но он, не слушая меня, оттолкнул меня прочь.

После этого нас под усиленным конвоем отвели в другую комнату и велели подождать. Пока мы ждали, в комнату заходили несколько офицеров, между прочим, один капитан, который в разговоре сказал (слов я точно

Тибор Самуэли.

Лео Тышко (Иогихес).
1867—1919.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ.

Мировая война была причиной позорного падения Второго Интернационала: большинство социалистических партий прекратили классовую борьбу, которую они до тех пор признавали—правда, только на словах,—и добытые ценою крови рабочих деньги пошли не на пропаганду революции, а на пропаганду братоубийства.

Убийцами рабочих, братоубийцами, стали большинство вождей Второго Интернационала, и именно они виновны в том, что миллионы людей погибли в мировой войне, что рабочий класс всего мира стонет от голода и лишений, что наши молодые, 18-ти и 20-ти летние братья-рабочие сотнями тысяч гибнут на полях сражений или на всю жизнь оставались больными и калеками, не познав ни часа свободной, самостоятельной жизни. И, тем не менее, эти „вожди“, эти покрытые позором люди опять начинают появляться на поверхности, они вновь хотят собрать воедино развалившийся Интернационал предателей, чтобы продолжать продавать рабочий класс капитализму и подавлять и предавать каждое революционное движение пролетариата. Это—главная задача желтых прихвостней капитала, собравшихся в Берне. Но это им не удастся и никогда не удастся.

Раньше других от них отвернулась рабочая молодежь,—она отомстит за преступления, совершенные над ней. Когда рабочие, оставленные на произвол судьбы их организациями, партией и профессиональными союзами, посылались воевать на войну, когда втировались военные кредиты и проповедывалось прекращение классовой борьбы,—тогда социалистическая молодежь всех стран требовала энергичных выступлений и сама организовала их. Организации молодежи поставили себе главной целью—воспитать для партийных и профессиональных организаций сознательных борцов. Их еще неослепленные шовинизмом и реформистскими стремлениями глаза лучше других видели подлое предательство дела рабочих, и они не могли оставаться спокойными зрителями того, как левое крыло партии влачило совершенно незаметное существование.

Молодежь начала очень умелую революционную агитацию между рабочими и солдатами. Там, где реакция подавляла всякую открытую работу, создавались нелегальные организации, прежде всего в Германии и Австрии.

В моей памяти навсегда сохранится день 1 мая 1916 года в Берлине, когда великий вождь и друг рабочей молодежи, Карл Либкнехт руково-

дил демонстрацией молодежи и указывал на необходимость обратить оружие против собственных германских капиталистов.

Первым выступлением молодежи в международном масштабе было устройство интернационального „Дня Молодежи“ в 1916 году; в этот день были провозглашены следующие лозунги: „долой милитаризм! солдаты вон из окопов! откажите вашим эксплуататорам в повиновении, долой социал-патриотов и шовинистов!“ Многие из наших молодых борцов в этот день были расстреляны и арестованы, патроны не жалели,—и даже в демократической Швейцарии были вызваны войска, чтобы при помощи пулеметов принудить голодную молодежь к молчанию.

Но все усилия реакции не могли погасить революционного духа в среде социалистической молодежи, движение разрасталось и принимало все более грандиозные размеры. На следующих интернациональных „Днях Молодежи“ уже наблюдалось участие сотен тысяч рабочих всех стран. Когда товарищ Мюнценберг, секретарь и вождь Интернационала молодежи, был арестован и выслан Швейцарским демократическим правительством, поднялась вся молодежь Европы и Америки.

Никто не приветствовал так восторженно и не защищал так горячо пролетарскую революцию в России с самого момента ее возникновения, как пролетарская молодежь; она неутомимо распространяла коммунистическую литературу, она создавала Советы рабочих и солдатские организации.

В ходе всей этой ее работы, молодежь подвергалась гнусной клевете социал-патриотов, которые стремились подавить ее и отдать под контроль умеренных и реформистских вождей, чтобы удерживать молодежь от „эксцессов“.

Это требование выставлялось неизменно каждый раз, когда молодежь, через головы господ соглашателей, приводила в движение массы.

Но ничто не могло запугать нашу молодежь; много наших лучших борцов, девушек и юношей 14 и 15 лет, погибли в тюрьмах, многие пали на баррикадах в Италии, сотни расстреляны палачами Шейдеманом и Носке в Германии и, наконец, многие из молодых борцов положили жизнь свою в Красной армии за дело освобождения пролетарской России.

Другие сотни тысяч составляют революционный авангард во всех странах в борьбе за низвержение буржуазии.

Сплоченными рядами поднимается интернациональная организация молодежи на смертный бой с предателями рабочего класса — с желтым Интернационалом.

Совместно с Коммунистическим Интернационалом, — вожди которого не раз поддерживали ее в

тяжелой борьбе, — молодежь поможет пролетариату добиться победы и торжества коммунизма.

И. ШТЕЙНЕМАН.

(Член Швейцарской социалистической организации молодежи).

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ.

Широкое массовое движение рабочей молодежи в России началось лишь после февральской революции. Правда, и до того, в эпоху подпольной работы социалистических партий в России, существовали кружки революционной молодежи, ставившие себе целью саморазвитие и пропаганду идей социализма среди трудовых масс. Но эти кружки, во-первых, объединяли почти исключительно учащуюся молодежь, во-вторых, вследствие условий царского времени, не могли принять характера настоящего массового движения.

В марте-апреле 1917 г. на фабриках и заводах Петрограда начали организовываться коллективы молодежи. Делалось это таким образом: созывалось общее собрание рабочей молодежи завода, на котором и выбирался руководящий орган. Что послужило поводом к созданию такого рода коллективов? С одной стороны — пример взрослых рабочих, энергично принявшихся после революции за строительство различных пролетарских организаций (партий, коллективов, клубов, кооперативов и пр.), с другой — невыносимо тяжелые условия труда молодежи на милитаризованных тогда фабриках и заводах. Представители коллективов молодежи входили в фабрично-заводские комитеты, где и защищали интересы подростков. С самого начала движение носило массовый, широкий характер.

В мае была сделана попытка объединить все коллективы рабочей молодежи Петрограда в одну организацию, но, благодаря принесенному извне нежелательному влиянию, создалась расплывчатая, аполитичная „вне-классовая“ организация молодежи известная под именем „Труд и Свет“. Эта организация, возглавляемая одним из представителей мелко-буржуазной, либеральной интеллигенции, пыталась повести за собой движение молодежи. Это ей, конечно, не удалось, и существование ее продолжалось лишь 2—3 месяца. Она рухнула под напором радикально (большевистски) настроенной рабочей молодежи, создавшей в июне свой „Социалистический Союз Рабочей Молодежи“, ставящий себе задачей развитие классового самосознания рабочей молодежи и „пропаганду среди нее идей революционного социализма“. В августе 17 г., на первой общегородской конференции рабочей молодежи, этот Союз был признан единственной подлинной организацией рабочей молодежи Петрограда.

Летом 17-го же года возникла организация молодежи и в Москве. Здесь она носила несколько иной характер, чем в Петрограде. Создалась она при Московском Комитете Росс. Соц.-Дем. Партии (большевиков) и вначале имела узкий, почти пар-

тийный характер. Массового характера, стихийности в московском движении не замечалось. Правда после резолюции 6-го Съезда Партии большевиков в августе 17 г. о юношеском движении, в которой признавалась необходимость строительства самостоятельных массовых организаций рабочей молодежи, лишь духовно связанных с партией и находящихся под ее идейным влиянием, — Московская организация молодежи реорганизовалась и превратилась из „Союза Молодежи при М. К. Р. С.-Д. П. (больш.)“ в „Союз рабочей молодежи III Интернационала“, построенный и работавший по принципам Петроградского Союза.

Мы особенно подробно остановились на истории возникновения Петроградской и Московской организаций, так как провинциальные организации строились по типу этих двух, игравших роль центров. В одних местах Союзы, как и в Петрограде, создавались стихийно, вызванные к жизни стремлением массы рабочей молодежи к организации, в других они, подобно тому, как в Москве, создавались при партийных комитетах и работали сперва в узких, почти партийных рамках.

Разгоревшаяся в России острая классовая борьба, бешеный темп революции, превращавшейся из буржуазно-демократической в пролетарскую, захватывали сознательную часть рабочей молодежи, мешая планомерному организованному развитию юношеского движения. Организации рабочей молодежи, создаваясь в различных городах России, работали самостоятельно, не имея почти никакой связи между собой. Кое-какую роль связывающих центров играли лишь, как мы уже указывали, Петроград и Москва.

В политическом отношении движение рабочей молодежи в России сразу пошло под лозунгами большевизма. Да оно и вполне понятно. Урезанная, соглашательская, боязливая тактика правых и центра не могла быть по душе рабочей молодежи. Революционная по самой своей сущности, живая, готовая к борьбе рабочая молодежь, естественно легче всего восприняла революционную, чисто классовую тактику большевиков.

Преследование буржуазии, ее наветы на подлинную рабочую партию делали последнюю еще ближе рабочей молодежи. В августе 17 г., в момент самой ожесточенной травли большевиков со стороны буржуазии и социал-соглашателей, в момент господства клики социал-буржуазных демократов и, кажущегося разгрома революционной рабочей партии, рабочая молодежь Петрограда на первой своей общегородской конференции шлет горячее приветствие заточенным и вынужденным скрываться вождям партии, товарищам Ленину,

Зиновьеву, Троцкому и Луначарскому, шлет проклятие предающим революцию меньшевикам и эсерам. В Москве, как мы уже указывали, организация создавалась непосредственно при Московском Комитете партии большевиков и принимала деятельное участие в партийной работе. То же было и в провинции. Всюду рабочая молодежь шла за революционной партией пролетариата, за большевиками.

Большинство организаций рабочей молодежи в России работало совершенно самостоятельно. Это имело и свои хорошие и плохие стороны. Хорошие—в том смысле, что молодежь приучалась к самостоятельной работе, привыкала к проявлению активности. Плохо было то, что в своей работе она не имела почти ниоткуда ни помощи ни поддержки, а это, конечно, отражалось на всем движении. Партия была всецело поглощена политической борьбой и обще-организационной работой, и, несмотря на указанную выше резолюцию 6-го Съезда, существенной помощи движению не оказывала.

После октябрьской революции движение молодежи еще более оживилось. К январю 18 года в одной только Петербургской организации насчитывалось около 16000 молодых рабочих. Имелись свои клубы, районы, фабрично-заводские ячейки. В движение начала втягиваться и крестьянская молодежь. В деревнях стали создаваться социалистические Союзы крестьянской молодежи, ставившие себе, главным образом, просветительные цели. Стали созываться Губернские Съезды и конференции молодежи, на которых как городские, так и деревенские организации объединялись в один Союз. На Урале и в Петрограде создались даже областные объединения, охватывавшие по несколько губерний.

Чем шире росло движение, тем все больше чувствовалась необходимость его объединения. Последнему мешали общие тяжелые условия жизни первой в мире Советской Республики. Наконец, в октябре 1918 г., больше, чем через полтора года после начала движения, удалось созвать в Москве первый Всероссийский Съезд организаций рабочей и крестьянской молодежи. Съезд был созван Московской и Петроградской организациями. Съезд продолжался с 29 октября по 4 ноября 1918 г. В нем участвовало около 200-х делегатов, представлявших 21000 членов организаций. Важнейшим результатом Съезда было создание единого Российского Коммунистического Союза Молодежи и Всероссийского Центра.

После съезда движение усилилось еще более. Партия стала обращать на него серьезное внимание. На многих губернских и уездных Партийных Съездах выносились резолюции о поддержке Союза. Наконец, 8-й Партийный Съезд в марте 1918 г. признал работу среди молодежи чрезвычайно важной, существование Росс. Комм. Союза Молодежи необходимым и полезным и постановил оказывать ему всяческую поддержку.

В настоящее время Союз насчитывает около 1500 организаций, с общим количеством членов в 80—90 тысяч. Самыми крупными, по числу организаций, губерниями являются Московская, Владимирская и Вятская. В первой из них насчитывается 200 организаций, во второй 163 и в третьей 120.

Из городских организаций лучше всего поставлена Петроградская. В ней сейчас около 6000 членов, имеется 14 районов со своими клубами, собственными помещениями и т. д. В 21-й губернии имеются губернские Комитеты, выбранные на губернских Съездах и руководящие местной работой. В 12-ти губерниях работой руководят специальные Бюро, выделенные губернскими и городскими организациями. Имеется также много уездных объединений. Сильно развивается движение молодежи в освобождаемых сейчас местностях Урала и Сибири; точных сведений о количестве организаций там в настоящую минуту еще нет.

Имеются Союзы молодежи и в окраинных Советских Республиках. Имелись Союзы на Украине, в Латвии, в Литве и Белоруссии. Во всех этих республиках были свои Съезды, создавшие свои объединения. Коммунистический Союз Рабочей молодежи Украины, созданный на Съезде в Киеве в конце июня с. г., насчитывал свыше 10000 членов. Сейчас все эти Союзы ушли в подполье и ведут нелегальную работу по пропаганде идей коммунизма. Союз на Украине принимал во время оккупации деятельное участие в революционной пропаганде среди немецких и англо-французских солдат. В организационном отношении все эти Союзы (за исключением союзов Латвии) являются частью единого Росс. Комм. Союза Молодежи; их Центральные Комитеты являются областными центрами. Р. К. С. М.

Кроме выходящего в Москве Центрального органа Союза „Юный Коммунист“, имеется еще 15 журналов молодежи. Самый старый, и наиболее аккуратно выходящий журнал это — орган Петроградской организации — „Юный Пролетарий“. К сожалению, недостаток бумаги и плохие технические условия не дают возможности развиваться широко союзной печати. За последнее время стали возникать — „странички молодежи“ в партийных органах. Таких страничек во всей России насчитывается свыше 30-ти. Центральный Комитет имеет три еженедельные странички: в центральном органе Партии „Правде“, в деревенской газете Партии „Бедноте“ и в Бюллетене Росс. Телеграфн. Агентства („Роста“).

В Союз входит сейчас молодежь от 14 до 23 лет. Преобладает, главным образом, возраст от 16 до 20 лет. В последнее время в Союз влились недавно возникшие и существовавшие раньше отдельно коммунистические организации учащейся молодежи. Коммунистическое движение среди последней очень слабо, и она сравнительно слабо представлена в Союзе. Громадная масса членов Союза состоит из рабочей и крестьянской молодежи.

Взаимоотношения с Партией сложились теперь следующим образом. Союз, признавая программу и тактику Партии, является организацией автономной и работает под контролем центра и местных Комитетов Партии. Центр Союза подчинен центру Партии; местные же организации только контролируются Партией. И Союз и Партия помогают друг другу в своей работе. Все члены Партии до 20 лет обязаны входить в Союз и работать в нем.

Финансируется Союз Народным Комиссариатом Просвещения. Все, что у нее есть лучшего, рабоче-крестьянская власть предоставляет молодежи.

С самого начала своего возникновения юношеское движение в России считало себя частью единого международного движения рабочей молодежи. Первая конференция рабочей молодежи Петрограда в августе 17 г. объявила союз входящим в Интернационал Молодежи. Московская организация в октябре 1917 г. живо откликнулась на, к сожалению, слишком поздно дошедший до России призыв международного юношеского бюро об организации дня протеста молодежи против войны.

На 5-ое октября этого года назначен 2-й Всесоюзный Съезд Союза. Ему предстоит разрешить целый ряд коренных вопросов, касающихся не только Союза, но и всей трудящейся молодежи. Съезд покажет результаты годовой работы Союза, подведет итоги, наметит дальнейшие пути. Мы надеемся, что после второго Съезда Союз станет еще более могучим и крепким, будет одним из передовых отрядов создающегося сейчас Коммунистического Интернационала Молодежи.

РЫВКИН (О. СКАР).

**ЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ШВЕЙЦАРСКОМ ДВИЖЕНИИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.**

Буржуазная пресса ведет систематическую травлю иностранцев, и националистически настроенная масса мелкого мещанства легко поддается этой пропаганде, становясь покорным орудием в руках сознательных шовинистов. Происхождение этой враждебности к иностранцам не трудно понять. Швейцария была в течение многих лет главным местопребыванием русских революционеров. Здесь жили Ленин, Троцкий, Зиновьев, Радек, Бронская, Харитонов, Балабанова, немец Мюнценберг, итальянец Швейда и целый ряд других революционеров. Все они принимали деятельное участие в движении и, конечно, немало способствовали распространению в швейцарских рабочих массах идей революционной, социалистической рабочей борьбы, столь ненавистных швейцарской буржуазии.

Власти воображали, что достаточно лишь удалить этих иностранцев и закрыть доступ в Швейцарию всем революционным социалистам, и тогда снова наступит мир и спокойствие, и „распропагандированные“ рабочие опять покорно наденут на себя ярмо капиталистической эксплуатации: раз не будет в стране „бессовестных агитаторов“, то исчезнет, конечно, и искусственно вызванное ими среди рабочих недовольство. Этот несложный расчёт оказался, однако, совершенно ошибочным. Капиталистическая эксплуатация в Швейцарии

Тем не менее, швейцарские власти продолжают вести свою неумную политику высылки, арестов и конфискации газет и брошюр. Свирепость полиции особенно усилилась после так называемого „цюрихского восстания“, происходившего в ноябре 1917 года, когда был арестован весь Центральный Комитет Союза Молодежи (состоявший из 7 лиц); полиция совершенно потеряла голову, арестовав, например, около 100 человек только за то, что некоторые из них бывали в книжной лавке Союза Молодежи. Мюнценберг, Тростель, Мартэ и Бухер также были арестованы, и им было предъявлено обвинение в организации восстания. Мюнценберг и Тростель, просидев 2 1/2 месяца, были освобождены. Затем Союзный Совет постановил выслать Мюнценберга из Швейцарии. Решение это, как известно, вызвало бурю негодования во всем мире, и, благодаря этому, высылка была заменена интернированием, начавшимся 8-го июня и закончившимся тем, что Мюнценберг сам ходатайствовал о высылке его в Германию, когда там началась ноябрьская революция.

Среди товарищей, которым за последние два года чаще всего пришлось сидеть в тюрьмах, находится Жюль Эмбер-Дроз, стоящий во главе движения молодежи во французской Швейцарии; он в несколько приемов был приговорен в общей сложности к 14 месяцам тюремного заключения. Эмбер-Дроз — видная фигура, служащая украшением швейцарского революционного движения. Он очень напоминает известного в Швеции Спакка, был раньше священником, но снял рясу вследствие конфликтов с князьями церкви. Надо сказать, что

вообще участие священников в революционном движении — не редкость в Швейцарии; председатель Швейцарского Социалистического Бююза Молодежи, Фриц Либ, тоже недавно сдал экзамен на пастора, но вместо того, чтобы заняться спасением душ для церкви, он посвятил свои силы революционной, социалистической работе. Эмбер-Дроз и Тростель в Цюрихе, Либ и Арнольд в Базеле привлекаются сейчас по трем-четырем различным делам каждый, но это нисколько не угнетает их, напротив, — все они заявляют, что эти преследования лишь усиливают боевое настроение и в них самих и в широких кругах остальных товарищей.

Мы приехали в Швейцарию, главным образом, для того, чтобы принять участие в съезде Союза Молодежи в Ольтене. Съезд открылся в маленькой комнатухе одного из кафе в Народном Доме. Несмотря на тесноту помещения, противоречившую всем нашим скандинавским понятиям об удобстве, мы сразу же почувствовали что-то семейное и уютное во всей обстановке: было очень жарко, и участники съезда снимали пиджаки и жилеты, что придавало еще более интимности всей картине. Большинство делегатов съезда были моложе тех товарищей, которые обыкновенно выбираются на наши, скандинавские съезды, но в их среде были и товарищи с солидными бородами, так что в общем съезд, по своему внешнему виду, не так уже сильно разнился от наших съездов.

Съезд приступил к работам в субботу вечером 19-го июля, причем в первую голову подверглись обсуждению доклад Центрального Комитета и ряд административных и практических вопросов. Что касается внутренней сплоченности, устойчивости, а также числа членов, то швейцарский союз стоит далеко позади наших скандинавских союзов, да и вообще не может быть сравниваем с нашим движением. В швейцарском союзе всего только около 4000 членов, издательская деятельность тоже незначительна, собственной типографии у швейцарских товарищей тоже нет, тогда как мы давно уже с полным основанием гордимся нашей типографией. Объясняется это, прежде всего, полицейскими преследованиями, постоянными конфискациями и запрещениями органа союза, но в значительной степени виновата в этом и децентрализация, господствующая в самом движении: ее вредное влияние особенно чувствительно отражается на издательской деятельности и на работе по распространению союзного органа. Так, например, здесь существуют особые органы для отдельных кантонов и даже для отдельных секций. Заведывание издательством находится одновременно в руках двух центров, цюрихского и базельского.

Правда, работа швейцарских товарищей весьма затрудняется многоязычием швейцарского населения: громадное большинство говорит по-немецки, часть говорит по-французски, в некоторых кантонах южной Швейцарии говорят по-итальянски; кроме того, существует еще область романского языка (остаток древне-латинского), это — окрестности Хура и Энгадина. Наконец, к этому необходимо еще прибавить, что в немецкой Швейцарии говорят на особом швейцарском диалекте, который почти невозможно понять даже человеку, хорошо знающему немецкий язык. И, несмотря на эту пе-

строту, вы не услышите в Швейцарии никаких споров по вопросу о языке. Этим Швейцария выгодно отличается и от Финляндии и от Норвегии.

Во французской Швейцарии движение молодежи пустило уже довольно глубокие корни, молодежь издает собственную газету под редакцией Эмбера-Дроза. Напротив, — в итальянской Швейцарии все попытки организации секций до сих пор не привели ни к чему.

Но, если при ознакомлении с швейцарским движением молодежи, мы неизбежно наталкиваемся на некоторые слабости и замечаем симптомы детских болезней, от которых мы сами давно уже благополучно избавились, то, с другой стороны, мы не можем не выразить своего восхищения по поводу пропагандистской деятельности маленького швейцарского союза. Этой своей деятельностью наши швейцарские товарищи до того перепугали швейцарских буржуев, что те всеми средствами стараются положить конец этой пропаганде, вопя о ее разрушительном влиянии на общество.

Сделав это небольшое отступление, вернемся опять к съезду. Товарищи из французской Швейцарии постановили внести на съезде предложение о том, чтобы Союз Молодежи содействовал вооружению пролетариата. Узнав об этом, буржуазная пресса повела яростную агитацию против съезда. Некоторые газеты требовали запрещения съезда, другие настаивали на необходимости арестовать всех делегатов и т. д.

Власти, однако, решили подождать до тех пор, пока вопрос о вооружении рабочего класса не будет поднят на съезде.

В воскресенье съезд перешел к обсуждению этого вопроса. Секретарь союза, Эмиль Арнольд прочел прекрасный, в высшей степени логичный и ясный доклад, доказывающий необходимость вооружения. После доклада должны были начаться прения, но в этот момент вошли два сыщика, находившихся в соседней комнате, и объявили съезд закрытым. Велики были возмущение и негодование, вызванные этим наглым заявлением. Несколько товарищей выразили готовность немедленно же вышвырнуть обоих Шерлок-Холмсов за дверь, но им предложили сохранять спокойствие. Началось оживленное обсуждение вопроса, следует ли съезду подчиниться грубому предписанию полиции. Страсти во время этого обсуждения разгорались все больше и больше, и несчастным полицейским пришлось выслушать немало нелестных комплиментов. Наконец, было решено продолжать занятия съезда, но в более спокойном месте, а именно — в горах. Полицейские с самым жалким видом оставили помещение, осыпаясь насмешками и ироническими замечаниями участников съезда.

Затем мы все направились в горы, и прерванное заседание возобновилось, после того как со всех сторон были расставлены патрули, которые должны были дать сигнал при появлении врага. Часа через два, действительно, показалась полиция, но шла она в горы, очевидно, с большой неохотой. Патрули сообщили об этом съезду, и после короткого совещания военный совет решил перейти еще выше в горы, и здесь удалось вполне беспрепятственно закончить работы съезда. Предложение о вооружении пролетариата было принято единогласно, так что полицейским ищейкам, снова при-

близившимся к нам, не удалось помешать обсуждению этого вопроса и пришлось уйти с длинным носом. С пением, в самом веселом настроении вернулись участники съезда в город.

Так закончился этот оригинальный съезд. Мы расстались с швейцарскими товарищами с вполне определенным чувством, что их ожидают новые преследования по поводу постановлений съезда, но

вместе с тем и с твердой уверенностью в том, что — что бы ни случилось — они не падут духом и будут все так же мужественно стремиться к нашей общей цели, сокрушая на своем пути все препятствия.

О. С.

(Шведский Коммунист).

ОБЩЕСКАНДИНАВСКИЙ КОНГРЕСС РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ.

В воскресенье 17-го августа в Хиллереде, в Дании, в первый раз собрались на общий конгресс представители революционно-социалистической молодежи трех скандинавских стран. Орган датского социал-демократического союза молодежи „Fremad“ (Вперед), в приветственной статье, посвященной конгрессу, упомянул о том, что в течение веков бесчисленные узы связывали скандинавские страны. „Фредериксборгский замок в Хиллереде был резиденцией предпоследнего из датских королей, господствовавших и над обоими берегами Зунда и над скалистой Норвегией. Предпоследнего! Нити оборвались! Ибо они были сотканы властолюбием, жадой золота, нетерпимостью. Сердца народных масс оставались безучастны, и поэтому нити, связывавшие наши страны, оказались слишком слабыми“. Теперь в этом историческом месте собрались, по выражению „Fremad“, „представители рабочей молодежи, представители народа, носители будущего, собрались для того, чтобы связать народы Севера новыми узами товарищества, братского согласия и любви“.

Скандинавский конгресс открылся в помещении, роскошно убранном цветами и красными знаменами. В конгрессе участвовало 80 делегатов с решающим голосом: 30 от Дании, 20 от Норвегии и 30 от Швеции, и, кроме того, несколько датских товарищей с совещательным голосом.

Датский товарищ Эрнст Христиансен приветствовал конгресс от имени скандинавского секретариата. „Мы собрались — сказал он, между прочим, — на первый общескандинавский съезд молодежи на рубеже между старым и новым временем. В этом зале находятся сейчас представители 50.000 молодых рабочих-социалистов, примкнувших к новому, третьему Интернационалу — Интернационалу действия“.

Затем был пропет „Интернационал“, и А. Д. Генриксен продекламировал приветственный пролог, после чего Е. Олаусен и Свен Линдерот передали конгрессу приветствия от норвежских и шведских гостей.

Была прочитана телеграмма от Отто Гримлунда, который, прибыв в Копенгаген 16-го августа, был арестован датской полицией и, после грубого надругательства, выслан из Дании. Конгресс постановил выразить решительный протест против этого насилия, сообщив об этом протесте по телеграфу министру юстиции Цале и министру Стаунингу.

В президиум конгресса были выбраны Эрвиг (Дания), Линдерот (Швеция) и Олаусен (Норвегия);

Главным секретарем был выбран Хелльберг (Дания). Кроме того, были избраны по два секретаря от каждой из стран: Силлен и Викстен от Швеции, И. Ларсен и Оскар Торн от Норвегии, Ганс Йенсен и Гоноре от Дании.

Затем были выбраны две комиссии. Одна по вопросу об общескандинавской работе; в нее вошли Нильс Флюг и Йоган Норд от Швеции, Эдегорд и Лева от Норвегии, Эдв. Йенсен и Хр. Христиансен от Дании. В „принципиально-тактическую“ комиссию были выбраны шведы: З. Хеглунд, Марта Ларссон и Эйнар Адамсон, норвежцы: Олаусен, Ойсанг и Сэтер, датчане: Йог. Эрвиг, Р. Гансен и В. К. Нильсен.

Первым докладчиком конгресса был М. Транмель. Свой интересный доклад о рабочем движении и движении молодежи в Норвегии он закончил горячим призывом к рабочей молодежи посвятить все свои силы революционной работе для того, чтобы революционные течения восторжествовали в скандинавском рабочем движении.

Затем конгресс перешел к обсуждению вопроса об общескандинавской работе. Эрнст Христиансен прочел выработанный комиссией проект правил совместной работы.

Дебаты по этому вопросу открылись речью Олаусена, после него выступал еще целый ряд товарищей. Все ораторы в общем были согласны с проектом комиссии о формах общей деятельности трех Союзов Молодежи, и проект этот, после внесения некоторых несущественных поправок, был принят в виде следующей резолюции:

„Мы ставим себе целью установить более интимное сотрудничество между организациями молодежи, стоящими на почве Интернационала Молодежи, для достижения большего единства и усиления нашей боеспособности как в принципиальном и политическом, так и в организационном отношении.“

1) Учреждается скандинавский секретариат в составе 1 секретаря и 2 членов, так что в секретариат будет входить по одному представителю от каждой из трех стран. Кроме выполнения задач, указанных ниже, секретариат должен всемерно заботиться о поддержании постоянных сношений между примыкающими к секретариату союзами, снабжая для этой цели надлежащим информационным материалом органы всех союзов и вообще всю партийную прессу. Каждая страна выбирает отдельно своего члена секретариата, а секретариат сам уже — с утверждения соответственного союза — избирает из своей среды главного секретаря, который избирается на год.

2) Если во всех трех странах или в какой-нибудь одной из них возникает какой-либо имеющий большое значение политический или общественный вопрос, то секретариат подвергает егоустному или письменному обсуждению и в случае надобности созывает общескандинавский конгресс или конференцию.

3) Скандинавские конгрессы молодежи должны устраиваться не реже, чем раз в 1½ года, но по возможности каждый год. В тот год, когда не созывается конгресс, должна быть созвана конференция.

4) Каждый из союзов делегирует на конгресс по 3 представителя от каждой тысячи членов, причем, однако, ни один союз не может быть представлен на конгрессе больше чем 2/5 общего числа делегатов.

5) На конференцию каждый союз имеет право посылать по 3 представителя от 10.000 членов (ср. § 4).

6) Для покрытия расходов секретариата каждый союз уплачивает, по возможности, не менее 1 эре за каждого своего члена в год. Если сумма эта окажется недостаточной, то секретариату предоставляется право обложить союзы чрезвычайным взносом не свыше 10 эре на каждого члена в год.

7) Каждый год устраиваются большие совместные митинги.

8) Клубы и отделения союзов должны, по возможности, устраивать летом для своих членов экскурсии в другие скандинавские страны.

9) Союзы должны не реже раза в год организовать агитационные поездки в соседние страны.

10) Каждый клуб должен выписывать не менее 2 экземпляров каждого органа союзов других двух стран. Органы выписываются на имя председателя клуба, но затем передаются для чтения в комитет и прочим членам клуба.

11) Каждый год должен быть устраиваем день социалистической молодежи во всей Скандинавии. В этот день все клубы устраивают собрания с речами о движении молодежи во всех скандинавских странах и производят сбор на дело общескандинавского объединения.

Кроме того, был поднят вопрос об общескандинавской рабочей школе; конгресс поручил секретариату разработать этот вопрос и представить доклад следующему конгрессу. Далее, конгресс поручил секретариату вступить в переговоры с издательствами отдельных союзов для организации сотрудничества между ними.

На этом закончился первый день заседаний конгресса.

Вечером состоялась вечеринка с пением, музыкой и т. д. Сильное впечатление произвело на собравшихся стихотворение Нермана о Розе Люксембург и Карле Либкнехте, продекламированное С. Янсоном.

В понедельник заседание конгресса открылось докладом Нильса Флюга о просветительной работе. Докладчик прежде всего выразил глубокое сожаление о том, что норвежский товарищ Арвид Р. Гансен, который, собственно говоря, должен был представить доклад по этому вопросу, лишен был возможности прибыть на с'езд. Затем он обрисовал просветительную деятельность шведских товари-

щей. В Швеции существует особый Просветительный Рабочий Союз. Наибольшее число кружков, устроенных этой организацией, приходится на долю Шведского Союза Молодежи: число это, по последнему отчету П. Р. С., достигает 260. Результаты, достигнутые до сих пор, по мнению докладчика, все же следует признать недостаточными. Во-первых, просветительная работа страдает еще некоторыми организационными недостатками; во-вторых, добрая половина членов Союза Молодежи еще не входит в просветительные кружки. Надо надеяться, что в будущем удастся исправить эти недочеты.

Следовало бы также устроить курсы лекций по всей стране, во всех округах, для товарищей, делегируемых всеми клубами Союза.

„Просветительная деятельность, сказал докладчик в заключение, должна быть признана одной из самых важных наших задач“. Он указал далее на то, каким сильным оружием является просветительная работа в руках оппозиционной группы, в виду того, что рабочее движение до сих пор в значительной степени опиралось на веру в авторитеты. Затем он подчеркнул, что революционное рабочее движение весьма нуждается в просвещенных специалистах из рабочей среды. „Мы живем в великое время, нам предстоит взять на себя разрешение сложных и трудных задач, и поэтому мы должны путем надлежаще поставленной просветительной деятельности готовить себя к умелому выполнению этих задач“.

Гаральд Иенсен (Дания): „В такие эпохи, как нынешняя, к каждому мыслящему человеку предъявляются особенно строгие требования. Знание социализма во всех его подробностях обязательно для каждого организованного рабочего. Мы должны изучать социализм, историю и технику.“

Не следует, однако, насильно принуждать товарищей к вступлению в просветительные кружки. Участие в них должно быть добровольным. Работа поэтому должна быть направлена на пробуждение интереса к просвещению среди товарищей. Необходимо работу эту поставить как следует. Необходимо заручиться хорошими руководителями для кружков. В просветительных кружках должны вестись беседы, а не дискуссии“.

После выступления еще нескольких ораторов, конгресс перешел к следующему пункту порядка дня, к вопросу об Интернационале Молодежи.

Докладчиком по этому вопросу выступил Е. Олаусен, изложивший в кратких словах историю развития Интернационала Молодежи и результаты его политической и организаторской работы. Политическая работа молодежи ведется теперь во всем мире на основе принципов III-го Интернационала, и борьба групп меньшинства, оказывающих в некоторых отдельных странах сопротивление этому развитию, становится все более и более безнадёжной. Докладчик упомянул о предстоящем международном конгрессе молодежи. „В высшей степени важно, сказал он, будить и углублять в рабочих массах интерес к международным событиям, ибо события эти могут иметь решающее значение для наших собственных стран: если капиталистическая реакция одержит победу над Россией, то она возьмет верх во всей Европе и согнет в бараний рог рабочий класс.“

Прения по этому вопросу решено было отложить, выслушав сначала доклад о демократии и диктатуре. Докладчик, член датской верхней палаты К. К. Стейнке изложил свое мнение по этому вопросу, сводившееся к тому, что исторический опыт, а также моральные и этические соображения говорят за демократию и против диктатуры. Впрочем, он заявил, что при известных условиях признает необходимость и диктатуры и революции; но в таком случае диктатура должна быть лишь переходной стадией; ибо диктатура это — насилие, а насилие в свою очередь порождает насилие, вызывая войну, которая делает невозможным построение социалистического общества.

Затем З. Хеглунд вкратце обрисовал позицию II-го Интернационала и его развитие со времени начала мировой войны. Он указал на то, что буржуазное общество основано на диктатуре меньшинства, о чем свидетельствуют ограничения избирательного права и пр. Большевизм и III-й Интернационал не стремятся к диктатуре меньшинства рабочего класса, но считают, что власть должна и может быть захвачена большинством организованного рабочего класса. В России, при диктатуре пролетариата, избирательное право в действительности шире и демократичнее, чем избирательное право в какой бы то ни было капиталистической стране. В России всякий, участвующий в производственном, административном, создающем ценности труде, имеет право голоса. Таким образом, автоматически, сама собой упраздняется диктатура, и вводится истинная, социальная демократия.

Что такое II-ой Интернационал? Это партия бессильная, презираемая капиталистами Антанты за то, что она только говорит, а не действует, за то, что она не в состоянии пустить в ход средства, необходимые для победы рабочего класса. Для молодых социалистов выбор между II-м и III-м Интернационалом должен быть очень легок. Они должны присоединиться к Интернационалу действия.

После этого начались интересные прения, в которых, кроме Хеглунда и Стейнке, принимали участие Олаусен, Генриксен, Хелльберг, Гансен, Ойсанг и Транмель.

Этими прениями закончился второй день конгресса.

Вечером участники конгресса предприняли увеселительную поездку в Неддебо.

Следующий день был посвящен в высшей степени важным принципиально-тактическим дебатам. В начале заседания Эрнст Христиансен огласил следующий проект резолюции, выработанный комиссией:

„Первый скандинавский конгресс социалистической молодежи выражает свою радость по поводу принципиальной твердости, проявленной всем Интернационалом молодежи во время войны, а также по поводу той, все возрастающей определенности, с которой решения конгрессов и конференций скандинавских союзов молодежи свидетельствуют о полном признании рабочей молодежью принципов революционной классовой борьбы. Конгресс заявляет, что, по его мнению, Интернационал молодежи должен стоять на платформе III-го Интернационала, что рабочая молодежь путем уси-

ленной агитационной работы должна быть ознакомлена с применением тех средств борьбы и тех форм организации, которые указаны в основных принципиальных и практических тезисах III-го Интернационала“.

„Эта резолюция, сказал Христиансен, стремится сплотить скандинавскую молодежь вокруг ясной социалистической платформы. Здесь, сегодня мы должны установить основные принципы, предоставив затем уже каждому из союзов принять для себя то или иное решение. Наше место должно быть в рядах III-го Интернационала“.

Хелльберг открыл дискуссию, прочтя телеграмму о том, что швейцарская партия решила вступить в III-й Интернационал.

Р. Гансен заявил, что он согласен с большинством в том, что следует бороться против милитаризма. Он против того курса, которого придерживается социал-демократия, и полагает, что надо, оставаясь в партии, стараться изменить этот курс, направляя его влево.

Далее, он сообщил, что меньшинство решило не голосовать ни за присоединение к III-му ни за присоединение ко II-му Интернационалу. Громадное большинство организованных датских рабочих, по его словам, стоит на почве II-го Интернационала.

После этого оратора говорили Ойсанг и Иенсен, поддерживавшие резолюцию, а также Хельдрос, Силлен и Хелльберг.

Прения продолжались весь день. Меньшинство энергично отстаивало свою странную точку зрения, но завоевать новых сторонников ему так и не удалось. Конгресс принял приведенную выше резолюцию комиссией большинством 68 голосов против 5.

От имени участниц конгресса Марта Ларссон внесла следующую резолюцию, которая и была принята единогласно.

„В борьбе классов, которая с каждым днем становится все ожесточеннее и в которой мы, рабочие, должны напрячь все силы для того, чтобы добиться победы, мы не должны забывать, что в наших массах находятся также и женщины.“

Мы сознаем всю важность настоящего момента, мы знаем, что наши противники мобилизуют свои отряды и напрягают все свои силы для подавления того движения, которое развивается все больше и больше, угрожая самому существованию капиталистической диктатуры.

Мы должны также помнить, что, пока весь рабочий класс, без различия пола, не примет участия в этой борьбе за классовые интересы, не может быть и речи о доведении этой борьбы до победного конца.

Поэтому конгресс выражает свое глубокое убеждение в том, что одной из задач движения молодежи должно быть установление еще более интимного, чем до сих пор, сотрудничества с соответственными женскими организациями для самой энергичной совместной агитационной и просветительной работы среди женщин“.

После заключительных речей Олаусена, Викстена, Эрвига и Христиансена конгресс был объявлен закрытым, и участники его разошлись с пением „Интернационала“.

СЪЕЗД АМЕРИКАНСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ.

4-го мая закончился конгресс Американского Союза Молодежи. Из решений, принятых съездом, следует прежде всего отметить резолюцию о Бернском съезде II-го Интернационала. Резолюция эта, называющая Бернский съезд „буржуазным собранием, не имеющим ничего общего с социализмом“, констатирует банкротство II-го Интернационала и признает необходимость немедленного же основания нового пролетарского красного социалистического Интернационала. Затем, конгресс принял резолюцию, требующую отозвания американских войск из России, резолюцию об организации профессиональных союзов по производствам и резолюцию против так называемого „конгресса по амнистии“, подчеркивающую, что надо требовать, а не про-

сить амнистии. Наконец, был принят ряд решений по вопросам агитации и организации союза.

На конгрессе состоялись выборы нового председателя Союза Молодежи. Вместо сложившего свои полномочия Уильяма Крузе, приговоренного в первой инстанции за агитацию к 20 годам тюремного заключения, председателем был избран Оливер Карлсон, известный в кругах рабочей молодежи своей преподавательской деятельностью в рабочей вечерней школе в Детройте, а также как талантливый оратор и журналист.

Американский Союз Молодежи издает свой орган „The Young Socialist's Magazin“, выходящий в 4500 экз., и ведет энергичную агитационную работу.

Ф.

НА БОРЬБУ!

Воззвание Германского Союза Коммунистической Молодежи.

Товарищи! Снова наступает день пролетарского юношества, международный день рабочей молодежи. На этот раз 7-го сентября революционная молодежь всех стран мира протянет друг другу руку через все искусственные границы, через окопы, через занятые территории, через моря и горы.

Среди всеобщего ужаса и уничтожения, когда миллионы пролетариев гибли и умирали на войне, пролетарская молодежь устроила свой первый международный день. Вожди молодежи в 1915 г. обратились с призывом к молодежи—в один и тот же день во всех странах заявить о своей общей непреклонной воле. Этот день был первым днем борьбы для молодежи!

Да, днем борьбы! Позорное предательство отдало пролетарскую молодежь в руки властителей и их империалистских военных палачей. Голосуя за войну, изменники делу рабочего класса голосовали за избиение и принесение в жертву молодежи. И молодежь без всякой пощады приносилась в жертву! Она истекала кровью на полях битв в Европе и Азии, она отдавала свои последние силы под кнутом капитала.

И не только телом она находилась в рабстве, дух ее также был закован в цепи.

Отупляющей военной дисциплиной старались убить в ней мысль и душу. В жертву своему божку, барышу, „культурное общество“ приносило все, даже надежду страждущего человечества на светлое будущее!

Но все эти муки и страдания обрушившиеся на международную пролетарскую молодежь, разбудили ее. Общие страдания пробудили в ней сознание общности интересов, сознание того, что у нее один общий враг. То, что раньше зачастую было лишь пустой фразой, стало теперь жизненной

правдой. Есть лишь один враг, которого мы все ненавидим, и лишь одна свобода для нас всех! Это пробуждение положило конец националистическим фразам, и молодежь стала интернациональной, почувствовав свою солидарность с братьями-рабочими всего мира.

Вместе с тем в груди у революционной молодежи росла и крепла священная воля—всеми средствами бороться с империализмом и капитализмом и будить тех, кто еще колеблется и сомневается. Пролетарская молодежь всего мира решила открыто заявить о своей международной солидарности, о своем единении. Всюду, где в рабстве и угнетении изнывали юноши-пролетарии, они решили теперь в один и тот же день заявить, что они все стремятся к одной и той же общей цели. В один и тот же день они решили подняться над окопами и границами, чтобы убедиться в том, что и в других странах у них есть братья и сестры, готовые отдать все свои силы для достижения того же общего идеала. Великой целью этого выступления было зажечь души молодежи огнем великих идей международного братства и человечности. Поэтому международный день молодежи был днем борьбы против войны и милитаризма, против эксплуатации и рабства.

Однако, борьба, потребовавшая стольких жертв, велась не напрасно. На востоке загорелась заря освобождения, заря мировой революции. Тщетно темные силы боролись с ней, им не удалось погасить ее! Высоко подняли храбрые борцы красное знамя, окрашенное кровью их сердец, и в первые же ряды сражающихся, на защиту этого знамени бросилась молодежь.

И вот снова наступает день молодежи! День молодежи в год всемирной революции! Слышны

Поэтому, товарищи, готовьтесь ко дню молодежи! Готовьтесь для того, чтобы он стал днем грандиозной демонстрации за мировую революцию! Международная пролетарская молодежь должна показать в этот день, что она станет штурмовой колонной в великой борьбе. Мы должны показать, что революция не умерла даже в царстве Носке. Раздуем же революционную искру

Будите же, товарищи, спящих и равнодушных. Сплачивайте, организуйте, революционизируйте умы и сердца! Покажем, что и молодежь сильна, когда она решительна! Это будет наш боевой смотр. Принесем еще одну жертву, и тогда свершится, наконец, то, чего мы так страстно желаем. Тогда мы отпразднуем победу молодежи. День мировой молодежи! Да здравствует молодежь! Да здравствует мировая революция!

**Германский Союз
Коммунистической Молодежи.**

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ (ТЕСНЯКОВ) В БОЛГАРИИ.

Болгарская социал-демократическая партия была решительным и непримиримым врагом войны. Еще за несколько лет до Балканской войны она восстала против национальной завоевательной политики буржуазии и монархии; в 1910 г. болгарская, сербская, румынская и греческая с.-д. партии собрались на конференцию в Белграде, где подняли знамя Балканской демократической федеративной республики. Этот же лозунг еще энергичнее был поднят партиями на второй Балканской конференции в Бухаресте в 1915 г. Болгарская социал-демократия, впрочем, борется за национальное объединение и независимость болгарского и всех других балканских народов не путем национальной завоевательной политики, а путем революции и демократической республики. Вот почему в 1912 и 1913 г.г. она решительно восстала против войны.

Когда началась империалистическая война в 1914 г., партия не изменила своего взгляда. Она решительно восстала против вмешательства Болгарии в общую войну и резко осудила поведение партий, которые голосовали за военные кредиты. Партия протестовала против отношения Международного Социалистического Бюро к войне и послала своих делегатов на первую Циммервальдскую конференцию. Внутри страны партия повела решительную агитацию против войны. Накануне войны партия выпустила воззвание против мобилизации, за которое позже члены парламентской группы были отданы под суд. 15-го декабря 1915 года парламентская группа протестовала против войны и голосовала против военных кредитов в Народном Собрании. Она до конца войны оставалась верна своим убеждениям и была единственной партией, боровшейся против войны. „Широкие социалисты“ (болгарские социал-патриоты), как во время Балканской, так и во время империалистической войны, были на стороне национальной буржуазии и империализма. В 1915 году они вместе со всеми остальными руссофильскими партиями хотели вмешательства Болгарии в войну на стороне Соединения. Когда же, однако, Фердинанд и Радослав бросили Болгарию в лагерь Центральных держав, когда Сербия была растоптана, Македония завоевана, тогда „широкие социалисты“ поддерживали воинственную политику правительства Радослава. В Стокгольме в 1917 г. на социал-патриотической конференции они просили о присоединении к Болгарии Македонии, Добруджи, Моравии и коридора через Тимок в Австро-Венгрию.

Решительная борьба с.-демократии вызвала массовое преследование против нее. Ее орган, „Рабочий Вестник“, был подвергнут самой

строгой цензуре. Много товарищей были арестованы в стране, а еще больше на фронте; многие из них были осуждены военно-полевым судом. Трое социал-демократических депутатов тоже были приговорены к тюремному заключению, один на три года, другой на пять лет, третий не дождался приговора, — амнистия освободила всех осужденных. Несмотря на преследования, партия продолжала свою борьбу. „Рабочий Вестник“ после русской революции быстро увеличил свой тираж до 14000. По поводу революции в России партия устроила митинг в Софии, на котором было 10.000 человек, и ряд многолюдных собраний по всей стране.

Когда положение центральных держав ухудшилось, Фердинанд попытался тайно, через посредство лидеров руссофильских партий, завязать переговоры с Соединением. Документы об этих переговорах были опубликованы в русской печати. Эти переговоры не привели ни к чему, потому что Соединение прежде всего требовало изгнания самого Фердинанда. Несмотря на эту неудачу, Фердинанд поручил управление страной демократам и радикалам, во главе с Малиновым, который должен был служить посредником для переговоров с Соединением.

Положение в стране становилось все более напряженным, солдаты, голодные, голые и босые, терпели лишения на фронте. С.-д. партия нелегальными воззваниями, агитацией и протестами громко требовала немедленного мира, но правительство Малинова продолжало политику Радослава. Оно очень хорошо знало, что войска не удержат наступления врага, но оно умышленно допустило поражение и катастрофу на фронте в сентябре 1918 г., чтобы перебросить Болгарию из лагеря центральных государств в лагерь Соединения. Не нужно забывать, что Малинов — один из видных лидеров антантофильских партий.

Правительство захотело мира, Соединение дало его с условием изгнания Фердинанда. Изгнание Фердинанда, впрочем, дело не буржуазных партий, а наступающих войск Соединения. Часть разбитых болгарских войск взбунтовалась и при отступлении взяла город Радомир в 30 километрах от Софии. Правительство послало к ним для переговоров адъютанта царя, генерала Михаила Савова, и лидера земледельческого союза, Ал. Стамболийского. Солдаты не хотели слушать никаких увещаний, генерал вернулся обратно, а Стамболийский остался среди солдат, которых было около 10—15 тысяч, и объявил себя председателем „Болгарской Республики“. Но лишь некоторые из солдат были готовы бороться за республику до конца, другие хотели

идти в Софию, чтобы отомстить правительству, а часть хотела разойтись по родным селам; число отправившихся из Радомира в Софию не превышало 3—4 тысяч человек. Но и в этом военном бунте сказались полное отсутствие организованности; благодаря этому, болгарское правительство, опираясь на незначительные части германских войск и на отряд болгарских юнкеров, разбило первые части наступающих войск; остальные разбежались, были захвачены живыми и расстреляны правительством. Один из крестьянских вожаков, Даскалов, который стоял во главе взбунтовавшихся, нашел убежище в лагере Согласия, в Салониках, а Стамболийский скрылся, и из своего убежища послал новому царю Борису III письмо с выражением своих верноподданических чувств. С.-д. партия не участвовала в этом бунте, потому что среди взбунтовавшихся солдат оказалось очень мало ее членов, и им не под силу было организовать это бунтарское движение и придать ему революционный характер. А партия в Софии была очень слаба, там не были сконцентрированы рабочие массы, потому что предметы военного снаряжения Болгария покупала в Германии, а не изготовляла сама. Бунт остался делом земледельческого союза, и был использован Согласием для изгнания Фердинанда. Но, как только декорация переменялась, земледельческий союз, в лице своей парламентской группы, состоящей из 50 депутатов, отвернулся от взбунтовавшихся, предав их самым подлым образом, и стал ревностно поддерживать молодого царя Бориса; немного позже Стамболийский и Дрогиев, сделались министрами царя Бориса. „Широкие социалисты“, которые тоже отвернулись от бунтарей, также сделались министрами царя Бориса: Сакизов и Джидров, лидеры „широких социалистов“, получили министерские портфели.

Таким образом, „левые“ (мелко-буржуазные партии) сняли маску, они открыто стали на сторону монархии и реакции: под предлогом необходимости охранять „порядок и спокойствие“ и „спасать“ Болгарию, они, в сущности, спасают обанкротившийся буржуазно-монархический режим. В Народном Собрании правительство левых поддерживалось парламентским большинством Радо-славова. Единственной оппозиционной партией в парламенте и в стране осталась опять таки с.-демократия. Она продолжала с величайшей энергией вести борьбу и при новых условиях, и теперь ей удалось достигнуть гораздо больших успехов. Она протестовала в парламенте и вне его против жестокого подавления бунта. В стране она немедленно же начала массовую агитацию за амнистию участников бунта и всех томящихся в тюрьмах жертв военных судов. Она устроила сотни многолюдных митингов во всех городах, разослала сотни экземпляров воззвания об амнистии и в то же время открыто провозгласила следующие лозунги: Балканская и Болгарская Федеративная Социалистическая Советская Республика, диктатура пролетариата, всенародная милиция и красная армия, экспроприация и социализация всех средств производства и обмена, конфискация предметов первой необходимости и общественная организация продовольствия и т. д. Партия повела массовую агитацию за эти лозунги не только среди рабочих,

но и среди малоимущих, бедных крестьянских масс. Партия имела большой успех, ей удалось посредством массовой агитации заставить „левых“ дать амнистию, она повела широкую социалистическую агитацию путем брошюр, в которых разъяснялись максимальные требования революционной с.-демократии и учитывались в самом широком масштабе опыт и урок германского и русского революционного пролетариата. Эти брошюры распространены в громадном количестве, около полумиллиона экземпляров; между прочим, был издан социалистический календарь с портретами Ленина и Либкнехта в кол. 60000 экз.; „Революционные лозунги партии“ — 100000 экз.; три парламентских речи — 40000 экз., „Большевистская Россия“ (в этой брошюре подробно говорится о борьбе, успехах и организации русской советской республики) — 25060 экз. и т. д.; книги Ленина „Государство и революция“ и „Империализм“ находятся в печати, в печати находится также и „Конституция Русской Республики“.

25, 26 и 27 мая с. г. состоялся съезд партии; на этом съезде были представлены более 600 партийных организаций и групп, имеющих в общем около 25 тысяч членов.

Половина этих групп — сельские организации. С партией находятся в тесной связи: Общий Рабочий Синдикальный Союз, в который входят 13 профессиональных союзов с 199 секциями и 12800 членами; Учительская социал-демократическая организация с 1100 членами; организация государственных и общественных служащих с 1021 член. и др. В съезде участвовали 650 делегатов. Съезд был величественной манифестацией роста и силы с.-д. партии. Съезд этот, бывший 22-м очередным съездом партии, назвал себя первым съездом Болгарской Коммунистической Партии (секция Коммунистического Интернационала), так переименовала себя прежняя с.-д. партия. Съезд этот принял программную декларацию партии, признавшей принципы и тактику коммунистической партии и Коммунистического Интернационала. Между новыми средствами борьбы декларация указывает: массовую агитацию, массовую политическую забастовку вплоть до вооруженного восстания. В программной части декларации указаны следующие главные цели партии: завоевание политической власти, разрушение существующего государства и создание Советов, как органов диктатуры пролетариата, введение советской республики, экспроприация и социализация средств производства и обмена: всенародная милиция и красная армия; всесторонняя защита труда рабочего класса; удовлетворение жилищной нужды рабочего класса и т. п. Съезд решил выпустить манифест к болгарскому трудящемуся народу с изложением программы Болгарской Коммунистической Партии.

После партийного съезда состоялся съезд Синдикального Союза рабочих профессиональных организаций, который также прошел с большим успехом. Нужно добавить, что „Рабочий Вестник“, орган партии, выходит ежедневно в 30000 экз. и является самой популярной газетой в Болгарии. Успехи партии злят ее врагов. Правительство „левых“, в котором участвуют два „широких социалиста“, три земледельца, два радикала, два консерватора и один цанковист, сбирепо борется против Коммунистической Партии всеми средствами

реакции, — натравливая на коммунистов полицию и войска. Это правительство устроило избиение рабочих в Сливне и Пернике. Руки болгарских социал-патриотов уже обгарены кровью рабочих, но эти преследования не в силах уменьшить энтузиазм и размах революционного движения. Они действуют, как масло, подливаемое в огонь. Доказательством быстрого роста движения является то, что 150000 рабочих и бедных крестьян стали под знамя партии во время манифестации 1 мая. Другим доказательством служат собранные 200000 лев добровольных пожертвований для „фонда поддержания „Рабочнического Вестника“.

С'езд решил участвовать в выборах в Народное Собрание, если они будут происходить при существующих сейчас условиях, т. е. прежде чем в стране вспыхнет революция; цель участия — прежде всего усилить массовую агитацию и увеличить революционную мощь пролетариата. С'езд единодушно отверг предложение нескольких мелких интеллигентно-рабочих групп называющих себя „Болгарской Коммунистической Партией“ (во главе которой стоит Н. Хорлаков) об отделении синдикатов от партии и объединении их с этими группами и с некоторыми синдикатами „широких социалистов“ на нейтральной почве. Группы Хорлакова насчитывают не более нескольких сот членов и фактически не составляют никакой партии. Они пользуются вывеской коммунистической партии лишь для того, чтобы эксплуатировать в своих сепаратистских и карьеристских целях авторитет Русской Коммунистической Партии. В виду этого с'езд обращается к рабочим всех групп с призывом объединиться с партией на основе программной декларации.

С'езд этот даст новый мощный толчок революционному движению в стране. Партия исполнена энтузиазма и веры в будущее. Она готова на все жертвы, если враги ее попытаются стать на ее пути к победе. Успехи революционного движения зависят, однако, не только от партии, но и от оккупационного режима Антанты, содержащей значительный гарнизон в Болгарии, а также и от хода событий в других странах.

В ЭСТЛЯНДИИ.

I. Экономическое положение.

Экономическое положение страны самое тяжелое. Промышленность совершенно расстроена. Еще в эпоху империалистической войны некоторые крупные заводы были эвакуированы, напр., судостроительные заводы гор. Ревеля, (около 15.000 раб.), некоторые разрушены (например, лучшая Эстляндская целлюлозная фабрика в гор. Пернове, 3.500 раб.). Если бы даже все заводы сохранились в целости, то пустить их полным ходом всетаки нельзя было бы за отсутствием сырья и рынков для сбыта. Отсутствие рынка дает себя знать до такой степени, что даже сейчас наблюдается, напр., перепроизводство бумаги. Целлюлозные фабрики сократили работу до минимума. Вообще, все заводы работают с сокращенным штатом. В Ревеле занято на заводах и фабриках лишь 5—6 тысяч рабочих. Безработица достигла огромных размеров; впрочем, точной регистрации безработных не существует.

С 1917 г. цены на предметы потребления возросли нес колько раз. Сравнительно дешево стоит хлеб: нор-

мированный по 1 м. 20 пенни (выдается по 1/2 фунта в день), в частной продаже 3—5 марок. Обострению продовольственного вопроса значительно способствует усиленный вывоз картофеля в Финляндию.

Осенью 1918 г. для рабочих был введен тариф, выработанный советской властью осенью 1917 г. Этот тариф, но только в одном Ревеле, действует и сейчас. Лишь рабочим государственных предприятий гор. Ревеля (портовые и железнодорожные мастерские и пр.) после угрозы забастовкой повысили плату до 22 марок в день. Уже из одного этого можно заключить о страшно тяжелом положении даже имеющих работу рабочих. Что же касается безработных, то положение их ужасно. У безработных зачастую нет денег даже на покупку нормированного хлеба по карточкам. Никакой помощи безработным никто не оказывает. Большинство их разбрелись по деревням, влчат жалкое существование и с нетерпением ждут большевиков.

Немногом лучше условия жизни сельско-хозяйственных рабочих. Кроме содержания натурой (или пайка — в имениях), батрак получает 400—600 руб. в год. На эту сумму, которую хозяин выручит от продажи 3—4 пуд. хлеба, батрак не может купить даже пары сапог. Положение безземельных (поденщики, бобыли) безвыходно. Им приходится буквально голодать, так как крестьяне им ничего не продают.

Часть земли (особенно помещичьей; крестьянская земля почти вся засеяна) не обработана. Весною не хватало семян.

II. Земельный вопрос.

В Эстляндии земельный вопрос имеет первостепенное значение, ибо не менее 3/5 всего населения занимается земледелием. Бело-эстонское „социалистическое“ правительство не сумело дать даже намека на сколько-нибудь успешное разрешение этого важного вопроса. Наделение землею безземельных и батраков осталось лишь на бумаге предвыборных агитационных листов. В Учредительном собрании меньшевики вместе с буржуазией постановили отчудить за вознаграждение все поместья и участки, в которых более 150 дес. пахотной земли, и разбить их на участки по 25—40 дес. Было разбито на такие участки, распродано с торгов и сдано в аренду несколько имений, не имевших фактических владельцев или же принадлежащих городам. Само собой разумеется, что земля была скуплена „серыми баронами“, т. е. кулаками. Некоторые имения были проданы и сданы в аренду не раз деленным им. Но и это „начало“ было скоро приостановлено. Весною стали возвращаться помещики, и всюду сняли новые межевые знаки. Мало того, — представитель союзников пожаловался на „большевистский“ характер действий правительства. После этого все земельные „реформы“ были приостановлены.

III. Белый террор.

При германской оккупации в Эстляндии было расстреляно и повешено лишь несколько сот человек, при чем главным виновником этих репрессий была местная белая гвардия. К осени 1918 г. германский террор совершенно прекратился. Ноябрь был кульминационным пунктом „демократических свобод“. Всех политических заключенных освободили. В Ревеле легально выходила газета „Коммунист“, заседал Совет Рабочих Депутатов. Но успевшее за это время организовать бело-эстонское правительство стало применять к нашей партии расстрелы, виселицу, тюрьму. Особенно усилился террор в феврале и марте. „Красных“ убивали по суду (военному) и без всякого суда, их ловили по всем городам, местечкам и деревням. Наши товарищи скрывались в городах — на конспиративных квартирах, в сельских местностях — в лесах и болотах. Установить точную цифру убитых не представляется возможным, но число это во всяком случае не менее 2.000. В это число не входят расстрелянные и

повешенные в прифронтовой полосе военнопленные и „подозрительные“, а также расстреливаемые белые солдаты, среди которых постоянно вспыхивают бунты. Особенно неистовствовала на фронте, а также в тылу, финская белая гвардия, набранная из подонков общества и резавшая, грабившая и насиловавшая просто — здорово живешь.

IV. Иллюзии относительно „независимой демократической республики“

До сих пор небольшая часть эстонского пролетариата и значительная часть полупролетариата (малоземельные крестьяне, ремесленники, мелкие домовладельцы) питали некоторые иллюзии относительно „демократической республики“. Вера в блага „демократии“ особенно усилилась в начале текущего года. Когда красная армия оставила пределы Эстляндии, белые газеты всячески раздували „зверства“ большевиков, а все легальные партии обещали в Учредительном Собрании дать землю и мир. Партия аграриев („земельная лига“) клаясь предоставить безземельным „40.000 хуторов“, с ней конкурировали в предвыборных обещаниях другие партии: демократы, трудовики, клерикалы (по прозвищу „небесная лига“) усердно занимались земельной реформой. Меншевики были на предвыборных собраниях столь щедры, что перешеголяли все реальные возможности исполнить обещанное (конфискация всех земель, не исключая и более крупных крестьянских участков). Особенно привлекало безземельных „бесплатное наделение всех участками и инвентарем“. Землю обещали к Юрьеву дню (23-го апреля), высказывая лишь опасения, что „не хватит землемеров, чтобы произвести размежевание“.

Патриотизм достиг своего апогея. Мобилизация, которая прежде совершенно не удавалась, проходила теперь хорошо. Стали добровольно являться дезертиры, особенно те, которым, к тому же, трудно было скрываться. Солдаты-крестьяне уезжали на фронт с патристическими песнями. Все были сильно воодушевлены идеей учредилки. Только сознательная часть пролетариата бойкотировала выборы. Большинство рабочих, батраков и безземельных голосовали за с.-д., говоря, что это те же большевики, но что они дадут землю, мир и свободу „по закону“ — через учредительное собрание. За с.-д. голосовало около 32%, за с.-р. 8%. Остальные пролетарии и полупролетарии подали голоса за трудювиков, которые когда-то говорили о „вечной аренде“, но теперь конкурировали с меньшевиками, болтая о конфискации земель.

Но уже на первых же заседаниях учредилка показала свой действительный лик. Все партии, кроме с.-р., заявили, что мира не будет, пока не заключат его союзники. Ни один бедняк не увидел обещанной „собственной земли“.

Уже в мае, на созванной меньшевиками конференции безземельных, настроение было весьма угнетенное. Несмотря на то, что на конференции явились, конечно, мелкобуржуазные элементы, социалистическим министрам указывали, что землю дадут только большевики.

Майские выборы в городское самоуправление оказались достаточным показателем упадка веры в „демократический строй“. Так — в Ревеле участвовало в выборах только около 30% избирателей (вдвое меньше, нежели в апреле, при выборах в учредилку).

Иллюзии эстонских рабочих и батраков, городской и сельской бедноты рессеялись быстро. Большевизм завоевывает симпатии всех пролетариев и бедняков. Весьма показательно настроение рабочих ревельских заводов. Хотя они в большинстве своем уже с июня 1917 г. настроены большевистски, но все же во всех предприятиях имелось некоторое меньшинство, сочувствовавшее оппортунистам и соглашателям. К тому же в дни оккупации и при белоэстонском правительстве антибольшевистский элемент всячески усиливали, принимая на работу лакеев и рассчитывая подозрительных. Но теперь там трудно найти рабочего, не сочувствующего ком-

мунистам. Резолюции нашей партии проходят единогласно. Многие рабочие, которые раньше доносили на красных, теперь прозрели и стали явными сторонниками Советской власти.

Растет число приверженцев нашей партии и в рядах белой армии.

V. Белая армия.

В первый раз эстонские воинские части были сформированы эстонской буржуазией после февральской революции. К октябрьской революции они стали большевистскими: $\frac{3}{4}$ голосовало за нашу партию. Но тогда большинство эстонских солдат служили не в эстонских частях, куда их не успели перевести, а были разбросаны по всем царским армиям. Плохо зная русский язык, они не понимали русских агитаторов и русской литературы. Эстонские же агитаторы и газеты, ввиду разбросанности солдат, были безсильны. Поэтому большинству старых фронтовиков, которые и сейчас составляют ядро белоэстонской армии, плохо известна программа коммунистов. Столь же мало были знакомы с нашими требованиями и военнопленные, вернувшиеся из центральных государств в Эстляндию непосредственно, а не через Россию.

На выборах в учредительное собрание большинство солдат голосовало за меньшевиков. Теперь они также разочаровываются в учредилке. Фронтовики часто заявляют перебежчикам, что те совершают глупость, „спасаясь“ у эстонских белогвардейцев. Части, которым приходилось стоять в Ревеле, становятся большевистскими.

В настоящее время можно категорически утверждать, что значительный процент среди солдат — на стороне нашей партии. Строгая дисциплина, однако, кое как держит их еще в подчинении. Постоянно вспыхивают восстания, которые беспощадно подавляются.

Боеспособность полубольшевистской эстонской армии объясняется значительным числом офицеров. В царской армии было не мало эстонских интеллигентов, полунинтеллигентов, вообще мелкобуржуазного элемента с некоторым образованием. Ставши офицерами, эти патриоты дерутся теперь не за страх, а за совесть, отстаивая „независимость“. Чуть ли не на каждые десять солдат приходится по офицеру. Но и офицерство в последнее время начинает колебаться, указывая, что все равно белоэстонцам не победить, а поражение кончится тем, что всех офицеров перебьют.

Партийная работа усиленно ведется во всех городах и сельских местностях, несмотря на то, что лучшие товарищи или расстреляны, или сидят в тюрьмах. Издаётся нелегальный орган „Коммунист“. До сих пор с ноября 1918 г. вышло в свет около двухсот тысяч экземпляров (каждый номер в количестве 5—10 тысяч экземпляров). Газета распространяется во всех более или менее крупных пунктах и в армии. Во время забастовки наборщиков министры жаловались в учредилке, что выходит единственная газета — „Коммунист“.

VI. Общие выводы.

Настроение рабочих ярко революционно. В армии также все учащаются случаи отказа подчиниться боевым приказам и открытые бунты, но пока все эти вспышки недовольства слишком разрознены и легко подавляются отрядами добровольцев, набранными из среды эстонской, финской и отчасти датской буржуазии.

23 июня 1919 г.

М. Л.

Профессиональное движение в Эстляндии.

Немецкие оккупационные власти уничтожили все рабочие организации в Эстляндии. Профессиональным союзам пришлось начать свою работу с самого начала. Работа протекала при исключительно тяжелых условиях. Белое правительство, видя в организованном рабочем классе

грозную силу, всеми способами старается мешать работе профессиональных союзов, применяя к ним всевозможные репрессии. Обыски у деятелей профессионального движения и аресты их стали обыденным явлением.

Несмотря на все это, рабочим в сравнительно короткое время удалось организовать в довольно сильные союзы с центральным советом союзов во главе.

Яркой иллюстрацией настроения организованных рабочих и отношения к ним белого правительства могут служить события первого мая. Было решено отпраздновать международный праздник пролетариата однодневной забастовкой, устройством митингов и мирной манифестации с красными знаменами. Правительство сорвало забастовку, объявив первое мая национальным праздником, и запретило всякие собрания на улицах.

Партия меньшевиков выпустила воззвание к рабочим, в котором говорилось, что их зовут на улицу темные силы и что рабочим следует отпраздновать праздник Интернационала у себя дома.

Тем не менее была все же устроена демонстрация, и дом профессиональных союзов был украшен красными флагами. Демонстрация была разогнана вооруженной силой, красные знамена были сорваны с дома союзов и разорваны в клочья.

Экономическое положение рабочих ухудшалось с каждым днем. Недовольство росло. Выработанный в апреле союзами проект коллективного договора и повышенных ставок заработной платы не был принят союзом фабрикантов. С 2-го мая началась забастовка типографщиков. Из газет выходили только подпольные издания и орган партии коммунистов. Всеобщая забастовка была неизбежна.

„Республиканское“ правительство меньшевиков, которое при локаутах фабрикантов всегда оставалось пассивным, старалось подавить экономическую забастовку рабочих самими варварскими средствами. Накануне объявления забастовки был арестован президиум Совета Союзов и стачечный комитет. Бастующим угрожали военным судом. С провокационной целью было официально объявлено, что установлен факт получения Советом Союзов четырех миллионов от Российского Советского Правительства для организации всеобщей забастовки политического характера. Забастовка стихийно все-таки началась и продолжалась несколько дней в большей части заводов. Для того, чтобы посеять раздор среди рабочих и создать особый класс привилегированных пролетариев, рабочим казенных предприятий увеличили заработную плату на 25%. Союзы отвергли эту подачку и решили вторично организовать всеобщую стачку, предварительно устроив референдум, чтобы точнее узнать настроение рабочих. Между прочим, всеми ревельскими союзами был объявлен бойкот органа социал-предателей меньшевиков. В начале июля, еще до всеобщего референдума, неожиданно вспыхнула забастовка железнодорожников. На этот раз снова был арестован президиум Совета Союзов, устройство референдума было запрещено, часть бастующих железнодорожников арестована, часть мобилизована, а остальных, силою, под угрозой расстрела заставили работать. Репрессии со стороны правительства, все обостряющийся продовольственный и промышленный кризис, война с Советской Россией—все это способствовало росту революционного настроения среди сознательных рабочих.

Частичные забастовки на отдельных заводах сделались обыденным явлением. Необходимо было дать возможность всему организованному пролетариату Эстляндии сказать свое решительное слово.

Конференция профессиональных союзов.

На 30 и 31 августа Советом Союзов была созвана конференция проф. союзов и обществ сельско-хозяйственных рабочих Эстляндии. На конференции были представлены 116 союзов с общим числом членов свыше 40.000. Несмотря на усиленную агитацию меньшевиков и на то, что рабочая печать была загнана в подполье, меньшевики

на конференции оказались в ничтожном меньшинстве. Среди 415 делегатов было только 33 меньшевика, да и те после обсуждения порядка дня с протестом оставили конференцию. На конференции было оглашено, что Накануне конференции английская военная миссия предложила Совету Союзов произвести переворот и создать такое же „рабочее“ правительство, как в Англии, обещая при этом поддержку. В ответ на эту провокацию конференция единогласно постановила требовать изгнания английской черносотенной миссии из пределов Эстляндии и заявила, что рабочие не нуждаются в поддержке белых генералов Антанты.

Принятые на конференции резолюции признавали неизбежность пролетарской революции и необходимость диктатуры пролетариата. Когда присутствующие на конференции представители полицейской власти объявили, что министр внутренних дел, социал-демократ Геллат, приказал распустить конференцию, была единогласно принята резолюция, требующая немедленного начатия мирных переговоров с Советской Россией. Конференция была разогнана вооруженной силой, часть делегатов арестована в зале заседаний. Из этих делегатов 53 человека вместе с 23 арестованными на квартирах рабочими, были высланы из Эстляндии и через фронт переправлены в Россию. 26 арестованных делегатов остались на фронте, в руках белогвардейцев, причем есть основание предполагать, что они расстреляны. Русский пролетариат с воодушевлением принял изгнанников, и последние надеются, что пролетариат всего мира протянет им братскую руку и, общими усилиями разрушив старый мир,—мы наш, мы новый мир построим.

ЭМИГРАНТ.

АМЕРИКА.

Основание коммунистической партии.

Раскол в Американской Социалистической Партии, руководимой известными социал-предателями Альджерноном Ли и Морисом Хилквитом, назревал уже давно. 9-го апреля семь представителей партии голосовали за четвертый „заем свободы“, и это вызвало бурю негодования среди приверженцев левого крыла, потребовавших исключения этих подголосков правительства из партии. Вскоре после того группа левых членов нью-йоркской организации, возглавляемая Ларкиным, Мак-Альпиным, Фрайна и Ридом, выпустила „Манифест и программу левого крыла социалистической партии“, в котором, между прочим, говорилось следующее:

„К августу 1914 года весь мир представлял собой kloчущий внутри вулкан. Происходившие время от времени бурные извержения предвещали наступление катастрофы, но дипломаты и государственные деятели всеми силами старались локализовать эти вспышки, а массы, едва придя в движение, снова погружались в летаргический сон, нарушаемый лишь неясными сомнениями и мрачными предчувствиями, между тем как подземный огонь разгорался все сильнее и сильнее.

„Многие слепо верили в мудрость правительств, в могучее влияние христианства, будто бы срывающего братскими узами народы всего цивилизованного мира,—во все возрастающую силу международного социалистического движения. Германские социал-демократы и французские социалисты обменивались телеграммами, в которых они торжественно обещали, что не будут воевать, если их правительства объявят друг другу войну. Если бы, вместо этих телеграмм, социалисты этих стран организовали всеобщую забастовку, то им, несомненно, удалось бы образумить зарвавшиеся правительства!“...

Социал-демократы не исполнили своего долга, и разразилась война.

„Однако,—продолжает манифест—революционный социализм не долго оставался пассивным. Карл Либкнехт,

Франц Меринг, Роза Люксембург и Отто Рюле основали в Германии группу „Спартак“. Но их голоса были заглушены ревом пушек и стоном умирающих и искалеченных воинов“.

Далее авторы манифеста подчеркивают свое коренное разногласие с правыми социалистами во взгляде на партийную тактику. Правые всеми силами противятся развитию назревающей в массах революции, всемерную поддержку которой манифест объявляет „важнейшей задачей партии“.

Манифест подвергает уничтожающей критике Лигу Наций, указывая на то, что она является лишь новой формой „капиталистического империализма“, и предостерегает рабочие массы от веры в „буржуазные реформы“, вся цель которых заключается в „угашении революционного духа“. Капиталисты Америки хотят использовать рабочие организации для достижения своих империалистских целей. Мы уверены, что наши капиталисты в ближайшем будущем, подобно Бисмарку, заговорят о необходимости фабричного законодательства, государственного страхования на случай старости и безработицы и о прочих буржуазных реформах, которые должны дать рабочему возможность создавать для капиталистов максимальную прибыль в течение минимально короткого времени“.

Манифест подчеркивает, что центр тяжести социалистической работы должен лежать не в парламентской деятельности представителей рабочего класса, а в „непосредственном действии“ самих масс. Поэтому партия социалистов должна сознательно направлять классовую борьбу пролетариата и заранее выработать ясную программу, которая должна быть осуществлена грядущей пролетарской революцией. Далее следует эта программа:

1) Организация рабочих Советов, пропаганда идеи Советов и признание этих массовых организаций рабочего класса оружием непосредственной классовой борьбы, средством для захвата государственной власти, основой нового пролетарского государства, организующего всех трудящихся, и органом диктатуры пролетариата.

2) Контроль рабочих над производством, осуществляемый промышленными организациями (промышленными союзами или советами) рабочих, в противоположность национализации и государственному надзору над промышленностью.

3) Аннулирование всех государственных долгов, при обеспечении интересов мелких держателей долговых обязательств.

4) Экспроприация банков, как первый шаг к полной экспроприации всех капиталов.

5) Экспроприация железных дорог и всех крупных организаций капитала (трестов), без уплаты какого бы то ни было „выкупа“ капиталистам, ибо такой выкуп дал бы им возможность продолжать эксплуатацию рабочих; вместе с тем, однако, в течение переходного периода должны быть приняты меры для обеспечения средствами существования владельцев мелких предприятий.

6) Социализация внешней торговли.

„Левые“ не ограничились обнародованием этого манифеста. Они повели энергичную революционную агитацию, и еще в апреле месяце основали в Нью-Йорке собственную газету „Коммунист“ („The Communist“), издаваемую Джоном Ридом, при ближайшем участии Мак-Альпина, Гурвича и Б. Житлова. Затем у них появились еще два органа: „Революционная Эпоха“ („The Revolutionary Age“), издаваемая Л. Фрайна, и издаваемый Максом Истманом „Освободитель“ („The Liberator“).

Эта революционная деятельность американских коммунистов вызвала ожесточенные нападки на них со стороны лидеров правого крыла партии, обвинявших их в нарушении партийной дисциплины, в основании „тайных организаций“ внутри партии и т. д. И, наконец, центральный комитет постановил исключить из партии ряд иностранных групп и левых организаций, в состав которых входило более 50% всего числа членов партии.

Левые организации создали свой собственный съезд открывшийся 25-го июня в Нью-Йорке, на котором было постановлено основать новую коммунистическую партию. Съезд принял программу партии, по своему содержанию тождественную с той программой, самые существенные пункты которой мы привели выше. О парламентаризме мы читаем в принятой съездом программе следующее: „Мы не отказываемся от парламентской борьбы, мы будем участвовать в избирательной кампании и выставлять своих кандидатов в конгресс и на различные общественные должности. Но мы признаем парламентскую борьбу лишь постольку, поскольку наши представители в парламенте являются агитаторами, проповедующими идеи социальной революции“.

К сожалению, нам неизвестно, какое постановление принял съезд по вопросу о присоединении к Третьему Интернационалу. Мы знаем только, что вопрос этот был поставлен в порядок дня.

Неизвестно нам также, как велико число членов партии. Возможно, что партия по своей численности пока еще не носит массового характера. Но в переживаемый нами период мировой истории всякое широкое движение трудящихся и угнетенных масс неизбежно становится коммунистическим и приводит к борьбе за диктатуру пролетариата; а Америка сейчас действительно представляет собой kloкочущий вулкан: стачки следуют одна за другой, несколько крупных центров охвачено вооруженным восстанием негров, требующих равноправия. В уличных боях, происходивших в Чикаго в первых числах августа, принимали участие более 100.000 прекрасно вооруженных негров. Восстанием руководят демобилизованные солдаты негры, вернувшиеся с театра войны. Необходимо иметь в виду, что негритянское население Соединенных Штатов насчитывает 12 миллионов и что лозунги выдвинутые восстанием: „равноправие“ и „человеческое обращение“ — весьма популярны среди этих угнетенных миллионов.

Мы уверены, что наши американские товарищи сумеют направить в одно русло все разрозненные потоки массового движения, что они очистят его от посторонних примесей, разобьют образовавшуюся над ним кору шлаков, и тогда из грохочущей доменной печи капиталистического строя вырвется могучая, яркая струя, которая сожмет на своем пути все препятствия и отольется в форму нового трудового общества.

Ю.

Забастовка железнодорожников.

В последних числах июля началась всеобщая забастовка железнодорожников. Первые забастовали рабочие Чикагского узла, всего около 100 тысяч человек. К ним присоединились Бостонский, Филадельфийский и Денверский узлы. К началу августа забастовка стала всеобщей.

Требования бастующих: повышение заработной платы в виду дороговизны; введение восьмичасового рабочего дня; национализация путей сообщения.

Председатель „Братства поездной прислуги“, Ли опубликовал заявление, в котором, между прочим, говорится: „Революция в Соединенных Штатах произойдет гораздо раньше, чем мы ее ожидаем. Правительство и конгресс не знают что делается в стране. Дороговизна становится фактором революции. Рабочие не могут больше терпеть. Пусть они (т. е. правительство и конгресс) бросят свою игру! Игра с огнем опасна... Что касается национализации путей сообщения, то в этом вопросе рабочие не пойдут ни на какие уступки. Рабочие не жаждут больше работать на капиталистов, они хотят работать для общего блага.“

Президент Вильсон обратился к конгрессу со специальным посланием, в котором он говорит, что „вопрос о дороговизне является в настоящий момент самым важным вопросом, — важнее даже, чем вопрос о „Лиге Наций и о мирном договоре“. Президент требует проведения

в экстренном порядке закона о повышении заработной платы железнодорожников и о соответственном повышении железнодорожного тарифа. Вместе с тем, президент предписывает конгрессу образовать специальную комиссию для обсуждения вопроса о национализации. Комиссия эта должна состоять из 15 лиц: пять по назначению президента, пять от конгресса и пять от профессиональных союзов железнодорожников.

Легко себе представить, какую разруху вносит всеобщая железнодорожная забастовка в промышленную жизнь Соединенных Штатов. Буржуазные газеты бьют тревогу. Но характерно, что ни одна из них не требует репрессий; они все в один голос кричат о необходимости уступок, — и самых радикальных уступок — вплоть до «введения рабочего контроля в той или иной форме».

Борьба с „радикализмом и большевизмом“

Рост революционного рабочего движения вызвал к жизни целый ряд „патриотических“ организаций, ставящих себе целью борьбу с „радикализмом и большевизмом“. Но, кроме патриотических организаций, в этой борьбе участвуют правительство и конгресс.

Министр юстиции А. Митчел Пальмер внес в конгресс целый ряд законопроектов об организации полицейских резервов, т. е. жандармерии, дополнительного секретного отделения, специальной тайной полиции и т. д. Конгресс постановил ассигновать три миллиона долларов на борьбу с „радикализмом“ и приступить немедленно к высылке из страны „нежелательных элементов“. В середине июля высланы были из пределов Соединенных Штатов две группы итальянских, испанских, шведских, английских и ирландских анархистов, синдикалистов и большевиков, — всего около 80 человек. Русские, подлежащие высылке, задержаны в тюрьме — „вплоть до снятия блокады с России“.

По инициативе министра юстиции Митчеля Пальмера организован „Американский Легион“, ставящий себе целью „истребление радикализма и большевизма самыми крайними мерами“. В западных и южных штатах отделения этого „легиона“ организовали целый ряд кровопролитных негритянских погромов. В Сент-Луисе и других городах толпа хулиганов, получающих жалование неизвестно из каких источников, избивала негров, „зараженных большевизмом“ (!). Погромы сопровождалась бешеной провокационной кампанией в прессе. Председатель „легиона“, полковник Викарсхем заявил, что „мы не остановимся перед судом Линча и еще более крутыми мерами“. Ближайшая цель „легиона“ — спровоцировать где-нибудь, в каком-нибудь крупном промышленном центре, массовое выступление рабочих — для того, чтобы потопить это выступление в крови и тем продемонстрировать свой „патриотизм“.

В начале июля в Рочестере состоялась под председательством начальника тайной полиции Флинна конференция начальников полиции всех крупнейших городов Соединенных Штатов, посвященная обсуждению вопроса о „борьбе с большевизмом, анархизмом и радикализмом“. Был принят целый ряд секретных постановлений. Постановлено было, между прочим, приступить немедленно к организации полицейских резервов, к мобилизации милиции и „расширению деятельности тайной полиции“.

В штате Нью-Йорк была образована под председательством сенатора Лоска специальная „комиссия по расследованию большевизма“. Эта комиссия, действуя вкупе с тайной полицией, разгромила все рабочие клубы в Нью-Йорке, произвела целый ряд массовых обысков и арестов. Комиссия Лоска явно задается целью терроризировать рабочее население штата Нью-Йорк.

Первый шаг деятельности комиссии Лоска — облава на социалистический университет „Рэнд-Скул“ и на русское Советское посольство. И в „Рэнд-Скул“ и в Советском посольстве захвачены документы, переписка, литература и т. д. Не забыта и массовая паника. Сенатор

Лоск лично допрашивал Советского посла тов. Мартенса и его ближайших сотрудников. Была сделана попытка создать громкое „дело“. Этой попытке способствовала желтая буржуазная пресса, напечатавшая целый ряд сенсационных выдумок о „заговорщицкой анти-государственной деятельности“ Советской миссии. В прессе были опубликованы письма т. Мартенса и секретаря посольства тов. Нуортевы к различным „высокопоставленным лицам“, стоящим за признание Советской власти. Однако, все попытки сенатора Лоска ни к чему не привели; не помогла и газетная кампания, — дело против Советского посольства так и не удалось состряпать. Тов. Мартенс и другие члены посольства не были даже арестованы. Такое же фиаско потерпел сенатор Лоск и по отношению к „Рэнд-Скул“: и тут, несмотря на все старания, не удалось создать судебного процесса.

Большевистские митинги.

В конце июля Советским посольством был устроен в Нью-Йорке большой массовый митинг, собравший более десяти тысяч народу и прошедший с большим успехом. Председательствовал на митинге один из личных друзей Вильсона, член министерства труда, Фредерик С. Хоу, — левый демократ. Среди ораторов было несколько буржуазных радикалов, отстаивающих необходимость немедленного снятия блокады с России и признания Советской власти.

Характерно отметить, что на другой же день после этого митинга в Сенате был поднят вопрос о борьбе с „большевиками-буржуа“. Было вынесено предложение прекратить выдачу казенного жалования Фридрику С. Хоу.

Советская литература в Америке

Отделом печати Советского посольства в Соединенных Штатах издается еженедельный бюллетень, посвященный конструктивной работе Советской власти. В начале июля отдел печати приступил к изданию двухнедельного журнала „Советская Россия“.

Нью-Йоркской социалистической организацией „левого крыла“ издается под редакцией тов. Джона Рида журнал „Коммунист“, посвященный почти исключительно России.

Социалистическим университетом „Рэнд-Скул“ издан целый ряд брошюр Ленина, Троцкого, Коллонтай, Рэксома, Рида и др.

В буржуазной газете „New York American“ напечатана полностью речь т. Ленина, произнесенная на съезде Коммунистического Интернационала.

Издается в Америке и анти-большевистская литература. Так, в начале июля был основан большой ежемесячный журнал „Единая Россия“, в котором сотрудничают Брешковская, Керенский, Бубликов, Зензинов и др

Безработица.

Согласно официальным данным военного министерства, на первое июля в Соединенных Штатах числилось 258 тысяч безработных демобилизованных солдат.

Революционное движение в Канаде.

У нас имеются весьма скудные сведения о дальнейшем развитии революционного движения в Канаде (см. № 4 „Коммунистического Интернационала“). „Таймс“ от 4-го сентября сообщает о расколе в профессиональных союзах Канады: часть рабочих вышла из старых профессиональных союзов и образовала целый ряд новых „производственных“, объединившихся в „один большой союз“. В некоторых местах забастовка уже прекратилась, но в главных промышленных центрах она еще продолжается.

А. М.

АНГЛИЯ.

Забастовка полиции.

Забастовка полиции началась в Лондоне, Ливерпуле, Бирмингеме и целом ряде других городов 1-го августа. Накануне забастовки парламентом был принят законопроект о повышении заработной платы полицейским и об организации „полицейской федерации“ под руководством начальника полиции. Эта „полицейская федерация“ должна была, по мысли министра внутренних дел Шорта, заменить полицейский профессиональный союз. Нагло откровенная зубатовщина!.. Забастовка была главным образом протестом против этой „федерации“.

Судя по сообщениям „Таймса“, забастовка, в общем и целом, не удалась. В Лондоне из 20.000 полицейских бастовали только 2—3 тысячи, в Ливерпуле бастовало около 50% всей полиции, в Бирмингеме — около 40%. Тем не менее, эта забастовка вызвала тревогу в буржуазной прессе. Дело в том, что в то же самое время происходила забастовка пекарей, шахтеров и текстильных рабочих.

В Ливерпуле, в связи с забастовкой полиции, имели место крупные беспорядки. Беспорядки вспыхнули на почве борьбы с дороговизной. 31-го июля, ночью, огромная толпа, в несколько тысяч человек, начала грабить склады и магазины на главных улицах города. Против толпы была двинута целая дивизия солдат; тут была и конница, и пехота, и даже артиллерия; были пущены в ход нагайки, сабли, штыки, пулеметы — и даже танки; на улицах Ливерпуля появились бронированные автомобили. Число убитых и раненых не выяснено. На другую ночь, первого августа, беспорядки возобновились и приняли еще более грандиозные размеры, чем в прошлую ночь. Корреспондент „Таймса“, так описывает картину беспорядков: „Улицы ярко освещены, царит необычайное оживление. Масса народу; тут и мужчины, и женщины, и дети; прилично одетые молодые люди, рабочие, подонки общества — и вполне добропорядочные граждане. Разгром магазинов производится планомерно, систематично, без ажиотажа, хладнокровно. Разбивают окно, несколько человек входят в магазин, зажигают электричество и методически приступают к упаковке товара. Толпа на улице берет уже на себя транспортирование и доставку на место назначения „конфискованного“ товара. Грабят, главным образом, пищевые продукты, но не входят и ювелирных магазинов, магазинов часов и т. д. Прошлой ночью я шел по главной улице Ливерпуля... Весь тротуар был усеян — буквально усеян — часами, золотыми, платиновыми, разных калибров, большими, маленькими, мужскими и дамскими. Разгромили богатейший в городе склад музыкальных инструментов; новенький рояль стоит посреди улицы, и какая-то женщина играет очень веселый, бравурный марш“. Далее, корреспондент рассказывает, что беспорядки продолжались и третью и четвертую ночь; в Ливерпуль были вызваны войска из Бирмингэма и других мест; готовилось нападение на городскую думу и покушение на жизнь городского головы (лорд-мэра).

3-го августа между толпой и войсками завязался регулярный бой. Был момент, когда войска вынуждены были отступить под напором толпы. В толпе оказалось много вооруженных. Когда на городской площади появились полицейские-ирейкбрехеры, толпа перешла от обороны к наступлению — и в миг полиция была смята. „Эти беспорядки, — восклицает корреспондент „Таймса“ — грозят превратиться в перманентное явление!“

К сожалению, у нас нет еще сведений о том, как и чем кончились эти беспорядки, — да и кончились ли они: может быть, они, действительно, превратились в перманентное явление.

Правительство заявило, что все бастующие полицейские увольняются со службы и лишаются пенсий...

Характерно отметить следующее: несмотря на то, что „Тройственный Союз“ и целый ряд других профессиональных организаций обещали полицейским всемерную поддержку, вожди „Тройственного Союза“ в парламенте голосовали за законопроект о „федерации полицейских“ и за воспрещение полицейским вступления в профессиональные союзы.

Парламентская борьба или прямое воздействие. ✓

25-го июня в Саутпорте открылся 19-ый съезд Британской Рабочей Партии. С'ехалось 960 делегатов — число огромное, небывалое в аналах английского рабочего движения. Выяснилось, что число членов партии и число входящих в нее профессиональных союзов сильно возросло в течение последних двух лет.

Из всех вопросов, подлежавших обсуждению съезда, самые горячие дебаты вызвал вопрос о том, „можно ли прибегать к забастовкам для достижения известных политических целей“, т. е., иными словами, может ли забастовка явиться орудием политической борьбы. Дебаты носили отнюдь не теоретический характер; перед английским рабочим движением вот уже несколько месяцев стоят три в высшей степени важных практических вопроса, разрешение которых зависит от разрешения основного вопроса — о допустимости или недопустимости „прямого воздействия“. Эти три вопроса суть: обязательная воинская повинность, военная интервенция в России и национализация путей сообщения и горной промышленности. Решение основного вопроса о том, может ли забастовка быть средством политической борьбы, — имеет, таким образом, громадное практическое значение. И не мудрено, поэтому, что все внимание английского рабочего движения сосредоточено на этом пункте.

„Старые вожди“ доказывают, что политическая забастовка есть отрицание первоосновы демократии — парламентаризма; что рабочие могут легко добиться всего — решительно всего! — путем одной только парламентской борьбы: нужно только добиться, чтобы Рабочая Партия имела большинство в парламенте, а этого сейчас добиться нетрудно. Новые, молодые вожди, наоборот, доказывают, что война показала всю несостоятельность парламентской борьбы, что мир — разбойничий версальский мир — еще с большей убедительностью доказал то же самое; что пора парламентской борьбы давно прошла; что в настоящий момент отказ от „прямого воздействия“ равносителен отказу от классовой борьбы вообще. Когда, после горячих дебатов, вопрос был поставлен на голосование, то громадное большинство съезда высказалось за допустимость политических забастовок, даже за желательность политических забастовок, даже за желательность всеобщей политической забастовки.

Всеобщая политическая забастовка в Англии подготавливается. Вопрос о всеобщей забастовке поставлен на голосование всех членов всех профессиональных союзов и рабочих организаций. Нет никакого сомнения, что громадное большинство будет голосовать за. Результаты голосования будут известны в начале сентября, а 10-го сентября откроется национальный (общеевропейский) съезд всех профессиональных союзов, — и этот съезд, по всей вероятности, установит день начала забастовки и примет все меры к организации ее. Возможно, однако, что „старым вождям“ удастся превратить забастовку в однодневную, демонстративную, — т. е. фактически сорвать ее.

Интересно отметить, что по вопросу о целях, которых рабочие должны добиться путем забастовки, нет решительно никаких разногласий. Самые правые из „старых вождей“, вроде Хендерсона, Клайнса и др., в этом вопросе сходятся с левыми молодыми вождями; все сходятся на необходимости отмены закона об обязательной воинской повинности, снятия блокады с России и национализации железных дорог и угольных копеей. Хендерсон не присутствовал на съезде Британской Рабочей Партии, и

письмо, в котором он говорит, что партия должна в настоящий момент добиться прежде всего этих основных трех целей, — «этим партия докажет свою силу, и это будет первым шагом к подготовке победы партии на предстоящих парламентских выборах». Хендерсон не сомневается в том, что на предстоящих выборах Рабочая Партия одержит решительную победу и что ему, Хендерсону, или кому-нибудь из его ближайших друзей придется занять место Ллойд Джорджа.

Забастовка шахтеров.

Все еще продолжающаяся забастовка шахтеров в Йоркшире вызвала угольный голод, отражающийся на всей английской промышленности. Многие шахты залиты водой, количество угля, не добытого по случаю забастовки, достигало к 1-му августу 1.150.000 тонн. В „Таймсе“ мы находим телеграмму из Шеффилда, сообщающую, что за недостатком угля останавливаются одна за другой фабрики, и телеграмму из Бирмингама, сообщающую, что до 1-го августа остановились 50 металлообрабатывающих заводов с общим числом рабочих 25 тысяч. Точно также отразилась забастовка шахтеров и на текстильной промышленности.

Шахтеры, как известно, предъявили требование сокращения рабочего времени до 44 часов в неделю и повышения сдельной заработной платы так, чтобы сокращение рабочего дня не отразилось на их общем заработке. Правительство признало эти требования справедливыми, но владельцы копей отказались удовлетворить их.

Дороговизна.

„Таймс“ в номере от 4-го августа приводит следующие данные о росте цен на предметы первой необходимости. (Рост цен в процентах за период июнь 1914—июнь 1918):

	Англия.	Америка.
Пищевые продукты	90%	60%
Одежда	95%	82%
Квартирная плата	20,5%	11%
Топливо	44%	79%

Эти данные относятся к июню 1918 года. С того времени цены возрасли приблизительно вдвое — и, по словам „Таймса“, „продолжают расти с каждым днем с необычайной быстротой.“ „Таймс“ отмечает, что, как в Англии, так и в Америке, правительство бессильно в борьбе с дороговизной и спекуляцией.

Что касается заработной платы рабочих, то она неуклонно падает. В том же номере „Таймса“ мы находим следующие данные:

Если принять прожиточный минимум среднего рабочего за 100, то мы получим следующую таблицу:

	Зароботная плата средн. рабочего.
1907 г.	109
1914 „	99
1916 „	93
1918 „	77

В настоящее же время можно смело сказать, что эта цифра упала до 60 и даже 50 — и продолжает неуклонно падать.

А. М.

ШВЕЦИЯ.

III съезд шведской левой с.-д. партии.

12—17 июня в Стокгольме происходил 3-ий съезд шведской левой с.-д. партии. Эта партия, существующая всего два года, за последний год сделала огромные успехи и в настоящий момент насчитывает до 25.000 членов. Число партийных организаций за два года возросло со

100 до 600; они распространены по всей Швеции. Партия издает 16 газет и один журнал. Кроме того, к партии по своей программе и практике примыкает автономный союз с.-д. молодежи, насчитывающий также до 25.000 членов. Этот союз за несколько дней до съезда партии, на своем съезде почти единогласно постановил войти в III Интернационал.

На съезде, включая гостей, присутствовали 273 человека, из которых 237 были делегаты, представлявшие различные организации.

В числе гостей, в качестве представителя от Датской Социалистической Рабочей Партии на съезде был знаменитый писатель М. Андерсен-Нексё, автор известной пролетарской эпопеи „Пеллэ Завоеватель“.

Самым центральным, коренным вопросом, для обсуждения которого экстренно и собрался съезд, — вопреки постановлению прошлогоднего съезда, решившего созвать следующий съезд лишь в 1920 году, — был вопрос о тактике или, точнее, об отношении к большевизму. Этот вопрос стал особенно жгучим за последние месяцы после „красного воскресения“ — 2-го марта, когда большинство парламентской фракции выступило с официальным протестом против слишком „большевистской“ резолюции, предложенной Ц. К. партии.

В партии уже давно намечается два течения, революционное, большевистское, и умеренное, к которому примыкают также и немногочисленные „гуманисты“ с бургомистром Линдгагеном во главе.

Буржуазная и социал-предательская печать давно уже ликовала, уверяя, что в партии предстоит раскол. Шведские большевики, или спартаковцы, состоят, мол, из одной лишь стокгольмской группы, засевшей в редакции центрального органа „Политикен“ и в Ц. К., тогда как большинство партии во всей стране, за исключением Стокгольма, соответствует независимым в Германии, стоит на парламентской платформе и т. п.

Съезд вполне ясно показал, насколько не соответствовали истине эти утверждения. После трехдневных дебатов съезд принял решение по вопросу о тактике. Было предложено в общем пять проектов резолюций, которые в сущности можно свести к двум, выражающим два противоположные течения, а именно: мнение Ц. К. и мнение парламентской фракции. Съезд принял резолюцию, вырабатанную редакционной комиссией и основанную на проекте Ц. К., со включением некоторых радикальных поправок, заимствованных из резолюции т.т. Гримлунда и Чильбума, к которым присоединилось еще около 50 членов съезда.

При окончательном голосовании съезд 186 голосами против 22 постановил примкнуть к III Интернационалу. Это решение было восторженно принято съездом; присутствующие пропели „Интернационал“, и зал огласился 4-х кратным „ура“ в честь Коммунистического Интернационала.

Далее, съезд 124 голосами против 84 решил войти в III Интернационал без всяких оговорок.

Затем последовало голосование трех проектов резолюции: „коммунистический“ проект Линдгагена собрал всего 19 голосов. Проект редакционной комиссии был принят 132 против 69 голосов, поданных за проект умеренной фракции. Итак, на съезде блестяще победило большевистское течение.

Резолюция, принятая съездом, помещена полностью в настоящем номере нашего журнала, в отделе „Документы Интернационального Коммунистического Движения“.

Резолюция эта красноречиво свидетельствует о полной победе большевиков над „независимыми“ и „умеренными“.

Эта же победа подтверждается и выбором нового представительства и нового Ц. К. партии. В состав первого вошло 8 крайних и 2 умеренных, в Ц. К. — 4 крайних и 1 умеренный. Ц. К. состоит из следующих, хорошо известных коммунистам всех стран товарищей: З. Хеглунда, К. Чильбума, О. Гримлунда, Карлессона и умеренного Хага. Секретарем партии избран заместитель представителя Советской России Ф. Стрем, кассиром — Свенсон, оба — представители радикального течения.

Из остальных решений с'езда следует отметить единогласно принятое им обращение к пролетариату как Швеции, так и других капиталистических стран, с призывом посредством энергичной блокады стран, воюющих с Советской Россией и Венгрией, оказать поддержку пролетарским революциям этих стран, являющимся началом мировой революции. Это воззвание заканчивается словами: „Да здравствует международная солидарность рабочего класса! Да здравствует грядущая мировая революция!“

Далее, заслуживает также внимания единогласно принятый с'ездом манифест к трудовому народу Швеции о текущем моменте. В этом манифесте подвергается самой беспощадной критике вся политика нынешнего либерально-социалистического правительства и парламента Швеции, опирающихся на блок социал-предателей с буржуазией. О характере манифеста можно судить по заключительным строкам его: „Долой гражданский мир! Долой министерский социализм! Долой негодный старый парламент! Обостряйте во всех областях свои требования! Сомкните тесней свои ряды!“

Наконец, очень важной является единогласно принятая по предложению т. Чильбума резолюция о профессиональном движении, призывающая партийные организации и отдельных членов партии к энергичной работе, направленной к революционизированию этого движения. Резолюция указывает ряд практических мер для достижения этой цели.

Подводя итоги работам с'езда, следует констатировать, что левая с.-д. за последний год значительно подвинулась влево, по направлению к коммунизму.

Раскола, несмотря на все предсказания, в партии не произошло, и умеренные, в лице лидера парламентской фракции Веннерстрема, после принятия большевистской резолюции ограничились заявлением „особого мнения“ о том, что они голосовали за присоединение к III Интернационалу с оговоркой, соглашаясь на это присоединение лишь постольку — поскольку это позволяет, мол, программа и тактика партии и т. д.

Все резолюции и все дебаты с'езда прошли под знаком большевизма — в духе тов. Хеглунда, Чильбума, Стрема и др. „домашних большевиков“.

Б.

НОРВЕГИЯ.

Чрезвычайный с'езд норвежской с.-д. партии.

7—9 июня в Христиании состоялся чрезвычайный с'езд норвежской социал-демократической партии. Этот с'езд, подобно с'езду шведской левой с.-д. партии, громадным большинством голосов постановил примкнуть к III Интернационалу. Это решение было встречено восторженными криками: „Браво“ и пением „Интернационала“. Было решено послать приветственную телеграмму тов. Ленину и шведской левой с.-д. партии.

Предложение правого течения, руководимого „строгим критиком“ Советской России, Пунтервольдом, который по возвращении из Москвы на родину написал ряд пасквилей о советской республике, собрало всего 71 голос, тогда как против него было подано 264 голоса.

Отклоненное с'ездом предложение Пунтервольда и Ко было направлено против Ц. К. и вообще против революционного большинства партии. По вопросу о тактике партии была 275 глосами против 63 принята резолюция Ц. К., почти тождественная с первоначальным проектом резолюции Ц. К., опубликованным еще в начале мая. В проект этот внесена та поправка, что вопрос о Советской конституции, основанной на Советах рабочих, крестьянских и рыбацких депутатов, передается на обсуждение особой комиссии по социализации, образованной совместно С.-Д. партией и Ц. К. профессиональных союзов. Доклад по этому вопросу комиссия должна представить следую-

щему с'езду, который состоится на Пасху 1920 года. В принятой резолюции подчеркивается, что современные политические учреждения не в состоянии разрешить вопрос об осуществлении социализма. Соглашательское меньшинство, потерпевшее полнейшее поражение, решило образовать С.-Д. оппозиционную группу. Председателем этой группы избран президент стортинга Буехн, тогда как фактическим руководителем ее является все тот же Пунтервольд.

Итак, с'езд революционной норвежской с.-д. партии также прошел под знаком большевизма. На нем присутствовали 355 делегатов, не считая социал-демократической фракции стортинга.

Б.

ИТАЛИЯ.

Общественная атмосфера в Италии сейчас до того насыщена классовой враждой, что забастовки и вооруженные уличные столкновения возникают зачастую по самым ничтожным поводам. Так, в Турине в воскресенье вечером 3-го августа группа детей рабочих-социалистов возвращалась с экскурсии. На углу одной из улиц полицейский остановил детей, заявив, что уличные демонстрации запрещены. Молодой человек, сопровождавший детей, подошел к полицейскому и, объяснив ему, в чем дело, попросил его пропустить детей; но тот грубо ответил, что не желает подчиняться его приказаниям. Молодой человек продолжал настаивать на своем. Скоро около спорящих собралась целая толпа, принявшая сторону детей. Раздраженный „охранитель порядка“ выстрелил в толпу и, арестовав молодого человека, повел его в часть. Толпа, все увеличиваясь, последовала за ними. Видя, что арестованного не выпускают, толпа стала бомбардировать здание полиции камнями. Тогда вышел отряд полицейских в двадцать человек и открыл стрельбу по толпе. Несколько человек было убито и много ранено. Комитет социалистической партии поспешил созвать экстренное массовое собрание, на котором было постановлено объявить в знак протеста однодневную забастовку. В день забастовки рабочие устроили несколько уличных демонстраций. Националистически настроенная часть буржуазии ответила на это контр-демонстрациями. Между демонстрантами произошло серьезное кровавое столкновение. Уличные бои продолжались несколько дней.

Кровавое столкновение между рабочими и полицией произошло 3-го августа и в занятом итальянскими войсками Триесте. Среди рабочих было много раненых, двое из них умерли от ран. Итальянские националисты и здесь устроили контр-демонстрацию. В сопровождении итальянских солдат они ворвались в словенский рабочий народный дом и потребовали поднятия итальянского флага, затем, в порыве „любви к отечеству“, они разгромили словенскую читальню, переломав всю мебель и уничтожив часть книг; разгромили торговую палату, редакцию словенской газеты „Вольность“ и несколько народных школ. В то время, как они бесчинствовали перед одним из народных домов, там как раз происходило заседание комитета какой-то рабочей организации, и вот полиция, под тем предлогом, будто из окна дома кто-то выстрелил в толпу, арестовала всех бывших на заседании членов комитета. Узнав об этом, миланские рабочие-металлисты объявили забастовку протеста. На следующий день к ним присоединились рабочие почти всех заводов в Бергамо, затем забастовали металлисты Генуи и, забастовка охватила всю Лигурию, Тоскану и Ломбардию. Заводчики в ответ на забастовку объявили локаут.

Вслед за металлистами забастовали моряки, требовавшие повышения ставок на 100 лир в месяц. Моряков поддерживали служащие пароходных обществ, и телеграмма из Милана от 7-го августа сообщала, что пароходное сообщение в Италии совершенно прекратилось.

М.

ИСПАНИЯ.

Искра революционного огня начинает разгораться и среди рабочего класса Испании. В промышленной Каталонии, с ее столицей Барселоной, с октября прошлого года с особенной силой стало проявляться стремление рабочих к объединению, к организации. В октябре в Барселоне был основан Объединенный Союз Строительных Рабочих (Sindicato Unico de la Construcción), в который вошли отдельные организации каменщиков, маляров, каменотесов, штукатуров, рабочих каменоломень, кирпичных заводов и гранитных ломок; в декабре к ним примкнули рабочие по мозаике, ваятели, обойщики и резчики, в январе—рабочие цементных заводов, стекольщики, мраморщики, и в настоящее время более 80-и процентов общего числа рабочих всех строительных производств входят в этот союз. В первой половине января образовался подобный же объединенный союз трамвайных служащих, метельщиков, конторщиков, служащих и рабочих заводов, изготовляющих пищевые продукты, газовых заводов, электрических станций и пр. и пр.; и затем союзы, объединяющие всех работников одной и той же отрасли производства, стали возникать один за другим; зачастую они основывались каким-нибудь десятком передовых рабочих, и затем в течение самого короткого времени разрастались в массовые организации. Как сильна эта проснувшаяся в испанском пролетариате тяга к объединению, показывает, между прочим, тот факт, что за несколько дней в январе месяце число членов Каталонской Конфедерации Труда возросло с 120.000 до 200.000.

Деятельность этих организаций прежде всего направилась в сторону улучшения условий труда. Захваченные врасплох капиталисты пошли на уступки почти без всякого сопротивления. Одной лишь угрозой забастовки плотники добились восьмичасового рабочего дня, установления минимальной заработной платы в 8 пезет в день и отмены с незапамятных времен существовавшего в Испании обычая, требовавшего, чтобы плотники работали собственным инструментом. Подобных же успехов и с такой же легкостью добились металлисты, столяры и корабельные плотники. Рабочие графических производств добились после трехдневной забастовки введения восьмичасового рабочего дня и значительного повышения заработной платы. Всего, таким образом, в течение одного только месяца более 50 тысяч рабочих Барселоны значительно улучшили условия своего труда.

То же происходило и в провинции. В Бадалоне и в Игуальде сокращение рабочего дня и повышение заработной платы было достигнуто плотниками, пыльщиками, рабочими химических фабрик и кирпичных заводов; в Таррасе, благодаря настояниям рабочих стеклянных и чугунолитейных заводов, во всех промышленных предприятиях была введена 44-часовая рабочая неделя, в Сабаделе угроза забастовкой заставила фабрикантов согласиться на сокращение рабочего дня до 9 часов, а в Алькое и Валенсии рабочие, также пригрозив стачкой, добились отмены ночной работы.

Рабочие не удовлетворились, однако, этими успехами. В руководящих пролетарских кругах и в широких массах стали все громче раздаваться голоса о необходимости объединения всех трудящихся в „один большой союз“ для более серьезной борьбы с капиталом, для борьбы за социализм. Буржуазия отлично поняла всю важность этих призывов и ответила на них рядом репрессий: еще в середине января в Барселоне было введено военное положение, несколько выдающихся синдикалистов были арестованы и заключены под стражу на военном судне „Пелайо“. Начались судебные процессы против рабочих, обвиняемых в политических „преступлениях“. Но эти репрессии оказались не в силах задержать с такой бурной стремительностью развивающееся движение, которое в дальнейшем своем ходе должно привести к пролетарской революции.

Что революция эта не за горами, видно хотя бы из следующего сообщения голландской газеты „Nieuwe Rotterdamsche Courant“ от 30-го августа: „Взрыв ненависти и недовольства, накопившихся годами в широких слоях испанского населения, неизбежен. Известно, конечно, когда он произойдет, но сейчас положение в Барселоне и Сарагоссе внушает самые серьезные опасения. Цены на продовольственные продукты все растут; новый губернатор Барселоны обращается с населением, как с взбунтовавшимися солдатами.“

Вообще, власти играют с огнем. Всюду введено осадное положение. В Каталонии совершенно запрещены профессиональные союзы, и вожди союзов арестовываются. В результате этого умеренные и благоразумные элементы выходят из состава правлений профессиональных союзов, и их места занимают молодые сторонники крайних течений. Положение все обостряется, с каждым днем возникают новые поводы к серьезным конфликтам и столкновениям."

Ю.

ШВЕЙЦАРИЯ.

Политические процессы в Швейцарии.

Название пролетарской революции и крайнее обострение классовых противоречий кладут сейчас резкий отпечаток на общественную жизнь всех капиталистических стран.

Предвестники приближающейся социальной бури,— массовые выступления пролетариата время от времени все с большей силой потрясают общественный организм, а в промежутках между ними перепуганная буржуазия лихорадочно хлопочет около разбушевавшегося народного моря и, пуская в ход все „демократические“ средства своей классовой диктатуры, старается обуздать разрывающих свои цепи непокорных рабов. Даже в маленькой „свободной“ Швейцарии „усмирение“ забастовщиков военной силой стало повседневным явлением, и военные суды завалены политическими делами. За первые четыре месяца этого года в швейцарских военных судах было разобрано 30 политических процессов, состряпанных по поводу всеобщей забастовки, имевшей место в ноябре прошлого года.

Мы берем на удачу несколько случаев из этой бесконечной вереницы процессов.

9-го мая в 4-м территориальном суде в Ольтене разбиралось дело рабочих Ульриха и Рейнли. Оба подсудимые — члены социал-демократической партии. Обвинялись они в том, что во время всеобщей забастовки, будучи призваны на военную службу, распространяли среди солдат 19-го пехотного полка программу партии и брошюры: „К солдатам“, „К военно-обязанным рабочим“ и „Почему надо устраивать рабочие Советы?“. Кроме того, Ульрих обвинялся еще и в том, что он на собрании солдатской социал-демократической организации призывал солдат к неповиновению начальству. Оба подсудимые, за бездоказанностью обвинения, оправданы.

6-го мая военный суд в Омске рассматривал дело плотника Германа Бейера, обвинявшегося в том, что он, будучи унтер-офицером, во время всеобщей забастовки подстрекал солдат своей части к мятежу и что в разговоре с солдатами возмущался тем, что бастующих железнодорожников силой тащат на работу. Обвинение было основано на доносе некоего фельдфебеля Хаага, бывшего книгопродавца.

На предварительном следствии донес оказался совершенно необоснованным, но так как Бейер обратил на себя внимание военных властей своей неутомимой пропагандой против милитаризма, то дела против него не прекратили, а, откопав какие-то давнишние мелкие случаи нарушения им военной дисциплины, пристегнули их к делу. По главному пункту обвинения Бейера суд оправдал, а за давнишние проступки его приговорили к 2 месяцам тюремного заключения.

8-го мая в одном из военных дивизионных судов в Берне начался слушание процесс группы железнодорожников. На скамье подсудимых на этот раз оказались 4 кочегара (один из них был ранен солдатами при подавлении забастовки), 8 кондукторов и 5 багажных рабочих. Вызвано 19 свидетелей, в том числе 6 солдат-драгун. Подсудимые обвиняются в нарушении правительственного постановления от 11-го ноября 1918 г., хотя предварительное следствие установило, что постановление это ни одному из обвиняемых в момент совершения „преступления“ не было известно. В частности им вменяется в вину попытка устроить крушение поезда и избивание штрейкбрехеров. В виду недостаточности улик, 13 человек оправданы. Один из железнодорожников приговорен к 7 месяцам тюремного заключения, двое к неделе и 1 к 3 неделям. Из показаний свидетелей выяснилось, что забастовщики сами заботились о соблюдении строжайшего порядка и что тем не менее солдаты стреляли в их безоружную толпу.

12-го и 13-го мая военный суд в Муртене приговорил двох рабочих к денежному штрафу за то, что они обратились к начальнику почтовой конторы с предложением закрыть контору по случаю забастовки.

В Пфеффиконском окружном суде разбиралось 21-го мая дело видного социал-демократа Теофиля Фуррера, члена кантонального совета, вице-председателя общинного совета в Бауме и начальника местной полиции. Фуррер обвинялся в принуждении и в нарушении служебного долга, выразившихся в том, что он, будучи председателем местного стачечного комитета, приказал прекратить работу в целом ряде ткацких и шелкопрядильных предприятий. По словам обвинительного акта, он в сопровождении целой толпы бастовавших рабочих обходил фабрики и заводы и, против воли владельцев и большинства рабочих, заставлял закрывать их. Обвинительный акт ставил Фуррера в особую вину то, что он наносил вред интересам фабрикантов, то есть, по мнению начальника полиции он должен был защищать их интересы. Окружный суд признал обвинение в нарушении служебного долга недоказанным, и приговорил Фуррера за принуждение к штрафу в 500 фр. Протест прокурора, обжаловавшего этот приговор в Высший Суд, оставлен Высшим Судом без последствий.

Процессы, как видно из наших примеров, кончаются, большей частью, очень „мягкими“ приговорами. Но не следует обольщаться этим: во первых, почти все привлекаемые к суду на несколько месяцев были оторваны от семьи и от дела, томились в предварительном заключении и вообще подвергались всем тем физическим и нравственным мукам, с которыми неизбежно связано нахождение под судом, а во вторых, именно эта „мягкость“ и показывает, с какой слепой жадной мести швейцарские власти кватают осмелившихся бастовать пролетариев. Все значение этих процессов именно в том и заключается, что они с неумолимой очевидностью разоблачают классовую сущность буржуазно-демократической власти. Это над ней, а не над

рабочими-забастовщиками совершается суд, и при том не только в Швейцарии, а во всем мире... Да, суд идет, и приговор его будет беспощаден.

Ю.

Революционная забастовка.

Стачное движение в Швейцарии, со времени последней всеобщей забастовки, принимает все более и более революционный характер. Швейцарский пролетариат повидимому, извлек большую пользу из энергичных уроков, преподанных ему германскими стартковцами.

Первого августа демонстранты-забастовщики устроили баррикады на улицах Базеля (на правом берегу реки, в так называемом „Малом Базеле“) для того, чтобы помешать передвижению военных автомобилей. Высланные для усмирения войска были встречены градом камней и револьверными выстрелами, они открыли огонь по толпе. После первого столкновения оказалось несколько убитых и множество раненых. Забастовщики, покрыв красным знаменем тело одного из убитых, павших жертвою буржуазного „порядка“, хотели внести его в казарму,—на это солдаты ответили новым залпом. Одна молоденькая работница упала, сраженная наповал.

Вечером к забастовке примкнули рабочие газового завода и рабочие типографий. На следующий день в Базеле не вышло ни одной газеты. Военные госпитали были переполнены ранеными, и для раненых демонстрантов пришлось устроить временные приемные пункты.

На следующий день швейцарские газеты сообщали, что забастовка становится всеобщей. Все заводы и мастерские остановились. Военные власти запретили устройство коммунистических митингов, а Базель был объявлен на военном положении.

Рабочие цюрихских типографий решили объявить забастовку в знак сочувствия базельским товарищам. Началась общая мобилизация пролетарских сил. В Берне было созвано экстренное заседание Ольтенского Комитета. Исполнительный Комитет Социалистической Партии заседал непрерывно. Социалистическая организация в Лозанне приняла постановление о вступлении в III-ий Интернационал. А правительство? Федеральный Совет, сохраняя верность своему „демократическому долгу“, решил выступить на защиту „порядка“, собственности и капитала и, как сообщают газеты, мобилизовал „штаб 4-ой дивизии, 6-ой стрелковый батальон, 6 рот пулеметчиков и отряды специальных войск“.

Словом, правительство опять приготовилось накопить свинцом тех, кто требовал хлеба и справедливости. Но мобилизованные им пулеметчики тоже, ведь, пролетарии, и поэтому правительству пришлось отступить перед натиском рабочего движения.

Эти события, свидетельствующие о настроении швейцарского рабочего класса, являются лишь первыми стычками, знаменующими начало решительных последних боев.

Н. И.

Содержание 5-го номера.

	стр.		стр.
К. Цеткина. Роза Люксембург.	597	С'езд Социалистической Партии Эльзас-Лотарингии.	701
Н. Ленин. Как буржуазия использует ренегатов. . .	601	Резолюция конференции мусульманских коммуни-	
Л. Троцкий. Письмо к французским товарищам. . .	611	стов Туркестана.	702
Н. Бухарин. Диктатура пролетариата в России и			
мировая революция (окончание).	613		
Г. Зиновьев. Обвинительный акт против Второго			
Интернационала.	617		
Ю. Мархлевский (Карский). Что будет с Гер-			
манией?	621		
Г. Роланд Хольст. Большевики и их деятельность.	629		
А. Руднянский. Профессиональные союзы и контр-			
революция в Венгрии.	637		
М. П. Прайс. Германско-польский вопрос в Запад-			
ной Пруссии и мирные условия союзников. . .	643		
Ф. Лорио. „Наш кризис“.	647		
А. Блан. Довольно колебаний!	651		
Е. Мюнх. За Третий Интернационал.	653		
М. Томский. Очерки профессионального движения			
в России.	657		
Е. К. „Субботники“.	669		
Фридрих Адлер пугает австрийскую буржуазию, но			
ей совсем не страшно („Серьезное предосте-	671		
режение“ А. Бауэра и Ф. Адлера).			
Корреспонденции Коммунистического		Из деятельности	
Интернационала.		Исполнительного Комитета	
Ж. Фабрис. Письмо из Франции.	673	Коммунистического Интернационала.	
Н. Из Англии (Отрывок из письма).	679	Парламентаризм и борьба за Советы (Циркулярное	
		письмо И. К. Коммун. Интернационала). . .	703
Документы Интернационального Комму-		С'езду Итальянской Соц. Партии в Болонье. . .	707
нистического Движения.		Письмо С'езду Финляндской Коммун. Партии. . .	709
Социализм в Англии.	681	К постановке памятника Жоресу.	710
Резолюция С'езда Болгарской Коммунистиче-			
ской Партии о положении Болгарии.	689		
Письмо с'езда Финляндской Коммунистической			
Партии.	695		
Обращение к революционному пролетариату			
Европы.	695		
Присоединение к Третьему Интернационалу:		Герои и мученики пролетарской	
Письмо Ц. К. Норвежской Рабочей Партии. . . .	695	революции.	
Резолюция Шведской Лево-Соц.-дем. Партии. . .	697	Н. Бухарин. Тибор Самуэли.	711
Проекты резолюций швейцарских организаций. . .	698	Г. Зиновьев. Леон Тышко (Иогихес).	713
Постановление с'езда Швейцарской Соц.-дем. Партии	699	К. Цеткина. Карл Либкнехт.	715
Вступление финских рабочих в Коммунистический		Ю. Судебный отчет по делу об убийстве Карла	
Интернационал (Резолюция партийного с'езда). .	700	Либкнехта и Розы Люксембург.	715
Резолюция III-го с'езда Украинской Федерации Аме-		Б. Преследование социалистов в Америке.	717
риканской Социалистической Партии.	700	32 расстрелянных. (Рассказ очевидца).	719
Постановление Ц. К. Польской Коммунистической			
Партии.	701		
		Интернационал Коммунистической	
		Молодежи.	
		И. Штейнеман. Коммунистический Интернационал	
		и интернациональная организация молодежи. . .	723
		Рывкин. (О. Скар). Коммунистическое движение	
		молодежи в России.	725
		О. С. Личные впечатления о швейцарском движе-	
		нии коммунистической молодежи.	729
		Т. Общескандинавский конгресс рабочей молодежи.	733
		Ф. С'езд Американского Союза Молодежи.	739
		На борьбу! (Воззвание Германского Союза Комму-	
		нистической Молодежи).	739
		Отчеты и Хроника.	
		Деятельность социал-демократии (тесняков) в Бол-	
		гарии.	743
		М. Л. В Эстляндии.	747
		Эмигрант. Профессиональное движение в Эстлян-	
		дии.	750
		Ю. и А. М. Америка.	752
		А. М. Англия.	757
		Б. Швеция.	759
		Б. Норвегия.	761
		М. Италия.	762
		Ю. Испания.	763
		Ю. и Н. I. Швейцария.	764

Между стр. 672—673 иллюстрация: Расстрел русского коммуниста на Северном фронте; между стр. 720—721: Тибор Самуэли, Леон Тышко (Иогихес), Карл Либкнехт на смертном одре.

Цена 20 руб.